

Антон Павлович
ЧЕХОВ

СБОРНИК СТАТЕЙ

САХАЛИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Южно-Сахалинск — 1959

Великий пролетарский писатель М. Горький сказал о Чехове, что это был «один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый — друг, любящий ее, сострадающий ей во всем».

Для трудящихся Сахалинской области А. П. Чехов дорог еще и тем, что в черную годину реакции он совершил незабываемый патриотический подвиг — посетил Сахалин и поднял могучий голос протеста против преступлений самодержавия, чинимых на острове.

И настоящий сборник статей и материалов, издаваемый на далеком Сахалине к 100-летию со дня рождения великого русского писателя, является скромной данью уважения и любви к А. П. Чехову, посетившему когда-то остров.

В сборнике, который подготовлен Южно-Сахалинским педагогическим институтом и Сахалинским книжным издательством, участвуют не только местные исследователи. В нем печатаются статьи китайского литературоведа У Цюань-то, московских и хабаровских писателей и исследователей: И. Эренбурга, А. Никулина, Вл. Лидина, Е. Н. Коншиной, Вс. Н. Иванова.

Сборник иллюстрирован репродукциями с рисунков племянника Антона Павловича художника С. М. Чехова и сына племянника С. С. Чехова, приехавших в 1958 году на Сахалин и посетивших те же места, где некогда побывал великий писатель.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

К. И. Князев, Ф. И. Кулешов, М. В. Теплинский (редактор).

ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

Ф. И. КУЛЕШОВ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ А. П. ЧЕХОВА

Художественное творчество Чехова завершало собой период наивысшего расцвета реалистической русской литературы, составляющей гордость и славу нашего народа и русской нации. Чехов — великий писатель-реалист — в своей литературной деятельности явился продолжателем и наследником лучших традиций критического реализма, у истоков которого стоят Пушкин и Гоголь. Те возвышенные идеи свободы и социального равенства, гражданской доблести, патриотизма, бескорыстной любви к народу, гуманизма и просветительства, которыми была пропитана прогрессивная демократическая русская литература XIX века, всегда составляли живую душу чеховского творчества. Продолжив и развив «великолепнейшую и, может быть, наиболее социально плодотворную линию русской литературы — линию обличительно-реалистическую»¹, Чехов обогатил русское искусство новым содержанием, новыми социально емкими образами, темами и сюжетами, выступил гениальным новатором в прозе и драматургии, довел до высокого совершенства русский язык, стал в первый ряд мировых художников слова.

Большая жизненная правда, народность творчества, высокая идейность, острота социальных обличений, патриотический пафос, тончайшее художественное мастерство изображения людей и действительности — вот что дорого нам

¹ М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 25.

в литературном наследии Чехова, которое преемственно связано со вчерашним днем нашей литературы и одновременно предвораля собою возникновение литературы социалистического реализма.

I

На путь литературного творчества Чехов вступил в самом начале 80-х годов — в пору, когда горизонт русской общественной жизни все более заволакивался темной тучей политической реакции.

Крах революционного народничества и временное торжество политической реакции посеяли в среде русской интеллигенции чувства тоски, разочарования и растерянности. Очень многим стало казаться, что «рассвет спасительный далек»: плохо верилось или вовсе не верилось в возможность избавления от ужасов реакции, в возможность наступления свободы. Страх и уныние овладели душою и разумом интеллигенции. Одни стали на путь прямого предательства интересов народа и революции; другие поспешили прикрыть свое ренегатство фальшивыми софизмами о том, что «наше время — не время великих задач», и усердно проповедывали пресловутую теорию «малых дел»; третьи же, потеряв всякий вкус к политической жизни, погрязли в пошлый, мещанский, обывательский быт, превратились в жирных каплунов-индивидуалистов и черствых эгоистов. Именно в восьмидесятые годы стала модной толстовская «философия застоя» — проповедь пассивизма, покорности судьбе, непротivления злу насиллем и нравственного самосовершенствования, а в литературе пропагандировалась идеалистическая теория «искусство для искусства».

Во все поры тогдашней жизни проникал, как выразился Чехов, «сволочной дух», отравлявший общественно-политическую атмосферу, которая и без того была затхлою и тяжелой вследствие усугублявшейся правительственной реакции.

Разумеется, 80-е годы в России не были каким-то темным провалом, сплошным черным пятном в истории русского освободительного движения, русской общественной

мысли. Были истреблены революционеры, но идеи революции жили и продолжали вызревать в недрах мрачной эпохи. В. И. Ленин говорил, что нельзя отрицать «революционную роль реакционных периодов», ибо нередко в такие периоды наступает «очередь мысли и разума», как тюремное заточение политического деятеля содействует его научным работам и занятиям. То же наблюдалось в 80-е годы в России: «Именно в эту эпоху, — писал Ленин, — всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического миросозерцания»¹.

Чехову суждено было жить и писать в эту сложную, полную противоречий эпоху — сумеречную эпоху «безвременья», «духовного паралича» и, вместе с тем, эпоху зарождения марксизма в России. Она, эта эпоха, не могла не наложить своего отпечатка на мировоззрение и творчество Чехова.

О марксистском учении Чехов не имел никакого представления, рабочего движения в России он не видел, в революцию и возможность практического осуществления ее не верил. «Революции в России никогда не будет», — заявлял он, например, в письме Лейкину от 9 февраля 1888 года².

С другой стороны, Чехов решительно отмежевывался и от консерваторов, и от либералов, не говоря уже о том, что официальная идеология была ему враждебна.

Из этих общеизвестных фактов старое, буржуазно-либеральное литературоведение делало глубоко неверные выводы об отсутствии у Чехова мировоззрения. Чехов изображался писателем аполитичным, беспартийным, равнодушным к происходившей вокруг него идеологической борьбе.

Версию об общественном индифферентизме оправдывали ссылкой на собственные признания Чехова. Так, в письме А. Н. Плещееву от 4 октября 1888 года Чехов говорит, что он боится тех, кто хочет видеть в нем непременно либерала или консерватора: «Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист» (XIV, 177). В письме к Д. В. Григоровичу, написанном пятью днями

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 10, стр. 230, изд. 4.

² А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем, изд. Гослитиздат, М., 1944—1951, т. 14, стр. 37. Дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте статьи (римской цифрой обозначен том, арабской — страница).

позже, встречается фраза: «Политического, религиозного и философского мировоззрения у меня еще нет; я меняю его ежемесячно...» (XIV, 183).

Но так ли это? Нет. Сам Чехов весной 1888 года заявил, что «определенные взгляды, убеждения, мировоззрение — все это в данную минуту есть у каждого человека» (XIV, 51). Все это, конечно же, было и у Чехова. •

Во взглядах на природу Чехов был убежденным материалистом. Медик по образованию, Чехов материалистически решал основной вопрос философии, признавая материю первоосновой всего. «Все, что живет на земле, материалистично по необходимости», «вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит, нет и истины», — писал Чехов 7 мая 1889 года Суворину.

Источником познаний являются наши ощущения; правильность, истинность, достоверность знаний и представлений об окружающем нас мире проверяется опытом. Трезво мыслящие люди, говорит Чехов, неизбежно становятся материалистами: «Они ищут истину в материи, ибо искать ее больше им нигде, так как видят, слышат и ощущают они одну только материю» (XIV, 360). Чехов заявляет: «Воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину». Психические акты, духовная деятельность человека, мышление есть проявление свойства материи. По словам Чехова, «психические явления поразительно похожи на физические», так что бывает нелегко установить, где кончаются первые и начинаются вторые. «Я думаю, что когда вскрываешь труп, даже у самого заядлого спиритуалиста необходимо явится вопрос: где тут душа?» (XIV, 360).

Врагов материализма Чехов считал своими врагами в области философской мысли. Отвечая Суворину на его обвинение материалистов в безнравственности и разврате, Чехов писал, что «за утонченных развратников, блудниц и пьяниц слывут не Сиксты и не Менделеевы», а те, кто выступает поборником идеализма и религии, «особы, исправно посещающие посольские церкви» (XIV, 361). Он решительно осуждал «претенциозный поход» против материалистического направления. «Подобных походов я, простите, не понимаю... материалистическое направление — не школа и не направление в узком газетном смысле; оно не есть нечто случайное, преходящее; оно необходимо и неизбежно...» (XIV, 360).

Небезынтересно заметить, что Чехов, чутко улавливавший веяния времени, в 1894 году предсказывал возможность торжества материализма в России: очень возможно, говорил он, что русские люди «переживут увлечение естественными науками» и что «материалистическое движение будет модным». Это было сказано в год создания Лениным своего труда «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» и за год до появления плехановской книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», хотя этих марксистских работ Чехов, разумеется, не читал.

Чехову был понятен и близок атеизм материалистов. Он отвергал мистику идеалистов и учение о бессмертии души, не верил в существование бога. Если бы идеалисты и церковники, воюя с материализмом, говорил Чехов, потрудились указать материалистам на бесплотного бога в небе и указать так, чтобы его там увидели, тогда бы другое дело. Но сделать это никто не в состоянии, и потому всякие разговоры о боге смешны и нелепы.

С представлением о боге, о религии и церкви у Чехова всегда были связаны мрачные воспоминания детства. Об этом он рассказал в письме к писателю Щеглову: «Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание — с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; религии у меня теперь нет» (XV, 339). Незадолго до смерти, летом 1903 года, Чехов писал С. П. Дягилеву: «...Я давно растерял свою веру и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего» (XX, 119). Подобных высказываний у Чехова много. Они свидетельствуют о равнодушии и вражде писателя-врача к религии и церковным догматам, о его ненависти к идеалистическим проповедям, к мистике и мракобесию.

Все это убеждает нас в том, что у Чехова уже в начальную пору его писательской деятельности было прочно сложившееся философское мировоззрение — материалистическое, научное, антирелигиозное. Правда, материализм Чехова был естественно-научным, он не распространялся на область общественных, социальных отношений. Марк-

систское учение о развитии человеческого общества, то, что составляет содержание исторического материализма, Чехову не было известно.

При всем том у Чехова была определенная система общественно-политических взглядов, хотя и страдавшая известной расплывчатостью и незрелостью, своей незавершенностью. Он стоял на последовательно демократических позициях, характерных для разночинной русской интеллигенции.

На общественный строй в России Чехов глядел глазами плебея, ненавидящего тех, кто угнетает и эксплуатирует народ. Размышляя над судьбою русского народа в прошлом и настоящем, Чехов приходил к грустному выводу: положение народных масс не стало лучшим в пореформенную, буржуазную эпоху. Усовершенствовались формы порабощения людей, но сущность его осталась прежней. «Крепостного права нет, зато растет капитализм. И в самый разгар освободительных идей так же, как во времена Батые, большинство кормит, одевает и защищает меньшинство, оставаясь само голодным, раздетым и беззащитным. Такой порядок уживается с какими угодно веяниями и течениями, потому что искусство порабощения тоже культивируется постепенно», — так говорит Чехов устами своего героя из «Моей жизни» (IX, 132).

Порядок, при котором беззастенчивая эксплуатация народа уживается с лживыми речами о любви к «страдающему брату», был ненавистен Чехову. «Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах», — писал он в 1888 году (XIV, 177). Выражением страстного протеста писателя против собственнического мира, основанного на власти денег и насквозь пропитанного ложью, лицемерием, фарисейством и фальшью, является все творчество Чехова.

Царизм, державшийся на деспотизме, Чехов считал преступным. Он искренне возмущался жестоким обращением властей с народом, он негодовал против царившего в России беззакония и произвола, с горечью писал, что на одном только Сахалине власти «сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски» (XV, 30).

Конкретным проявлением произвола и беззакония в отношении самого писателя была правительственная цензура.

«Я боюсь ее и не люблю», — писал о русской цензуре Чехов, высказывая убеждение, что «цензура не должна существовать даже в Турции», не говоря уже о России. (XIV, 329).

Созданный Чеховым сатирический образ унтера Пришибеева явился смелым обличением столь ненавистой писателю самодержавной Руси, тупости и жестокости ее официальных правителей, а логическим развитием этого типа и вариацией его есть образ пресловутого «человека в футляре».

Насилию во всех его видах Чехов противопоставлял идеал человеческой свободы — политической, гражданской и личной, свободы печати и слова, свободы мысли и совести. Своеобразное политическое кредо Чехов изложил в письме к А. Н. Плещееву от 9 апреля 1889 года: «абсолютная свобода человека, свобода от насилия, от предрассудков, невежества, чорта, свобода от страстей и проч.» (XIV, 339).

По признанию Чехова, он «с детства уверовал в прогресс» — технический, культурный и общественный. Он был проникнут убеждением, что человечество неуклонно, хотя пока еще слишком медленно, идет к полному раскрепощению человеческой личности, идет по пути свободы. Ускорить движение вперед, поскорее приблизить наступление дня свободы — во власти людей. Надо не ждать, ибо «больше так жить невозможно!», надо действовать, бороться — вот смысл многих произведений Чехова конца 90-х — начала 900-х годов.

Чехов предчувствовал приближение «здоровой и сильной бури», способной изменить всю общественную жизнь в России. Устами Тузенбаха из «Трех сестер» (1901) он говорит: «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушные к труду, гнилую скуку» (XI, 246). Герои чеховских пьес и новелл твердо верят в торжество свободы и счастья.

Правда, у Чехова было крайне смутное представление о конкретных путях достижения желанной свободы и всеобщего народного счастья. Взглядов русских революционных демократов с их проповедью крестьянской революции Чехов не разделял, хотя он с глубоким уважением относился к людям 60-х годов и презирал тех своих со-

временников, которые, выхолащивая революционное содержание шестидесятников и глумясь над ними, пытались выдать себя их наследниками. Чехов писал: «Шестидесятые годы — это святое время, и позволять глупым сусликам узурпировать его значит опошлять его» (XIV, 185).

К «революционности» и «социализму» либеральных народников Чехов относился явно скептически. В одном из своих писем за 1888 год Чехов саркастически заметил, что народнический «социализм» разоблачил себя ренегатским письмом Тихомирова к царю, что вчерашние «социалисты» поженились и ныне заняты тем, что критикуют земство. Народническая идеализация сельской полуфеодальной общины вызывала у Чехова горькую иронию; он хорошо видел и правдиво запечатлел (например, в повести «В овраге») распад общинных основ крестьянской жизни. Проникновение в деревню капитала ускоряло процесс классового, социального расслоения внутри общины. В этих условиях община — «это толпа, искусственно связанная, как толпа арестантов, — писал Чехов. — ...Община живет земледелием, но раз земледелие начинает переходить в сельскохозяйственную культуру, то община уже трещит по всем швам, так как община и культура — понятия несовместимые. Кстати сказать, наше всенародное пьянство и глубокое невежество — это общинные грехи» (XVIII, 22). В своем отрицательном отношении к народникам и в своем понимании вопроса о путях экономического и политического развития России Чехов во многом был близок к марксистам.

Субъективно Чехов, как выше отмечалось, не верил в революцию, не понимал ее задач, неясно представлял себе средства борьбы за свободу и не видел в рабочем классе единственную силу, способную уничтожить старое общество и создать государство свободных и равных людей. Но объективно вся деятельность Чехова служила великим целям социалистической революции, помогала приблизить час ее наступления. В борьбе русского пролетариата за свое освобождение Чехов был его верным союзником.

Этим определяется место, роль и значение Чехова в русском освободительном движении и в истории демократической общественной мысли в России конца XIX — начала XX вв.

II

Огромную ценность для нас представляют не только собственно художественные произведения Чехова, но и многочисленные высказывания его о литературе и искусстве, являющиеся теоретическим осмыслением богатого профессионального опыта самого писателя, опыта, добытого им двадцатипятилетием напряженной литературной работы.

Эстетические вкусы Чехов развил в себе внимательным чтением и изучением произведений русских классиков, и в первую очередь, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Островского, Щедрина, Некрасова. На формирование литературных взглядов Чехова сильное воздействие оказала эстетика русских революционных демократов, отводивших литературе и искусству огромную роль в жизни общества и в борьбе народных масс за свое освобождение.

Вслед за теоретиками и практиками русского критического реализма Чехов последовательно защищал важнейшее положение материалистической эстетики о зависимости искусства от общественного бытия, от жизни. Жизнь неизмеримо богаче и сложнее искусства, ибо последнее есть лишь одно из бесчисленных проявлений жизни. Искусство призвано воспроизводить картины человеческой жизни и картины природы, показывать людей в их отношении друг к другу и к природе. «Вся энергия художника, — писал Чехов Д. В. Григоровичу, — должна быть обращена на две силы: человек и природа» (XIV, 33). Именно человек и природа составляли и составляют постоянный объект искусства и литературы с момента их возникновения.

Предметом художественной литературы, как одного из важнейших видов искусства, всегда была жизнь, действительность во всей ее сложности, противоречивости и неприкрытой наготе. Всецело разделяя мысль Белинского о том, что от писателя-реалиста требуется изображение «не идеала жизни, но самой жизни как она есть», Чехов писал М. Киселевой:

«Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле» (XIII, 262).

Задачу литературы и искусства нельзя ограничивать

требованием изображать только эстетически прекрасное, идеально-возвышенное, то, что нежит глаз и ласкает слух читателя. Нельзя требовать от писателя, чтобы он рисовал идиллические картины жизни, как нелепо заставлять, например, живописца рисовать дерево, приказав ему не трогать грязной коры и пожелтевшей листвы. Всякая попытка сузить функции литературы областью «чистой красоты» способна погубить ее. В широкой раме художественной картины должно вмещаться все — красивое и безобразное, чистое и низменное.

Литератор, говорит Чехов, обязан знать, что «навозные кучи в пейзаже играют очень почтенную роль, а злые страсти так же присущи жизни, как и добрые» (XIII, 263). Художнику не следует бояться «марать свое воображение грязью жизни». Как для химика на земле нет ничего нечистого, так и для литератора не может быть запретных тем.

Но литература не должна впадать в другую крайность: она не должна рисовать лишь уродливое, безобразное, некрасивое, цинично-грязное. «Я не знаю ни одного основания, в силу которого было бы полезно и уместно изображать действительность непременно в наихудшем виде, — писал Чехов. — ...Некрасивое, к тому же, несколько не реальнее красивого» (XIII, 359). Когда молодой литератор Кулаков напечатал в «Осколках» рассказ, в котором изображал пьяных и передавал их вульгарную речь, смакуя ее, Чехов в письме к редактору журнала Лейкину осудил этот рассказ: «Не понравилось мне, что он дебютировал с пьянства... описывать пьянство ради пьяных словечек — есть некоторого рода цинизм» (XIII, 252).

В стремлении описывать только благообразно-красивое или же, наоборот, смаковать лишь отвратительно-низменное, гадкое Чехов видел нарушение основного закона реалистического искусства — жизненной правды.

Толстой писал в «Севастопольских рассказах», что правда есть тот главный герой его произведений, которого он любит «всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его, и который всегда был, есть и будет прекрасен»¹. Толстовский девиз был руководящим

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений (юбилейное издание), т. 4, стр. 59.

творческим и теоретико-литературным принципом Чехова. Он всегда был поборником правды в искусстве — «правды безусловной и честной».

Без правды жизни нет поэзии, нет художественного творчества. Подлинная красота — в правде. Ложь безразлична с точки зрения этики и безобразна с точки зрения эстетики. Эстетическая ценность любого художественного произведения определяется степенью близости его к жизни, соответствием между тем, что описано, и тем, что есть в реальной жизни, т. е. полнотой жизненной правды, которая «для объективного писателя дороже воздуха» (XV, 243).

Подлинно реалистическая, народная по своему духу художественная литература сильна правдивым и ярким воспроизведением объективной действительности и потому органически враждебна буржуазному искусству с его субъективистским взглядом на мир, мистикой и формалистическим шукачеством.

Будучи сам писателем на редкость объективным, Чехов требовал от художников максимальной объективности и изображении явлений действительности и общественной жизни и быта людей, решительно выступал против субъективного произвола писателя по отношению к жизни. Чехов говорил, что художнику подобает быть всегда объективным, справедливым, правдивым; он не должен извращать жизненную правду в угоду субъективистским воззрениям, ради доказательства неверного тезиса. Литератор «должен отрешиться от житейской субъективности», ибо «субъективность ужасная вещь. Она не хороша уже и тем, что выдает бедного автора с руками и ногами» (XIII, 48).

Субъективизм в творчестве художника является следствием предвзятого подхода его к изображению жизни, показателем ограниченности мировоззрения писателя, свидетельством крайней скудости, бедности его личного жизненного опыта, за пределы которого он боится перешагнуть. В этом случае писатель кроит своих героев «по образу и подобию своему», так что в их реальность, правдоподобие и жизненность читатель не верит. Чехов, например, упрекал писателя Леонтьева-Щеглова за то, что в своих произведениях тот изображает не объективную действительность, не разнохарактерных людей, какими богата реальная жизнь, а под разными именами выводит в своих книгах самого

себя. «Тоном отеческой журбь» Чехов как-то сказал Щеглову: «...Вы до чертиков субъективны! Так, Жан, нельзя.. Нельзя выворачивать только пережитое — этак ведь никаких нервов не хватит!»¹

Рисуя людей, не следует всюду выпячивать свое авторское «я», не надо описывать только себя и вкладывать в уста героев только свои мысли. Произведение «никуда не будет годиться, если все действующие лица будут похожи на тебя, — писал он брату Александру. — ...И кому интересно знать мою и твою жизнь, мои и твои мысли? Людям подавай людей, а не самого себя» (XIV, 362). Чехов настойчиво советовал писателям «выбрасывать себя за борт всюду, не совать себя в герои своего романа, отречься от себя хоть на 1/2 часа» (XIII, 48). Поступая так, писатель отрешится от ненужной субъективности.

Объективный, беспристрастно-правдивый показ жизни и людей не лишает художественного произведения его страстности, той внутренней взволнованности, заинтересованности, теплоты и искренности, с какою оно должно создаваться писателем. Объективность в творчестве не имеет ничего общего с равнодушием и бесстрашием, которое губит искусство. Чем объективнее повествование, тем оно художественнее, ибо правдивее, и тем более сильное впечатление производит подобное произведение на читателя. Необходимо, чтобы в процессе чтения читатель не замечал постоянного присутствия автора и не видел тех нитей, с помощью которых автор приводит в движение разнохарактерных героев своей книги. Как указывал Чехов, «над рассказами можно и плакать, и стенать, можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил» (XV, 375).

Борясь против крайностей субъективизма в художественном творчестве, Чехов тем самым боролся против субъективной социологии, литературоведения и литературной критики либеральных народников типа Михайловского и Скабичевского, к деятельности которых Чехов относился с нескрываемой враждебностью. Но в своей борьбе с субъективистским произволом в творчестве и горячей защите объективного освещения жизни в искусстве и литературе

¹ Сб. «Чехов в воспоминаниях современников», изд. 2, Гослитиздат, М., 1954, стр. 145.

Чехов в 80-е годы порою впадал в заблуждение. Так, в письме Чехова к Суворину от 30 мая 1888 г. содержится фраза: «Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем они говорят, а только беспристрастным свидетелем» (XIV, 118).

Легко понять, что в этом случае Чехов отступал от известного положения эстетики Чернышевского о том, что искусство произносит приговор над жизнью и что писатель является нравственным судьей. Да и сам Чехов, как известно, в своем творчестве не был «беспристрастным свидетелем» изображаемого им: он всегда осуждал отклонения от идеала свободной, честной и чистой жизни. Ведь не кто иной, как Чехов, говорил, что «с уклоном от нормы должен воевать всякий писатель» (XIV, 368). Эту мысль Чехов высказал писательнице Авиловой: «...Писатель это не птица, которая щебечет. Но кто же вам говорит, что я хочу, чтобы он щебетал? Если я живу, думаю, борюсь, страдаю, то все это отражается на том, что я пишу... Я правдиво, то есть художественно, опишу вам жизнь, и вы увидите в ней то, чего раньше не видали, не замечали: ее отклонение от нормы, ее противоречия...»¹

Чеховское требование безусловной правды не было призывом к точной фиксации всего видимого, к бездумному копированию природы. Чехов осуждал эмпиризм в творчестве, натуралистическое фотографирование окружающего, мелочное бытописание.

Хорошо известно, что в 80-х — 90-х годах натурализм получил в России довольно широкое распространение. Писатели-натуралисты сосредоточивали свое внимание на частностях, на разрозненных, случайных фактах и нехарактерных событиях. Бытовики-натуралисты не творили, а лишь описывали и списывали, у них не было творческого претворения наблюдений, не было синтеза. Вместо того, чтобы рисовать обобщенный, собирательный образ человека — носителя определенных социально-психологических черт, представителя эпохи и класса, они рассказывали об индивидууме, о человеческой особи. К тому же они придавали большое значение наследственности, биологическому фактору в жизни человека. С подобными натуралистичес-

¹ Сб. «Чехов в воспоминаниях современников», изд. 2, Гослитиздат, М., 1954, стр. 188.

кими приемами творчества Чехов неустанно боролся. Разоблачение их содержится и в рассказе «Припадок» (1888), и в письмах Чехова к литераторам.

Когда молодая писательница Шаврова прислала Чехову на отзыв свой рассказ «Маркиза», то в числе самых крупных ошибок этого рассказа он назвал наличие ненужных частных, не соединенных в цельную картину, неумение автора отобрать наиболее существенное: «На переднем плане картины много подробностей, — писал ей Чехов. — Ими надо жертвовать ради целого» (XVI, 184).

Искусство начинается там, где есть широкое обобщение, верная типизация явлений общественной жизни и человеческих характеров. Чехову принадлежат прекрасные слова о том, что «романист-художник должен проходить мимо всего, что имеет временное значение», мимо случайного, нетипичного, сосредоточив внимание на значительном и важном (XVI, 60).

Многих современных ему писателей Чехов критиковал за неумение создавать типические, реалистически верные картины, воспроизводить типические обстоятельства и характеры, жизненные положения и конфликты. Так, в 1886 году давно забытый драматург Николаев написал и поставил в театре Корша пьесу «Особое поручение», в которой был выведен образ русского «литератора» Мухина. Этот Мухин изображен лжецом, клеветником, льстецом, пьяницей и чуть ли не уголовной личностью, вором и шантажистом. Чехов указывал, что Мухин является кем угодно, но не типом русского писателя. «Где г. Николаев видел таких литераторов? — спрашивает Чехов. — С кого же писал г. Николаев своего Мухина? С какого обсервационного пункта наблюдал он и изучал этот «тип»?» (IV, 576).

В писаниях Николаева не было художественной типизации, было ложное освещение людей и жизни. Подобные недостатки Чехов находил в произведениях таких ныне забытых писателей, как Альбов, Баранцевич и Муравлин, которые не давали типических фигур людей восьмидесятых годов.

Свои впечатления и наблюдения над жизнью писатель должен, по терминологии Чехова, «процеживать» на фильтре памяти, пропускать их сквозь призму собственных убеждений и взглядов, отбирая из груды сырых фактов, действительно имевших место, только наиболее характер-

ные и яркие и вскрывая их сущность. В одном из писем Ф. Д. Батюшкову (от 15 декабря 1897 г.) Чехов говорит: «Я... никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на ней, как на филътре, осталось только то, что важно или типично» (XVII, 193).

На языке Чехова слова «важно» и «нужно» равнозначны понятию «типично». Так, типичным для «хмурой эпохи» 80-х годов и, значит, нужным в литературе образом писатель считал образ усталого и разочарованного интеллигента Иванова — героя одноименной чеховской драмы — и других персонажей этой пьесы.

«Когда я писал пьесу, то имел в виду только то, что нужно, то есть только типичные русские черты», — рассказывает Чехов Суворину и добавляет: «Говорю Вам по совести, искренно, эти люди родились в моей голове не из морской пены, не из предвзятых идей... не случайно. Они результат наблюдения и изучения жизни. Они стоят в моем мозгу, и я чувствую, что я не солгал ни на один сантиметр и не перемудрил ни на одну иоту» (XIV, 274).

То же можно сказать относительно любого художественно зрелого произведения Чехова: он старался не перемудрить, не солгать, он изучал жизнь, подмечал и воспроизводил типические черты эпохи.

Наблюдая современную ему русскую действительность, зорко вглядываясь в происходящее и размышляя над ним, Чехов не мог не видеть, что самодержавие и буржуазия враждебны народу, что капитализм порождает нищету и разорение народных масс, подавленных диктатурой капитала. Эту враждебную народу силу Чехов воплотил в типах Пришибеева, Хамелеона, Беликова, Цыбукина, Лопухина, Раневской и им подобных, так что само слово пришибеевщина стало нарицательным обозначением деспотического произвола казенной власти и командующих классов над трудящимися. Страшным символом царской России — этой «тюрьмы народов», страны беззакония и чудовищных насильств над человеческой личностью — явилась палата для душевнобольных в знаменитой сатире «Палата № 6». Именно так воспринял это произведение В. И. Ленин, которого до глубины души потрясла чеховская повесть.

Но Чехов запечатлел и другую социальную силу — он

любовно нарисовал типические образы людей-тружеников, ненавидящих капитализм: городскую бедноту, мастеровой люд, крестьян, разночинную интеллигенцию, учителей, врачей, мелких служащих, обитателей каторги, детей, жестоко эксплуатируемых хозяевами.

В таком контрастном противопоставлении двух категорий типических образов с достаточной определенностью раскрываются классовые симпатии и антипатии писателя. Творчество Чехова, таким образом, лишний раз подтверждает безусловную правильность мысли, что принцип отбора типического в окружающей действительности, способ отделения важного от неважного в конечном счете определяется идейной позицией писателя, его общественно-политическими взглядами, мировоззрением художника.

Освещение действительности может быть правильным, правдивым и глубоким лишь в том случае, если оно дается с позиций самого передового мирозерцания эпохи. Только в этом случае художник не будет рабом и пленником эмпирических фактов, он возвысится до исторически-верного осмысления всей пестроты и сложности жизни со всеми ее противоречиями, и созданные им литературные образы, взятые из действительности, станут обобщенно-типическими.

«Науки и искусства, когда они настоящие, стремятся не к временным, не к частным целям, а к вечному и общему,— они ищут правды и смысла жизни...» (IX, 98). Художественная литература призвана не только воспроизводить действительность в ее истине, но и объяснять жизнь, раскрывать ее смысл для того, чтобы воздействовать на нее и направлять ее течение сообразно с интересами народа. Литература и искусство, подобно науке, должны быть целеустремленными, целенаправленными; свой взор они обращают не в прошлое и не в потусторонний мир, а к настоящему во имя будущего. Устами одного героя из повести «Три года» Чехов говорит, что произведение искусства «значительно и полезно, когда оно в своей идее содежит какую-нибудь серьезную общественную задачу» (VIII, 436), когда оно, например, имеет цель «проведение в массу знаний и гуманных идей».

Литература призвана проводить в массы народа «знание и гуманные идеи», поднимать большие общественные вопросы и намечать пути их решения. Писатель обязан

7х.
26.
3-в.

РЕДАКЦІЯ ГАЗЕТЫ «НОВОЕ ВРЕМЯ»

С.-Петербургъ Малая Итальянская, 13

Предъявитель сего, *Антонъ Павловичъ Чеховъ*,
отправляется корреспондентомъ «Новаго Времени»
въ разные мѣста Россіи и за границу.

Издатель: *А. Суворова*

Редакторъ: *М. Фрунзе*

1890 г. 15 января.

Корреспондентский билет, с которым А. П. Чехов ехал на Сахалин.

твердо знать, для чего и для кого он пишет, какую благую цель он преследует, ибо если он пойдет по пути творчества без определенной цели, то заблудится и погубит свой талант. Кто никуда не стремится, ничего не хочет и никуда не зовет, тому никогда не стать подлинным художником, нужным своему народу.

Именно сознанием цели и благородством стремлений была сильна прогрессивная русская литература. Это важное обстоятельство Чехов всячески подчеркивал: «Вспомните, — писал он Суворину в 1892 году, — что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель... Лучшие из них реальны и пишут жизнь такую, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, которая должна быть, и это пленяет вас» (XV, 446).

Не апология действительности, а борьба с уродливыми социальными явлениями в жизни — вот прямая задача литературы. В искусстве и литературе необходимо присутствие «протестующего элемента». Нет сомнения, что Чехов выразил свои сокровенные мысли, когда заставил героя «Бабьего царства» сказать, что литература не имеет права ограничиваться только проповедью сострадания к униженным и голодным: я, — говорит герой, — «предпочел бы литературу, которая учит бежать из тюрьмы» (VIII, 322), т. е. учит избавлению от неволи, голода и насилий, учит борьбе за свободу.

Свобода, обеспечивающая народным массам полноту человеческого счастья и довольства, та свобода, пришествие которой Чехов предвидел лишь в отдаленном будущем и которая является ныне достоянием всего многонационального советского народа, — вот эстетический идеал Чехова — писателя, гражданина, патриота.

Только искусство больших идей и глубоких страстей, служащее интересам народа и содействующее его освобождению, доступное и понятное народным массам, достойно наименования подлинного искусства. Его сила — в связи с народом, с судьбою родины, с передовыми устремлениями эпохи. Как подлинно народный писатель, Чехов ценил те

произведения литературы, в которых наиболее полно и правдиво запечатлены народная жизнь и народный быт, верно переданы думы и чаяния народа, строй мыслей и чувств простого русского человека, подмечены типические черты русского национального характера.

Чехов призывал литераторов помнить о своем долге перед народом, о своей моральной ответственности перед ним, чувствовать себя частью народа и быть его совестью. В свою «Записную книжку» Чехов как-то занес характерные слова, впоследствии ставшие крылатым афоризмом: «...Все мы народ и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное» (XII, 199).

Чехов высоко ценил только литературу народную, идейную, живущую интересами народных масс, и потому не признавал внеобщественного, безыдейного и антипатриотического искусства. Как некогда революционные демократы учили художника быть гражданином и, служа искусству, жить для блага ближнего, для счастья народа, так и Чехов хотел видеть в писателе гражданина отечества, сына народа, защитника всего того, что дорого народным массам. В уста Тригорина — во многом автобиографического образа писателя из «Чайки» — Чехов вложил собственные слова горячего признания:

«...Ведь я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ, я чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем, говорить о науке, о правах человека и проч.» (XI, 167).

Это ясное сознание своего гражданского долга перед народом, глубочайшая народность и горячий патриотизм творчества составляли силу русских писателей-классиков, силу самого Чехова. Именно в этом секрет могущества демократической русской литературы.

III

Сила воздействия литературы на общество, на разум и чувства читателей, ее эстетическая ценность измеряются степенью совершенства художественной формы литературного произведения в единстве с его глубокой мыслью. У великих писателей, подобных Чехову, было то удивительное равновесие между любовью к человечеству и тонкой

артистичностью, т. е. та гармония, та слитность содержания и формы, о которой некогда говорил Ф. Тютчев после прочтения тургеневских «Записок охотника» и которая присуща чеховским новеллам.

Поэтическая мысль, идея обретают в произведении всепокоряющую силу благодаря тому, что она доносится художником до сознания читателя в форме чувственно-осознаваемых, конкретных образов, а не доказывается логически. Рассудочность является показателем несовершенства формы произведения. Дидактизм и холодная морализация губят искусство, делают произведение скучным, неинтересным, неубедительным. Читателю, по словам Чехова, не нужна вывеска, он сам выведет мораль и поймет, что к чему. На упреки в неясности авторской морали в одном из его рассказов Чехов ответил: «Вы хотите, чтобы я, изображая конокрадов, говорил: кража лошадей есть зло. Но ведь это и без меня давно уже известно. Пусть судят их присяжные заседатели, а мое дело показать только, какие они есть» (XV, 51).

Конечный вывод, основная мысль должны естественно вытекать из логики развития образов. Чехов осуждал голую, обнаженную тенденциозность, справедливо считая ее свидетельством художественной неполноценности произведения. «Такая тенденциозность,—говорил Чехов,—имеет в своем основании неумение писателя художественно обобщать явления и возвышаться над частностями». «Рассказ написан несколько жидковато: тенденция так и прет, подробности расплываются, как пролитое масло, лица же едва намечены» (XVI, 219), — писал Чехов одному литератору, считая, что без живых лиц-образов предвзятая тенденция автора портит, губит рассказ.

Глубокое и полное раскрытие авторской идеи достигается, прежде всего, всесторонним изображением действующих лиц, способным вызвать у читателя иллюзию несомненной достоверности, реальности данного образа-характера, веру в то, что герой книги не выдуман, а взят из жизни. Нужны не сочиненные, живые, тщательно выписанные лица, а не силуэты, не ходячие манекены. «Отделявай и не выпускай в печать .., прежде чем не увидишь, что твои лица живые и что ты не лжешь против действительности», — советует Чехов своему старшему брату, резко критикуя его рассказ «Маяк» за бледность, тусклость об-

раза девушки Оли: «она кукла, она неясна, мутна и среди остальных персонажей производит такое впечатление, как мокрые, мутные сапоги среди ярко вычищенных сапог» (XIII, 351). Настоящее искусство заключается в правильной лепке фигур, в создании пластичных, скульптурно четких, рельефных образов. Чехов настойчиво учил «удалять резцом все лишнее», мешающее законченности лица, человеческой фигуры: «Ведь сделать из мрамора лицо, это значит удалить из этого куска то, что не есть лицо» (XVI, 247).

Внешний портрет человека необходимо обрисовывать лаконично, несколькими штрихами, выделяя наиболее характерное, яркое, типичное и в то же время особенное, индивидуально-неповторимое. Известно, что Чехов, как и Л. Толстой, рекомендовал при описании человека не нагромождать одну деталь его внешнего портрета на другую, потому что в таком случае трудно сразу мысленно представить наружный облик героя. Эту мысль Чехов высказал в письме Щеглову: «...Вы, как мнительный и маловерный автор, из страха, что лица и характеры будут недостаточно ясны, дали слишком большое место тщательной, детальной обрисовке» (XIV, 22).

Нужно ли одинаково полно обрисовывать всех героев произведения — главных и второстепенных? Как правило, в своих новеллах Чехов подробно живописал лица, стоящие в центре произведения, находящиеся на переднем плане картины: «Из массы героев и полугероев берешь только одно лицо — жену или мужа, — кладешь это лицо на фон и рисуешь только его, его и подчеркиваешь, а остальных разбрасываешь по фону, как мелкую монету, и получается нечто вроде небесного свода: одна большая луна и вокруг нее масса очень маленьких звезд» (XIV, 209).

Так бывает в рассказе. Повесть, а тем более роман, дает писателю возможность нарисовать во весь рост целую вереницу человеческих лиц и характеров. Впрочем, в произведениях больших форм, по словам писателя, тоже надо всячески суживать круг действующих лиц.

Чехов избегал повторения уже известных в литературе образов; он вводил в свои произведения новых героев, оригинальных, несхожих с другими, индивидуально-неповторимых. Во время работы над своим романом (замысел его остался неосуществленным) Чехов сделал интерес-

ное признание, что хотя он местами и сильно сбивается на шаблон, но всячески старается избежать изображения «неверных жен, самоубийц, кулаков, добродетельных мужиков, преданных рабов, резонирующих старушек, добрых нянюшек, уездных остряков, красноносых капитанов» (XIV, 330), — т. е. персонажей, которыми заполнена была буржуазно-мещанская и либерально-народническая беллетристика 70-х—90-х годов. От опасности впасть в шаблон Чехов неоднократно предупреждал современных писателей, говоря, что «нельзя жевать все один и тот же тип». Брагу своему он объяснял, что «отставные капитаны с красными носами, пьющие репортеры, голодающие писатели, чахоточные жены-труженицы, честные молодые люди без единого пятнышка, возвышенные девицы, добродушные няни — все это было уже описано и должно быть объезжаемо, как яма» (XIV, 363).

Образ-персонаж может быть взят уже «готовым», т. е. уже сложившимся, как готовыми, сформировавшимися показаны, например, Хлестаков у Гоголя или Чацкий у Грибоедова. Но надо, говорит Чехов, чтобы прошлое героя угадывалось читателями по многочисленным намекам и чтобы герой непременно действовал, говорил, совершал поступки, в которых вполне раскроется его характер.

В раскрытии психики героя нужно избегать общих мест, пространных авторских описаний и разъяснений: «Лучше всего избегать описывать душевное состояние героев; нужно стараться, чтобы оно было понятно из действия героев» (XIII, 215). Состояние духа, в котором находится герой, его душевную боль или радость нужно передавать без мелодраматических выкриков, без истерического смеха, неестественных телодвижений, жестов, мимики. «Чем проще движения, тем правдоподобней и искренней, а стало быть, и лучше» (XIII, 215).

Чехов писал артистке Книппер, что в жизни «громадное большинство людей нервно», но, спрашивает Чехов, кто видел — на улице и в домах — людей мечущихся, скачущих, хватающих себя за голову? «Страдания выражать надо так, как они выражаются в жизни, т. е. не ногами и не руками, а тоном, взглядом; — не жестикуляцией, а грацией. Тонкие движения... и внешним образом нужно выражать тонко» (XVIII, 292). Объясняя Книппер, как на-

до на сцене передать чувство убитой горем женщины, Чехов писал: «Люди, которые давно носят в себе горе и привыкли к нему, только посвистывают и задумываются часто. Так и ты частенько задумывайся на сцене во время разговоров» (XIX, 10).

Важно одно: не допускать лжи, изгонять фальшь, и каждое психическое движение, происходящее в душе героя, передавать верно, избегать «психологических выдумок». Сам Чехов избегал этих выдумок и дорожил тем, что, например, в рассказе «Припадок» душевную боль он описал правильно, по всем правилам психиатрической науки.

Схематическое деление героев на добродетельных и порочных снижает силу убедительности и художественные достоинства произведения. И положительные, и отрицательные образы должны быть правдивы, реалистичны, т. е. их надо изображать «со всеми потрохами» — с их достоинствами и свойственными им недостатками или слабостями. Пользование только розовым лаком или одной черной краской будет мешать созданию жизненного человеческого образа.

Людские качества раскрываются в столкновении идей и страстей, в остром конфликте, лежащем в основе произведения и двигающем развитие действия. Острота конфликтов — социальных и семейно-бытовых — придает произведению ту напряженность, которую так любит читатель и без которой нет увлекательного, динамичного сюжета.

Если обратиться к творческой практике самого Чехова, то нетрудно заметить, что у него сюжет — это не непрерывная цепь событий, близких друг другу во времени и тщательно прослеживаемых художником от момента их возникновения до их полной завершенности, а воссоздание только наиболее ярких эпизодов или эпизода из жизни героя; основу его сюжета составляет не жизнеописание человека, а момент из его бытия, полно освещающий личность этого человека, его социальную и психическую природу, его характер, меру его человеческой и общественной годности.

В построении сюжета и фабулы произведения не должно быть ничего искусственного, надуманного. «Чем проще фабула, тем лучше», — писал Чехов (XIV, 111). Произведению литературы нужны простота, жизненность, безыскусственность сюжетных ходов. Сцепление и смена со-

бытий, картин, явлений, лиц, фактов должны быть не надуманными, не нарочито «сочиненными», а оправданными жизнью, которую описывает автор. Все это не должно приходить в противоречие с логикой и жизненным опытом читателя.

Как свидетельствует А. Куприн, от писателей Чехов требовал «обыкновенных житейских сюжетов, простоты изложения и отсутствия эффектных колоритов». А. Куприн приводит следующее высказывание Чехова: «Зачем это писать, что кто-то сел в подводную лодку и поехал к Северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим воплем бросается с колокольни? Все это неправда, и в действительности этого не бывает. Надо писать просто: о том, как Петр Семенович женился на Марье Ивановне. Вот и все»¹. Сюжетом произведения, по глубокому убеждению Чехова, следует брать «жизнь ровную, гладкую, обыкновенную, какова она есть на самом деле», изображать обыденное, все то, что, говоря словами Гоголя, «ежеминутно перед очами, и чего не зрят равнодушные очи, всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших всю нашу жизнь...»

Это вовсе не означает требования банальности сюжета. Наоборот, Чехов выступал за новизну и оригинальность сюжета. В его письмах то и дело встречаются советы: «Избегайте популярных сюжетов», «сюжет должен быть нов», «растягивать неважные сюжеты на большое полотно — скучно». Он недоумевал, зачем некоторые литераторы переделывают свои прозаические произведения в пьесы: «И что за бедность такая? Точно сюжетов нет» (XIV, 422).

Жалобы на то, что нет сюжетов, что их не дает бедная яркими событиями жизнь, казались Чехову по меньшей мере странными. Приглашая беллетриста И. Щеглова приехать для отдыха на дачу под Сумами, Чехов как бы мимоходом замечает, что он готов снабдить своего приятеля «дюжиной сюжетов и сотней характеров». Писатель Н. Телешов вспоминает, как часто Чехов недоуменно выслушивал сетования молодых литераторов на отсутствие сюжетов:

¹ «Чехов в воспоминаниях современников», М., 1954, стр. 521.

«— Как так сюжетов нет?.. Да все — сюжет, везде сюжет. Вот посмотрите на эту стену. Ничего интересного в ней, кажется. Но вы взгляните в нее, найдите в ней что-нибудь *свое*, чего никто еще в ней не находил, и опишите это. Уверяю вас, хороший рассказ может получиться. И о луне можно написать хорошо, а уж на что тема затрепанная. И будет интересно. Только надо все-таки увидеть и в луне что-нибудь *свое*, а не чужое и не избитое»¹.

Чехов ценил в писателе эту новизну и свежесть восприятия всего окружающего — людей, предметов, природы.

Чехов любил в рассказах неожиданные развязки. Он советовал вести повествование так, чтобы вначале действие текло «мирно и тихо», в финале же повести или рассказа нужно «сконцентрировать в читателе впечатление от всей повести». Особенно трудно, по словам Чехова, придумывание развязки-концовки в пьесах; он с огорчением восклицал: «Не даются подлые концы! Герой или женись или застрелись, другого выхода нет» (XV, 388).

Необходимым условием художественности произведения является его архитектурная завершенность, стройность композиции, верное соотношение элементов, составляющих целую и законченную картину. Как выразился Чехов, писателю необходимо обладать «архитекторскими способностями».

При чтении чужих произведений Чехов непременно интересовался вопросом, насколько успешно справился автор с композицией, все ли в его произведении на месте, нет ли там чего лишнего или недостает ли в нем каких-либо деталей, нужных для цельности, завершенности всего художественного здания. То у того, то у другого писателя Чехов отмечал один общий недостаток — «архитектура подгуляла». Так, он выговаривает Лазарева-Грузинского за «несносную архитектуру» его водевиля, советует выбросить из пьесы монолог героини, который «торчит наростом», и формулирует замечательную мысль о том, что в произведении не должно быть ничего лишнего: «Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него» (XIV, 424).

Нагромождение подробностей, обилие лишних эпизодов,

¹ «Чехов в воспоминаниях современников», изд. 2, Гослитиздат, М., 1954, стр. 439—440.

как бы ни были они прекрасны сами по себе, безобразит художественное произведение. С этих позиций Чехов критикует, например, роман «В лесу» американского писателя Торо, ставя автору в упрек то, что архитектура и конструкция его произведения невозможна: «Красивые и некрасивые, легкие и тяжеловесные мысли нагромождены одна на другую, теснятся, выжимают друг из друга соки и, того и гляди, запищат от давки» (XIII, 376).

«Где Ваша архитектура?..» — спрашивает Чехов писательницу Шаврову, рассказ которой он подвергает критике за отсутствие в нем действия и живых диалогов, за подмену увлекательного повествования однообразным описанием: «Описание обеда, потом описание приходящих дам и девиц, — потом описание компании, — потом описание обеда... и так без конца. Описания, описания, описания... а действия совсем нет» (XV, 244).

Произведение, в котором мало движения и нет умелого чередования картин, Чехов уподобляет большому пруду, из которого вода вытекает очень тонкой струйкой, так что движение самой воды незаметно для глаза. Вялость действия, рыхлая композиция снижают художественные качества литературного произведения.

И в повествовании, и в описаниях нужна предельная сжатость, краткость, которая составляет одно из условий эстетической ценности произведения. Чехов гордился тем, что он умеет «коротко говорить о длинных вещах». Он признавался, что у него мания на все короткое и что, читая чужие произведения, он мысленно производит в них сокращения. Он всегда «бунтовал» против длиннот. Ивану Бунину он как-то сказал в частной беседе: «По-моему, написав рассказ, следует вычеркивать его начало и конец. Тут мы, беллетристы, больше всего врем... И короче, как можно короче надо писать»¹.

Писать талантливо — значит писать коротко. Стали крылатыми чеховские афоризмы: «краткость — сестра таланта», «краткость признается... первую добродетелью», «краткость вообще не портит дела». Одно из «Правил для начинающих авторов», составленных Чеховым еще в 1885 году, содержит изречение: «Давая волю фантазии, при-

¹ И. А. Бунин. Собрание сочинений в пяти томах, изд. «Правда», М., 1956, т. V, стр. 265.

удержи руку. Не давай ей гнаться за количеством строк» (IV, 253).

Этим правилом краткости Чехов строго руководствовался, в частности, при описании природы. Как художник-пейзажист, Чехов неизменно заботился о двух вещах — об экономии словесных образов и о картинной яркости изображения. Его собственные пейзажи предельно экономны, они точно вписываются в авторское повествование, всегда динамичное, стремительно развивающееся. Просторные, детализированные, многословные пейзажи, подобные тем, которые так любил Тургенев и современные ему писатели, Чехов считал уже устаревшими.

В письме к литератору Жиркевичу Чехов пояснял: «Описание природы должно быть прежде всего картинно, чтобы читатель, прочитав и закрыв глаза, сразу мог вообразить себе изображаемый пейзаж» (XV, 235). Чехов советует избегать общих мест вроде: «заходящее солнце, купаясь в волнах темного моря, заливало багровым золотом» и проч. Об одном из своих героев повести «Три года» Чехов иронически рассказывает, что тот, описывая природу, любил употреблять такие выражения, как: «прихотливые очертания гор», «причудливые формы облаков» или «аккорд таинственных созвучий». Тут дан набор благозвучных слов, не создающих картину. Выразительность и красочность в описаниях достигаются только простотой, такими простыми словами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь».

Писатель И. Бунин приводит в своих воспоминаниях характерное чеховское высказывание: «Очень трудно описывать море. Знаете, какое описание моря читал я недавно в одной ученической тетрадке? «Море было большое». И только. По-моему, чудесно»¹.

Живописание природы не должно являться самоцелью. Пейзажи надо давать кстати — «когда они помогают вам сообщить читателю то или другое настроение, как музыка в мелодекламации» (XVI, 235). Для этого надо фиксировать внимание читателя только на какой-нибудь мелкой но важной частности пейзажа. «Например, — пишет Чехов брату Александру, — у тебя получится

¹ И. А. Бунин. Собрание сочинений в пяти томах, том V, стр. 266.

лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатила шаром черная тень собаки, или волка» (XIII, 215). В письме Горькому от 3 декабря 1898 г. Чехов советовал быть сдержанным в описаниях природы, бережно расходовать словесные краски.

Богатство языка писателя, количество употребляемых им слов Чехов справедливо ставил «в самую прямую зависимость от суммы впечатлений и представлений», какими располагает автор, от широты его кругозора. Чем ярче и богаче язык художника, тем, значит, самобытнее его писательский талант. Лексическая бедность, бесцветный и скучный слог обыкновенно свидетельствуют о бесталанности автора.

Работе писателя над языком своих произведений Чехов придавал огромное значение. Каждую фразу надо вынашивать, обдумывать, делать сочной, понятной и короткой, очищать от словесной шелухи. Писательнице Авиловой Чехов советовал «выбрасывать лишнее, очищать фразу от «по мере того», «при помощи» и говорил, что надо заботиться об ее музыкальности и не допускать в одной фразе почти рядом «стала» и «перестала».

В повествовании очень важно с самого начала взять верный тон и не впадать ни в риторику, ни в излишнюю сентиментальность, ни в грубую и развязную болтливость. «Когда изображаете горемык и бесталанных и хотите разжалобить читателя, — писал Чехов Авиловой, — то старайтесь быть холоднее — это дает чужому герою как бы фон, на котором оно вырисовывается рельефнее» (XV, 345). Чехов был против манерной расстановки в предложении слов и знаков препинания, он иронизировал над пристрастием молодых авторов к многоточиям и кавычкам.

Охотно пользуясь приемом речевой характеристики героев, Чехов ценил у других авторов мастерство индивидуализации речи. Но он считал ненужным воспроизведение всех непоправимостей в речи, скажем, неграмотного крестьянина. В письме брату Чехов говорит: «Язык должен быть прост и изящен. Лакеи должны говорить просто, без пушай и без теперича». Писателю Гославскому Чехов ставил в вину, что в его пьесе герои говорят: «шашнадцать» и «мы-ста». Это — порча языка. «Насколь-

ко я могу судить по Гоголю и Толстому, — замечает Чехов, — правильность не отнимает у речи ее народного духа» (XV, 352).

Красочный народный язык нельзя засорять разными архаизмами, провинциализмами, диалектизмами и мало понятной иноземной лексикой. Такие слова портят слог. На это обстоятельство Чехов всегда обращал внимание писателей.

В хорошем художественном произведении все элементы его строго продуманы и подчинены задаче раскрытия основной идеи. Понятие о теме и идейном содержании должно дать читателю уже название рассказа, повести, романа, пьесы. Вот почему Чехов придавал немаловажное значение придумыванию заглавия произведения. При этом у Чехова были свои твердые правила: название должно быть простым, кратким (из одного — двух слов) и непретенциозным, оно должно соответствовать теме и идее произведения.

Как бы подводя итоги своих суждений об идейно-эстетической ценности литературного произведения, Чехов в письме к брату пишет, что произведение выйдет художественным при соблюдении следующих неперенных условий: правдивость в описании действующих лиц и окружающих предметов; полная объективность; отсутствие пространств авторских рассуждений «политико-социально-экономического свойства»; сугубая краткость; смелость и оригинальность; отсутствие шаблона; седелность и искренность авторского повествования (XIII, 214).

IV

Художественное произведение создается при ярком свете мысли. Творческий акт не есть акт подсознательный, интуитивный. Идеалистический взгляд на творчество, как проявление некоего наития, как бесцельное и бессознательное излияние поэтического вдохновения, Чехов решительно осуждал и отбрасывал как ложный в своей основе. Так называемое вдохновение есть только предрасположенность писателя к труду, к интенсивной работе по созданию произведения, состояние напряженности умственных, духовных сил пишущего. Само писание предполагает на-

лично заранее обдуманного намерения, предварительного размышления, лихорадочной работы мысли. Поэтому нелепо и бессмысленно говорить о бессознательности художественного творчества.

«Художник наблюдает, выбирает, догадывается, компокует — уже одни эти действия, — говорит Чехов, — предполагают в своем начале вопрос» (XIV, 207). Произведение искусства призвано ответить на тот или иной жизненно важный вопрос, но если перед художником не возникает никакого вопроса, то ему не на что отвечать. Чехов писал, что о писании под влиянием аффекта может говорить лишь человек, не имеющий понятия о творческом процессе: «Если бы какой-нибудь автор похвастал мне, что он написал повесть без заранее обдуманного намерения, а только по вдохновению, то я назвал бы его сумасшедшим» (XIV, 208).

Человек, именуемый писателем, должен обладать творческим даром, несомненным природным талантом, т. е. иметь живой ум, богатое воображение, поэтическую фантазию, остро развитое эстетическое чувство, способность зорко видеть окружающее и умение облекать в четкие словесные формы свои мысли и впечатления.

Но одного таланта еще недостаточно. Чтобы писатель смог создать художественное произведение, ему необходим широкий политический и научный кругозор, твердые воззрения на природу и человеческое общество, большой запас теоретических и практических, опытных знаний.

Научные знания, образованность не убивают талант, а обогащают и совершенствуют его. Чехову казались смешными опасения, будто ум может пересилить и заглушить поэтический талант. «Если мне скажут, что Икс понес чепуху оттого, что ум у него пересилил талант, или наоборот, то я скажу: это значит, что у Икса не было ни ума, ни таланта» (XV, 447).

В истинном художнике, по словам Чехова, всегда живет глубокий мыслитель, как в Гете рядом с поэтом прекрасно уживался естествоиспытатель.

Чехов признавался, что занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на всю его литературную деятельность: они значительно раздвинули область его наблюдений, обогатили его знаниями, благодаря этому в своих

произведениях Чехову удалось избежать многих ошибок. Чехов учил писателей не умалять роли научных знаний, обращался к ним с призывом изображать жизнь «в согласии с научными данными», а для этого «надо больше видеть, больше знать, шире знать».

Нужны как теоретические, так и опытные знания, добытые пытливым разумом и практикой художника. Личный жизненный опыт писателя должен быть богатым, разнообразным и постоянно обновляющимся. Истинный художник в своем творчестве всегда опирается на опыт своего народа, у которого он учится, проникаясь его идеалами, мыслями, чувствами. Нельзя стать правдивым бытописателем и тонким психологом, не изучая мельчайшие детали жизни и быта людей, их труда, их привычек, вкусов и психологии, не накапливая наблюдений над окружающим и над самим собою. «Писателю надо непременно в себе выработать зоркого, невгмонного наблюдателя, — говорил Чехов в беседе с И. Щегловым. — Настолько, понимаете, выработать, чтоб это вошло прямо в привычку... сделалось как бы второй натурой!..»¹

Чем шире круг наблюдений, тем значительнее и богаче тематический диапазон творчества писателя. Опасно и вредно замыкаться в рамки узко профессиональных интересов. Писателю необходимо ежедневно ощущать биение пульса жизни. «Если я врач, — писал Чехов, — то мне нужны больные и больницы; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малоф Дмитоовке... Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни...» (XV, 255). Все это необходимо потому, что, живя замкнуто в своей самолюбивой эгоистической скорлупе и только косвенно участвуя в умственном движении своей эпохи, писатель рискует потерять способность понимания и свежего восприятия окружающего и наверняка заглушит в себе талант, погубит его. Жизнь в четырех стенах — «без природы, без людей, без отечества» — для художника равносильна самоубийству.

«Гоните поэтов и беллетристов в деревню!.. В четырех стенах живут, а людей видят только в редакциях и в портерных» (XVI, 62). К этим словам беспокойного и мудрого художника, звучащим сегодня как-то особенно злобо-

¹ «Чехов в воспоминаниях современников», М., 1954, стр. 146.

дневно и по-современному остро, полезно было бы повнимательнее прислушаться и некоторым литераторам наших дней, тем из них, которые, довольствуясь скудным запасом книжной мудрости и беглым просмотром газет, очень часто пишут скорее по инерции, чем от избытка переполнивших их жизненных впечатлений. Сиденье в редакциях и портерных, как, впрочем, и замкнутая дачная жизнь, не даст писателю необходимого знания того, чем живет его будущий герой, его народ, его страна. А без всего этого, без заинтересованного и прямого участия в буднях и героике труда, борьбы и жизни народа, разговоры о служении современности и своему народу оборачиваются на деле красивой риторической фразой.

Чехов хотел видеть в писателе добросовестного художественного летописца своей эпохи. Он прекрасно понимал, что быть живым, гулким эхом современности — нелегко: ведь рассказать о сегодняшнем дне труднее, чем облечь в беллетристическую форму то, что давно отстоялось и что принадлежит прошлому. Но эту приверженность некоторых писателей к прошлому в ущерб современности Чехов безоговорочно осуждал. Узнав, например, о том, что писатель П. Сергеенко решил написать трагедию о Сократе, Чехов саркастически заметил, что о Сократе писать легче, чем о барышне или кухарке. Сам Чехов предпочитал писать только о простом человеке-современнике, которого он так любил и хорошо знал, но которого все-таки всю жизнь не переставал изучать внимательно, с неостывающим любопытством.

Чехов подавал немало примеров того, как надо накапливать и обновлять знания, обогащаться запасами впечатлений. Так, чтобы возобновить в памяти то, что уже начало тускнеть, он едет летом 1887 года на юг, уверенный, что после поездки по донским степям работа «пойдет живее». И действительно, уже в июне того же года он напечатал рассказ «Счастье», приведший Левитана в восторг; этот «степной субботник» самому автору был симпатичен свежестью мыслей и новизной, оригинальностью темы. Полгода спустя появилась знаменитая повесть «Степь».

В 1890 году Чехов едет на Сахалин и с дороги пишет: «...поездка не теряет для меня аромата: читая, глядя по сторонам и слушая, я много узнаю и выучу» (XV, 28). Жизнь в Бабкино и Мелихове, поездки на Украину, в Крым,

заграничные путешествия в поезде и на пароходе — все это давало новую, богатую и разнообразную пищу уму Чехова и освежало его творческое воображение. Так накапливался материал, рождались темы, проступали линии будущего сюжета, возникали замыслы все новых книг.

Отстоявшиеся впечатления облекались потом в живую плоть художественных образов. Чехов любил сам процесс писания, любил «рыться и возиться» с будущими героями своих произведений, не видя «никакой прелести в скоропалительном печатании». И хотя в первые годы своей литературной деятельности Чехову приходилось выполнять уйму срочных и неотложных заказов со стороны редакций газет и юмористических журналов и некоторые рассказы писать «наотмашь», он в принципе был всегда против срочности работы, ибо «где срочность, там спешка и ощущение тяжести на шее, а то и другое мешает работать» (XIII, 178).

Коротенькую вещь, однажды начав ее, Чехов обычно писал без перерывов, говоря, что «писанье с антрактами то же самое, что пульс с перебойми» (XIII, 184). Если была возможность не торопясь писать большое произведение, то Чехов работал над ним весь день, не отрываясь и не отвлекая своего внимания. «Работать и иметь вид работающего человека в промежутки от 9 часов утра до обеда и от вечернего чая до сна вошло у меня в привычку, и в этом отношении я чиновник» (XIV, 355), — делился своим опытом Чехов. Чехов привык «ежедневно и подолгу гонять себя на корде». Своим коллегам он советовал писать каждый день, осуждал леность и малописание: «Малописание для пишущего так же вредно, как для медика отсутствие практики» (XIV, 13).

Результатами своей работы Чехов обычно был недоволен. Он был сурово требователен и взыскателен к себе и к другим. Чехов имел обыкновение многократно переделывать и править свои произведения не только в рукописи, но и в корректуре. Во время чтения корректуры Чехов чаще всего коренным образом изменял или доделывал в своих рассказах концы. Авторскую корректуру он считал обязательной для всех литераторов.

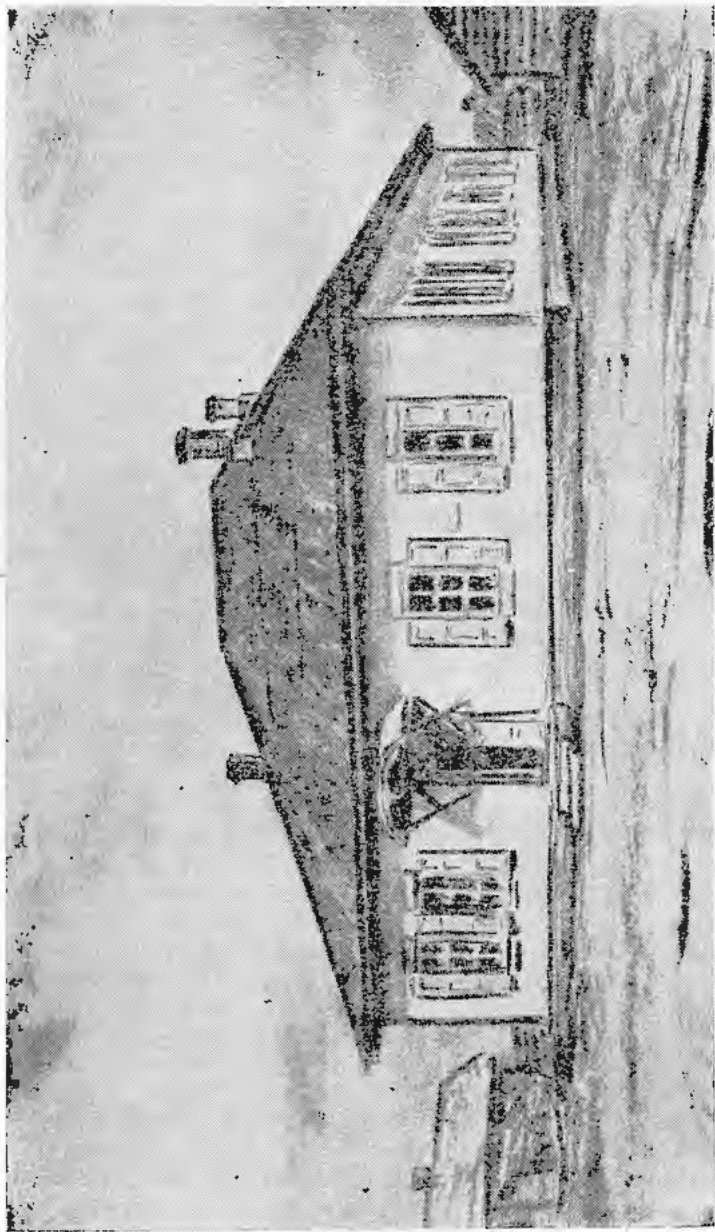
Чехов настойчиво рекомендовал писателям пробовать свои силы в различных литературных жанрах. Писателю не мешает быть в своем творчестве таким же разнообраз-

ным, каким был актер старой школы, который умел играть «одинаково хорошо и в трагедии, и в водевиле, и в оперетке, и в мелодраме». Подобное жанровое разнообразие творчества, по словам Чехова, служит «симптомом не распушенности, как думают иные критики, а внутреннего богатства» писателя. Известно, что этим многообразием отличается творчество самого Чехова, который за 25 лет своей писательской деятельности творил во всех жанрах, и только не писал «стихов, романов и доносов», как он сам шуточно однажды заметил.

V

Чехов не был ни историком литературы, ни профессиональным литературным критиком. «Я плохой критик», — признавался Чехов в письме к Авиловой от 19 марта 1892 года и добавлял, что у него «нет способности ясно формулировать свои критические мысли». То же самое Чехов настойчиво утверждает в ряде своих писем к беллетристам, поэтам, драматургам. Когда писатель Е. Гославский попросил Чехова сделать свои критические замечания о пьесе «Солдатка», Чехов, как всегда, самым добросовестным образом указал на недостатки и достоинства этого произведения, но тут же в извинительном тоне написал почти дословно то же, что и в письме к Авиловой: «Простите, я плохой критик; может быть, и хороший, но своих критических мыслей я не умею излагать на бумаге» (XV, 351). На просьбу литератора Ежова прорецензировать в печати его книгу рассказов «Облака» Чехов ответил: «Отродясь, батенька, не писал рецензий. Для этого надо иметь особый слог» (XVI, 47). О том, что во всю свою жизнь он «никогда не писал рецензий» и что рецензирование для него — «это китайская грамота», Чехов писал 19 января 1899 г. артистке В. Ф. Коммиссаржевской.

Во всех этих признаниях Чехова правда заключается только в том, что великий писатель действительно не печатал ни критических статей, ни рецензий. Но многочисленные высказывания Чехова по конкретным вопросам литературы и критики, разбросанные по его письмам от середины 80-х до начала 900-х годов, легко убеждают нас в том, что у Чехова были четкие, совершенно ясные и стройные литературно-критические взгляды и что он в высшей степени

Сахалин. Дом, в котором жил А. П. Чехов во время пребывания в гор. Александровске. Рис. С. М. Чехова.

обладал острым чутьем критика, умевшего почти всегда безошибочно судить об эстетической и общественной ценности литературного произведения.

Не следует забывать, что в 80—90-е годы, в сущности, не было подлинно научной, глубокой и принципиальной литературной критики, суд которой над новыми явлениями литературы был бы так же авторитетен, как в свое время были авторитетны суждения революционно-демократических критиков Белинского, Чернышевского или Добролюбова. Эти годы не дали России крупного литературного критика, по своему уму и таланту равноценного таланту и уму Чехова, критика, способного понять новаторскую сущность его творчества, способного оценить значение того, что создавалось в ту пору Чеховым, Толстым, Короленко, Горьким.

Первым глубоким истолкователем чеховского творчества, как известно, явился М. Горький, социально-политический смысл произведения Чехова впервые раскрыла марксистская критика.

И либерально-народническая, и буржуазно-эстетская, откровенно реакционная критика эпохи Чехова не проявляла глубокой заинтересованности в росте и расцвете отечественной русской литературы, не выказывала искренней и требовательной любви к ней. Эта критика не справлялась с трудной задачей — быть вдумчивым, строгим, требовательным и всегда справедливым ценителем художественного произведения. Штатные рецензенты и критики занимались не критикой, а злобным глумлением над личностью писателя и его произведением, в лучшем же случае их «критика» сводилась к пустому зубоскальству.

Такому глумлению не раз подвергался Чехов. Он говорил Горькому, что за все 25 лет творчества русская критика не говорила о нем правды. Критик Скабичевский пророчил Чехову преждевременную смерть под забором, заранее оплакивая гибель его таланта. Теоретик народничества и критик Михайловский видел в Чехове писателя с холодной кровью, равнодушного ко всему, безыдейного и пустого. «Осел Михневич и равнодушный Буренин», которого Чехов позже назвал «злым насекомым», на протяжении многих лет публично обливал писателя грязью, нанося ему незаслуженные оскорбления, и «молод авторитетно» о беспомощности писателей. Грубые выпады против Чехова делали в печати критики Е. Гаршин, Житель-Дьяков, Введенский, Протопопов.

Сам тон писаний подобных критиков по обыкновению был непристойным, и это возмущало Чехова. «И страшное дело! — негодуяще пишет он Плещееву. — Судебный хроникер, описывая подсудимого, старается держаться общепринятого, приличного тона, господ же критики, продолжая нас, не разбойников и не воров, пускают в ход такие милые выражения, как шушера, щенки, мальчишки... Чем мы хуже подсудимых?» (XIV, 226).

Чехов решительно осуждал подобную критику и в письмах, и в художественных произведениях, в частности в повести «Скучная история» (1889), написанной одновременно с упомянутым выше письмом к Плещееву. Герой этой повести, выражающий в данном случае мысли автора, возмущается «игривым генеральским тоном» и развязной фамильярностью критических статей, вся ценность которых заключается в умении их авторов «с достоинством переливать из пустого в порожнее». Обычным украшением таких статей были «обвинения в невменяемости, в нечистоте намерений и даже во всякого рода уголовщины», — пишет Чехов в «Скучной истории» (VII, 266).

У Чехова мы нередко встретим жалобы на то, что после чтения критических статей, принадлежащих таким «судьям человечества», как Протопопов, Житель или Буренин, у него «всегда остается во рту вкус ржавчины». Он писал: «Ведь это не критика, не мировоззрение, а ненависть, животная, ненасытная злоба. Зачем Скабичевский ругается? Зачем этот тон, точно судят они не о художниках и писателях, а об арестантах» (XVI, 30 — 31).

Чехов указывал на отсутствие у современных ему критиков принципиальности в подходе к оценке произведений и творчества писателя в целом. К общепризнанным авторитетам в литературе критики относятся излишне почтительно, а кто стоит пока в тени, того всячески третируют. «Какое лакейство перед именами и какое отечески-снисходительное бормотанье, когда дело касается начинающих!» (XIV, 66), — восклицает Чехов в письме к Плещееву от 31 марта 1888 г. и приводит поучительный пример беспринципности и лакейской угодливости критика Аристархова-Введенского. Этот критик не осмелился указать на недостатки очерков Гл. Успенского и повести Чехова «Степь», хотя Чехову было доподлинно известно, что Аристархов криводушничает, ибо в действительности ему не нравятся эти произ-

ведения. «Моя «Степь» утомила его, — замечает Чехов, — но разве он сознается в этом, если другие кричат: «талант! талант!»?» И Чехов, конечно, имел право назвать подобных критиков подхалимами и трусами. «Они боятся и хвалить, и бранить, а кружатся в какой-то жалкой, серой середине. А главное не верят себе» (XIV, 66).

Ознакомившись со многими газетными и журнальными рецензиями на свою книгу «В сумерках» (1887), Чехов в письме к М. Киселевой высказал свое недоумение: хороши или плохи его рассказы? одобряет их критика или же порицает? «Читаю и никак не могу понять, хвалят меня или же плачут о моей погибшей душе? «Талант! талант, но тем не менее упокой, господи, его душу» — таков смысл рецензий» (XIII, 365). Подобно Чернышевскому, требовавшему, чтобы критика была не щепетильной и уклончивой, а прямой и принципиальной, Чехов предъявлял к критике 80—90-х годов те же справедливые и высокие требования.

Чехов упрекал критиков в мелкости, поверхностности их суждений, в отсутствии у них серьезных, глубоких знаний, в неспособности их к широким обобщениям и к смелой постановке жизненно важных вопросов литературно-общественной жизни. Где требуется деловое, серьезное, вдумчивое решение проблем, волнующих современников, там критика проявляет непростительную робость: она, по словам Чехова, либо «солидно молчит или же отделяется праздной сухой болтовней» (XV, 43). Чехов говорил, что он приходит в некоторый ужас оттого, что встречает мало умных людей, способных всерьез заняться критикой. Называя тогдашнюю критику «глупой, нескромной, дерзкой и крикливой», Чехов уподоблял ее «пустой бочке, которую поневоле слышишь».

Подобная критика не помогала писателю, не питала его ум, а только раздражала его. И нам становятся понятны чувства, какими руководствовался Чехов, когда он писал, что «нынешние гг. критики не стоят и гроша медного» и что они «в высшей степени бесполезный народ» (XIV, 380). Он сравнивал критиков со слепнями, которые летают и жужжат над лошадью в то время, когда она работает, и своим жужжанием только мешают работе. В письме от 9 апреля 1889 года Чехов категорически заявил: «Мне даже начинает временами казаться, что критики у нас оттого нет, что она не нужна...» (XIV, 340).

Но было бы ошибочно делать из сказанного вывод, будто Чехов отрицал критику вообще. Страстность, с какою Чехов обрушился на пороки и недостатки современной ему критики, лучше всего показывает, как остро ощущал он необходимость в большой и деловой критике, как сильно он желал расцвета критической мысли в России. Нигилизм в отношении критики был чужд Чехову. «Скажут, что критике у нас нечего делать, что все современные произведения ничтожны и плохи. Но это узкий взгляд, — заявляет Чехов. — Жизнь изучается не по одним только плюсам, но и минусам» (XIV, 258).

Определить эти плюсы и минусы в творчестве писателя или в отдельно взятом произведении — вот прямая задача критики. Чехов требовал, чтобы критика сказала писателю, делом он занимается или нет, нужны ли его книги массе народа, какие животрепещущие вопросы должна поднимать литература, в каком направлении должно идти ее развитие. Пристально следя за работой писателя, отмечая его рост или неудачи и провалы в работе, литературный критик, — говорит Чехов, — обязан указать художнику верный путь и ясную цель творчества, ответить на вопрос, «что нам делать».

Литературный критик, подобно ученому, должен быть во всеоружии знаний. Дилетантизму не должно быть место в критике. Нужна критика, вооруженная научным методом исследования. Чехов старательно подчеркивал мысль о том, что для аналитика, будь он ученый или критик, необходимо владение научным методом, ибо «метод составляет половину таланта» (XIV, 51). Чехов любил приводить аналогию между ученым и подлинным критиком. В письме к Суворину он писал, что в далеком прошлом бесследно исчезла «масса племен, религий, языков, культур» из-за отсутствия историков и биологов, так точно «исчезает на наших глазах масса жизней и произведений искусств, благодаря полному отсутствию критики» (XIV, 258). Критик должен быть историком современного искусства.

Научная добросовестность избавит критика от субъективизма в оценке эстетической и общественной значимости литературно-художественного произведения, субъективизма, столь присущего народнической и эстетской критике. Судьбу произведения нельзя ставить в зависимость от произвольных «вкусовых» оценок его критиком.

Неотъемлемыми качествами критика Чехов признавал ум, образованность, тонкое эстетическое чутье и любовь к литературе. Интересно, что когда, например, П. Островский (сводный брат драматурга) выступил в печати с критической статьей, Чехов сразу выделил его среди целой толпы критиков и сказал про него: «Да, он годился бы в критики». Почему? А вот почему: «Он имеет хорошее чутье, массу читал, по-видимому очень любит литературу и оригинален» (XIV, 24). В другой раз Чехов сказал об этом критике еще более подробно: у П. Островского есть определенные взгляды, убеждения, мировоззрение, он обладает методом, из его статей «сразу видно, чего хочет человек», пишет он «до крайности просто», как пишут хороший, дельный рапорт, старается быть точным и немногословным, в его статье нет жалких слов и «пустоты недомыслия», и этим она отличается от других критических статей, «всегда поросших предисловиями и жалкими словами, как заброшенный пруд водорослями» (XIV, 51). Таким представлялся Чехову настоящий, хороший литературный критик.

Самим фактом осуждения беспринципности и недобросовестности тогдашней критики Чехов боролся за высокую принципиальность, профессиональную честность, добросовестность и моральную чистоту критика. По словам Чехова, человек рыхлый и уступчивый, склонный к компромиссам, готовый идти на сделки со своей совестью и поступаться убеждениями из своекорыстной тактики — такой человек не годится в критики. Потому-то Чехову был очень симпатичен постоянный в своих передовых, демократических воззрениях, прямой и принципиальный критик В. В. Стасов, про которого Чехов как-то сказал: «Что-то в нем есть такое, без чего в самом деле жить грустно и скучно» (XIV, 376).

Чтобы слово критика было полезным и авторитетным, критик должен быть в душе художником, хорошо понимать природу творчества, чувствовать красоту произведения. Свои обязанности он не должен сводить только к раскрытию идейного содержания произведения, ограничиваться тем, что Плеханов называл отысканием «социологического эквивалента» данного художественного произведения. Переводить язык образов на язык логики — это только часть дела, хоть и очень важная и нужная. Чехов говорил, что «знание действующих лиц и содержание романа еще не-

достаточно для того, чтобы смель суждение иметь» о романе в целом (XIV, 110).

Надо, непременно надо, чтобы критик вникал во все детали поэтической формы произведения и показал бы, в какой мере писатель справился с композицией, насколько интересен, жив и увлекателен сюжет, выяснил своеобразие стиля, исследовал язык рассказчика и речь героев, проследил развитие и нарастание действия, выяснил художественную функцию пейзажа и т. д. Критик обязан не только сказать, но и доказать, чем плохо или хорошо критикуемое произведение со стороны содержания и формы.

Критические статьи и работы историков русской литературы Чехова решительно не удовлетворяли, между прочим, по той причине, что в них не говорилось (или говорилось очень мало) о литературе как искусстве, об индивидуальной манере, о стиле писателя и не выяснялось, что же нового, сравнительно с предшественниками, внес данный писатель в сокровищницу русского художественного слова. Чехов был огорчен тем, что критика, например, не оценила художественных особенностей его рассказа «Припадок»: критики, говорит он, всю расхвалили этот рассказ, «а описание первого снега заметил один только Григорович» (XIV, 257).

За неумение видеть в писателе художника-творца, за сухость суждений и крайнюю узость мыслей Чехов бранил «Историю русской литературы» Скабичевского. Черствых и холодно-рассудочных литературоведов и критиков, подобных Скабичевскому, он саркастически называл «мучениками, взявшими на себя добровольно подвиг ходить по улицам и кричать: «Сапожник Иванов шьет сапоги дурно!» и «Столяр Семенов делает столы хорошо!» Кому это нужно? Сапоги и столы от этого не станут лучше» (XV, 218). Чехов обращался к критикам и литературоведам с призывом дать что-нибудь новое о Пушкине, Толстом или о современных молодых писателях, но написать так, чтобы в авторе статьи чувствовался знаток художественной литературы, чтобы статья читалась с восторгом и интересом и чтобы она будила живую мысль и воображение читателя.

В мыслях Чехова о критике есть очень много чрезвычайно поучительного и ценного для современной советской литературной критики. Требования, которые он предъявлял критикам его эпохи, было бы справедливо переадресовать

некоторым литературным критикам наших дней, к сожалению, еще не освободившимся от черствого догматизма, прямолинейности и безапелляционности суждений, боязливости заискивания «перед именами» и грозного тона в отношении малоизвестных и молодых писателей.

VI

Чехов прекрасно знал творчество русских и зарубежных писателей XVIII — XIX вв. Свидетельством этого может служить, в частности, тот общеизвестный факт, что в своих художественных произведениях и письмах он часто пользуется литературными образами и меткими выражениями Крылова, Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Щедрина. Многократно перечитывая крупных русских авторов, Чехов внимательно изучал их приемы творчества, средства и способы создания ими типических образов, язык, сюжетные и композиционные особенности того или иного произведения.

Неизменно высокой была оценка Чеховым поэзии и прозы Пушкина и Лермонтова. Язык этих писателей — стихотворный и прозаический — Чехов считал во всех отношениях образцовым. Он как-то писал Полонскому, что лермонтовская «Тамань» и пушкинская «Капитанская дочка» прямо доказывают тесное родство сочного русского стиха с изящной прозой, и призывал кропотливо — фразу за фразой, слово за словом — изучать язык, стиль этих великих художников. Общеизвестно, что попытка Писарева «развенчать» Пушкина вызвала искреннее возмущение Чехова: «Прочел опять критику Писарева на Пушкина. Ужасно наивно. Человек развенчивает Онегина и Татьяну, а Пушкин остается целехонек... Отношение к Татьяне... кажется мне просто омерзительным» (XV, 341).

Язык и стиль самого Чехова глубоко роднит его с Пушкиным и Лермонтовым, и не случайно Толстой назвал Чехова «Пушкиным в прозе».

Горячей любовью Чехов любил Гоголя — драматурга и прозаика. Обычно сдержанный на похвалы, Чехов в оценке Гоголя применял эпитеты в превосходной степени: «Это величайший русский писатель, — пишет он Суворину в мае 1889 года. — Как непосредствен, как силен Гоголь и какой он художник! Одна его «Коляска» стоит двести тысяч

рублей. Сплошной восторг и больше ничего» (XIV, 354). Что бы гоголевское ни читал Чехов: «Женитьбу», «Ревизора» или «Мертвых душ» — все возбуждало в нем благоговейное преклонение перед мощью таланта этого писателя.

Чехов, вслед за Белинским и Чернышевским, видел в Гоголе основоположника обличительно-критического направления в русской литературе. Творчество последующих писателей-реалистов Чехов ставил в связь с творческими принципами Гоголя. В одном из писем он заявил: «Боборыкин отмахивается обеими руками от Гоголя и не хочет считать его родоначальником Тургенева, Гончарова, Толстого... Он ставит его особняком, вне русла, по которому тек русский роман. Ну, а я этого не понимаю» (XV, 275). Такой взгляд Чехова на роль, место и значение Гоголя в истории русской литературы находится в полном согласии с оценкой великого сатирика русскими революционными демократами, классиками марксистской критики и современным советским литературоведением.

Из большого количества прозаических произведений Тургенева, которого Чехов справедливо считал одним из наследников Гоголя, Чехов особо выделял «Отцов и детей», как наиболее совершенный, образцовый тургеневский роман. «Боже мой! Что за роскошь «Отцы и дети»! Просто хоть караул кричи» (XVI, 31—32), — восторгался Чехов, считая, что образы и картины романа сделаны писателем «просто гениально». С высокой похвалой он отзывался о «Записках охотника», «Асе», «Дворянском гнезде» и ряде других произведений Тургенева, но роман «Дым» — действительно самое слабое в идейно-художественном отношении произведение — Чехову решительно не нравился.

Отдельные положительные женские образы тургеневских романов Чехов считал деланными и потому фальшивыми; отрицательные же типы, а также образы старух-матерей и простых русских женщин, по словам Чехова, «нарисованы замечательно». Тургеневские пейзажи Чехов считал излишне подробными, пространными. В драматургическом наследии Тургенева наиболее ценными Чехов считал пьесы «Нахлебник» и «Провинциалка». В драме «Месяц в деревне» он находил длинноты.

Неодинаковым было отношение Чехова к Гончарову. Если в юности и молодости Чехов восторгался «Обломовым» и «Фрегатом Палладой» и в своей шутилке «Литератур-

ной табели о рангах» зачислял Гончарова в «тайные советники» от литературы, то позже он стал на позицию безоговорочного осуждения «Обломова» и всего творчества Гончарова. В 1889 году Чехов решительно заявил: «Вычеркиваю Гончарова из списка моих полубогов» (XIV, 354). Причиной тому была своеобразная манера гончаровского письма, отличающаяся медлительностью, неторопливостью повествования и детализацией описаний людей, предметов и природы, всем тем, чего избегал в своих рассказах Чехов и что он считал недостатком у других писателей. Чехов был убежден, что историю Обломова не следовало растягивать на целый роман — ее можно было вместить в рассказ, а образ Штольца «наполовину сочинен, на три четверти ходулен». «Главную беду» Гончарова Чехов видел в том, что во «всем романе холод, холод, холод», т. е. в излишнем внешнем бесстрастии, «олимпийской» невозмутимости писателя. Во многом тут Чехов безусловно прав, хотя общий суровый приговор над Гончаровым нельзя, конечно, считать верным.

В романах Достоевского Чехов находил «много претензий» и утомительных длиннот; реакционные проповеди Достоевского были враждебны Чехову, а его творческий метод неприемлемым, и потому отзывы Чехова об этом писателе обычно были неодобрительны.

«В своей жизни я ни одного человека не уважал так глубоко, можно даже сказать, беззаветно, как Льва Николаевича» (XVII, 351), — писал Чехов в 1898 году. Еще ранее, в письме Суворину от 11 декабря 1891 года, Чехов сказал о Толстом, что это «не человек, а человечище, Юпитер», как бы предвосхищая известные ленинские слова о том, что Толстой — «матерый человечище».

В Толстом Чехов любил не его юродивые проповеди самоусовершенствования и непротivления, не «толстовщину»¹, хотя одно время сам Чехов отдал дань толстовству, — а великие творения великого художника, чьи произведения явились «шагом вперед в художественном развитии человечества» (Ленин). Однажды Чехов, говоря о религиозно-нравственной философии Толстого и мистиче-

¹ Чехов говорил, что «через 10—15 лет, пожалуй, читателю покажется неуместным толкование о толстовщине».

ском проповедничестве Гоголя, горячо воскликнул: «...К чорту философию великих мира сего! Она вся, со всеми юродивыми послесловиями и письмами к губернаторше, не стоит одной кобылки из «Холстомера» (XV, 241).

Художественные вещи Толстого — от автобиографической трилогии и «Казakov» до гениальной эпопеи «Война и мир» и произведений 90-х годов — Чехов причислял к шедеврам мирового искусства. Однако имя «великого писателя русской земли» не гипнотизировало Чехова, и он умел в гениальных книгах Толстого обнаружить то, что составляет их слабость, идейную и художественную. Эта трезвость в оценке толстовских произведений особенно наглядно проявилась в разборе Чеховым «Воскресения». Восхищаясь художественною мощью романа, Чехов в то же время критикует Толстого за фальшь авторской морали и за художественную неубедительность концовки романа, которая неинтересна и фальшива: «Писать, писать, а потом взять и свалить все на текст из евангелия, — это уж очень по-богословски» (XVIII, 313). Точно так же критически подходил Чехов к оценке «Крейцеровой сонаты».

Реалистическое творчество Толстого, умевшего смело обличать социальные пороки буржуазного общества, Чехов противопоставлял ораве модных литераторов декадентского толка, опошлявших подлинное искусство и литературу. Называя Толстого «великой нравственной силой», Чехов убежденно говорил, что пока Толстой жив, «дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякие шершавые, озлобленные самолюбия будут далеко и глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения» (XVIII, 312).

В то время, как буржуазно-декадентская критика презрительно третировала писателей революционно-демократического лагеря за «тенденциозность» их творчества, Чехов выступил в защиту Некрасова и печатно заявил о своей любви к этому великому поэту-революционеру: «Я очень люблю Некрасова, уважаю его, ставлю высоко». На вопрос о том, отжил ли Некрасов, Чехов ответил: «о том, что он уже отжил или устарел, не может быть и речи» (XII, 349).

К чтению некрасовских стихов и произведений других писателей «старой народнической демократии» (Ленин) Чехов обращался на протяжении всей своей сознательной жизни.

Он внимательно следил за творчеством гениального революционно-демократического сатирика Салтыкова-Щедрина в последние годы его жизни (Щедрин умер в 1889 году). Так, Чехов искренне восторгался появившейся в печати в 1886 году сказкой Щедрина «Праздничный разговор», называя ее «прекрасной штучкой» и удивляясь необыкновенной смелости сатирика, не побоявшегося в разгар победоносцевской реакции продолжать бесстрашные обличения гнусной российской действительности. О Щедринском «Дневнике провинциала в Петербурге» Чехов отзывался словами: «Как похоже на настоящее».

О том, как высоко ценил Чехов Щедрина и сколько сильно он любил его, свидетельствуют строки из письма к Плещееву, написанного Чеховым сразу же после смерти сатирика: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочный дух, который живет в мелком изможденничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения» (XIV, 365).

Щедрин был одним из тех русских писателей старшего поколения, чье творчество оказало сильное и благотворное влияние на литературную деятельность Чехова.

Выдающихся русских писателей предшествующей эпохи, утвердивших метод критического реализма в русской и мировой литературе и проложивших Чехову дорогу к реалистическому творчеству, Чехов причислял к лику бессмертных. «Я убежден, — писал он Григоровичу, — что пока на Руси существуют леса, овраги, летние ночи, пока еще кричат кулики и плачут чибисы, не забудут ни вас, ни Тургенева, ни Толстого, как не забудут Гоголя. Вымрут и забудутся люди, которых вы изображали, но вы останетесь целы и невредимы. Такова ваша сила и таково, значит, и счастье» (XIV, 16).

Среди писателей-реалистов того поколения, к которому принадлежал Чехов, самыми талантливыми он признавал Гаршина, Мамина-Сибиряка и Короленко. О каждом из них Чехов сказал свое меткое и, как правило, справедливое слово.

До сих пор сохраняют силу авторитета чеховские оценки отдельных произведений или в целом творчества писателей-«знаньевцев» Куприна, Бунина, Вересаева, Андреева, Телешова, Юшкевича, Чирикова, Белоусова, Гусева-Оренбургского. По письмам Чехова там и сям разбросаны его высказывания или попутные замечания о таких ныне забытых прозаиках, как Потапенко, Гиляровский, Лейкин, Билибин, Леонтьев-Щеглов, Лазарев, Шаврова, Авилова, Боборыкин, или о поэтах Надсоне, Якубовиче-Мельшине, Фофанове, Бальмонте. Пусть не все в этих высказываниях Чехова верно и достаточно мотивировано, но они помогают нам понять литературные симпатии и антипатии великого писателя.

Чехов боролся с враждебными реализму направлениями в литературе. Буквально с первых шагов своей писательской деятельности он повел войну против реакционного романтического искусства, пытавшегося подменить правдивый рассказ о человеке и его жизни чуждым вымыслом о небывалых событиях и неправдоподобных героях, совершающих фантастические подвиги. «Возвышающий обман» реакционных романтиков, их «красивую ложь» Чехов считал ненужной и вредной для народа. Действенным оружием Чехова в борьбе против распространения в России фальшивых, напыщенно-романтических писаний была язвительная и остроумная пародия на фантастические повести и романы зарубежных и русских романтиков. Так, уже в начале своего творчества, в течение 1880—1883 гг., Чехов создал ряд блестящих пародий-рассказов: «Тысяча и одна страсть, или страшная ночь», «Жены артистов», «Грешник из Толедо», «Отвергнутая любовь», «Летающие острова».

Серьезную тревогу и опасения возбуждала в Чехове все возрастающая в 80 — 90-е годы популярность так называемых «уголовных», «разбойничьих» романов и повестей. В одном из своих «осколочных» фельетонов за 1885 год он с тревогой говорит о вредном влиянии этого сорта

литературы на умы малоразвитых читателей, а в особенности на детей и юношество. Прежнее увлечение Майн-Ридом и Кулером, говорит Чехов, ныне сменилось жадным чтением книг, в которых убийства и уголовные преступления преподносятся как благородный, героический поступок. «Модным» стал роман «Разбойник Чуркин» Пастухова — издателя бульварного «Московского листка». Автор этого антихудожественного романа стремился «опоэтизировать» разбойничью «удаль» и разбойничью жизнь, откровенно восторгался ловкостью, изворотливостью и циничным бессердечием своего героя, как бы приглашая читателя следовать примеру неуловимых и вездесущих Чуркиных.

Написанный по образцу «Рокамболя» Понсон де Тюрайя, роман Пастухова разжигал нехорошие инстинкты. Вдоволь начитавшись «Разбойника Чуркина», многие мальчишки убегали из дома и уходили в лес — «в разбойники». Чехов рассказывает совершенно достоверный случай, когда два мальчика-москвича, проникшись «духом творений» Пастухова, совершили уголовное преступление: бежав из дома, они по дороге убили везшего их крестьянина. «Описываемый случай, — замечает Чехов, — может служить тысяча первым доказательством тлетворного влияния» уголовной беллетристики на детские умы, на общество в целом (II, 456). Подобное «чтиво» не только вредно, но и опасно в социальном и педагогическом отношении.

Вся важность и все значение этих мыслей Чехова становятся особенно ясными в наши дни, когда в странах капитала усиленно культивируется литература еще более вредная и опасная, чем прежние бездарные писания Пастухова. Не «облагороженные» разбойники Чуркины, а циничные и безжалостно-жестокое убийцы среди бела дня — вот кто стал «положительным» героем современной упадочной буржуазной литературы и искусства в Америке и на Западе.

Реакционные буржуазные писатели лгут и клеветают на человека, дают извращенное представление о его психике и общественной жизни, они боятся правды, выступают врагами реализма. Для Чехова была очевидна художественная неполноценность, внутренняя фальшь и идейная

ущербность произведений буржуазных писателей, которые, по его словам, не могут быть фальшивы, ибо они льстят «узенькой добродетели» пресыщенной буржуазной публики, преследуют цель «убаюкать буржуазию в ее золотых снах» (XVI, 240).

Идеалы буржуазного искусства, как и идеалы буржуазии, ограничиваются моралью: «наживай деньги». Ловкий, изворотливый и хищный приобретатель-собственник является «положительным» героем буржуазной литературы. Чехов писал, что «буржуазия очень любит так называемые «положительные» типы и романы с благополучными концами, так как они успокаивают ее на мысли, что можно и капитал наживать и невинность соблюдать, быть зверем и в то же время счастливым» (XVI, 240).

Литературу, которая служит «для забавы хищного нечистоплотного животного, поддерживая существующий порядок» (IX, 99), Чехов ненавидел всеми силами своей души.

Эта ненависть и презрение к буржуазному, упадочному искусству и литературе проявляется в резко отрицательных отзывах Чехова о творчестве Маркевича, о многих произведениях Баранцевича, о русских декадентах, которые явились типичными носителями растленной идеологии и морали загнивающего капитализма.

С явной насмешкой Чехов относился к религиозному проповедничеству философов-идеалистов, к мистицизму декадентов. «Модное» религиозное движение конца XIX — начала XX вв. Чехов назвал пережитком, концом «того, что отжило или отживает» (XIX, 407). В декабре 1902 года Чехов писал С. Дягилеву, что русское общество ушло «от религии и уходит от нее все дальше и дальше» и доказывал ненужность создания в России разных философско-религиозных кружков и обществ. Незадолго до первой русской революции Чехов писал, что сейчас «важны не забытые слова, не идеализм, а сознание собственной чистоты, т. е. совершенная свобода души вашей от всяких забытых и не забытых слов, идеализмов и проч. и проч. непонятных слов» (XIX, 195). Редактору «Журнала для всех» В. Миролюбову Чехов советовал порвать всякую связь с мракобесом Розановым, церковником — епископом Сергием и матерым декадентом Мережков-

ским: «Что у Вас, хорошего, прямого человека, что у Вас общего с Розановым, с превысренно хитрейшим Сергием, наконец с сытейшим Мережковским?» (XIX, 195). Про Мережковского писатель говорил, что с ним он не мог бы «ужиться под одной крышей». «Ажва и ломака» — так Чехов охарактеризовал поэта-декадента Минского. Декадентско-символистский журнал «Мир искусства» производил на Чехова крайне неприятное впечатление: он говорил в одном письме, что в этом журнале «словно сердитые гимназисты пишут». Модную тогда философию Ницше — этого духовного отца всех декадентов и предтечу идеологов современного фашизма — Чехов считал недолговечной, ненужной и лишь внешне бравурной.

В неустанной борьбе с ложью и фальшью буржуазного искусства, антиобщественного, враждебного народу и гуманистическим устремлениям прогрессивного человечества, за утверждение здоровых жизненных начал в искусстве и литературе Чехов был единомышленником и соратником Горького. Борясь против литературы эксплуататорских классов, Чехов объективно содействовал утверждению новой, пролетарской литературы, возникновение которой связано с именем Горького. Дружеское участие в личной судьбе великого пролетарского писателя, пристальное внимание к его творческой работе, вдумчивая критика того, что Чехов считал художественным недостатком в произведениях Горького, и радость за каждый успех его в литературе — все это свидетельство горячей и требовательной любви Чехова к Горькому, в котором Чехов видел своего преемника, продолжателя здоровых традиций критического реализма и пролагателя новых путей в русской и мировой литературе.

VII

Чехов постоянно проявлял живой интерес к драматургии и театру. В пору, когда развернулась его писательская деятельность, русский театр находился в состоянии упадка, наступившего после оживления, столь характерного для 60—70-х годов. Правда, Московский малый театр даже в годы победоносцевской реакции ставил бессмертные комедии Грибоедова, Гоголя и Островского и тем самым

стремился сохранить и продолжить прекрасные традиции русского реалистического театрального искусства.

Но официальная политика царизма в области искусства была направлена на недопущение к постановке в театрах обличительно-сатирических пьес классиков русской драматургии. Из репертуара казенных и частных русских театров изгонялись драмы и комедии, воспитывающие зрителя в духе ненависти к насилию и гнету. Общеизвестно, например, что в последние годы жизни А. Островского (он умер весной 1886 г.) ему становилось все труднее получить разрешение на постановку своих новых пьес в театрах Москвы и Петербурга, и он все чаще приходил в резкое столкновение с драматической цензурой и дирекцией императорских театров.

Характеризуя современный театр, Чехов еще в 1882 году писал: «Атмосфера свинцовая, гнетущая... Ходишь в театр, честное слово, только потому, что некуда больше ходить. Смотришь на сцену, зеваешь да потихоньку braniшься» (I, 490). В 80-е годы пользовались популярностью не «пьесы жизни», как некогда Добролюбов называл драматургические произведения Островского, а пустые, бессодержательные и далекие от реальной русской действительности антихудожественные пьески и водевили. Серьезная драма вытеснялась легкой опереттой. Некоторые частные театры, как, например, театр имени Пушкина, превращались в увеселительные заведения кафешантанного типа. Эти факты Чехов не раз отмечал в своих «Осколках московской жизни», указывая на случаи «превращения храмов в кабаки».

Поставщиками пьес репертуара 80-х годов чаще всего были бесталанные и беспринципные драматурги вроде В. Крылова, И. Шпажинского, П. Неvejeина, Б. Маркенича и им подобных. Они либо сами сочиняли пьесы с эффектными сценами, либо занимались перелицовкой и некоторым приспособлением к русской жизни легких и трескучих одноактных комедий западноевропейских авторов. Как осуществлялись подобные переводы и переделки, это Чехов показал в остро сатирическом рассказе «Драматург» (1886). Его герой — «тусклая личность с матовым взглядом и катарральной физиономией» — рассказывает: «Прежде всего, сударь мой, мне в руки случайно

или через приятелей — самому-то мне некогда следить! — попадаетея какая-нибудь французская или немецкая штучка. Если она годится, то я несу ее к сестре или нанимаю целковых за пять студента... Те переводят, а я, понимаюте ли, подтасовываю под русские нравы: вместо иностранных фамилий ставлю русские и прочее... Вот и все» (V, 413).

В таких пьесах все было условно: герои, обстановка, язык. Задача автора сводилась к тому, чтобы побольше нагромоздить мелодраматических эффектов. «Эффектомания» стала пунктом помешательства большинства из тех 536 драматургов, имена которых были официально зарегистрированы в Обществе русских драматических писателей и оперных композиторов. В фельетоне «Модный эффект» Чехов писал: «Все, что только есть в природе самого страшного, самого горького, самого кислого и самого ослепительного, драматургами уже перепробовано и на сцену перенесено... Герои и героини бросаются в пропасти, топят, стреляются, вешаются, заболевают водобоязнью» (IV, 574). Драмоделы-ремесленники стряпали подобные пьесы по шаблону, как стряпались «Рокамболи» и повести уголовного характера. «Побольше пороху, бенгальского огня, трескучих монологов — вот и все!.. В конце концов, опять выстрелы, опять пожар и торжество добродетели», — говорит драматург Тарновский в чеховской сатире «Нечистые трагики и прокаженные драматурги» (III, 485).

Погоней за эффектностью отмечались постановки антрепренера Лентовского. Шедшая в его театре переводная пьеса «Лесной царь», по словам Чехова, сплошную состояла из выстрелов, отчаянных злодеев, добрых гениев, гремучих змей, великих инквизиторов и бешеных собак. В оперетте-феерии «Путешествие на луну», поставленной в 1884 году в Москве, Чехов снова отмечал наличие все тех же театральных приемов: чудовищные выстрелы, извержение вулкана, скачущие кузицы с печами, разные сценические ужасы. В одном из своих «осколочных» фельетонов за 1883 год Чехов писал, что «подобная пороховая дребедень» может нравиться только купчихам и умственно ограниченному обывателю, а на мыслящего человека она действует угнетающе.

Чехова возмущало отсутствие в таких пьесах и спектак-

Сахалин. Старая каторжанская дорога между Михайловкой и Дуэ. Рис. С. М. Чехова.

лях даже намек на правду: на сцене не жизнь, а нагромождение нелепостей, не люди, а какие-то загадочные существа, которые перед публикой театра нередко умирают «от таких ужасных болезней, каких нет даже в самых полных медицинских учебниках» (IV, 574).

Все это давало Чехову основание делать вывод, что «современный театр — это сыпь, дурная болезнь городов» (XIV, 223), что в нынешнем его виде театр — «это мир бестолочи... тупости и пустозвонства», что в том режиме, который царит в театрах и, в частности на Александринской сцене, есть «что-то разрушительное для молодости, красоты и таланта» (VIII, 493). Театр перестал быть школой воспитания и просвещения масс. «Теперешний театр не выше толпы, а, наоборот, жизнь толпы выше и умнее театра; значит, он не школа, а что-то другое», — писал Чехов Леонтьеву-Щеглову (XIV, 223).

В «скверности наших театров» Чехов винил не публику, не зрителей и слушателей, а драматургов и актеров, те жизненные обстоятельства, под которые старались подделаться ремесленники на сцене и в литературе. Чехов говорил, что театральная публика всегда и везде одинакова и что зритель по-прежнему хочет видеть хорошие, содержательные спектакли: публика «дает полные сборы на «Отелло» и, слушая оперу «Евгений Онегин», плачет, когда Татьяна пишет свое письмо» (XIV, 224). В массе своей зритель перерос театр, он «умнее, искреннее и более доброе Корша, актеров и драматургов», а театр лишь разжигает животные инстинкты публики.

Чехов решительно выступал против дешевого мелодраматизма, за обновление репертуара театров, за «освежение театральной атмосферы». Он призывал воскресить постановку классических спектаклей и был обрадован тому, что один из театров Москвы показал шекспировского «Гамлета» и «Ревизора» Гоголя. И хотя эти спектакли были далеки от совершенства, Чехов считал, что «лучше плохо сыгранный Шекспир, чем скучное ничто» (I, 491). Несколько позже Чехов настойчиво советовал руководству Московского Художественного театра смелее ставить «Женитьбу» Гоголя, «Горе от ума» Грибоедова, «Месяц в деревне» Тургенева, «Горькую судьбину» Писемского, «Власть тьмы» Толстого, пьесы Островского. Эстетический

вкус зрителя необходимо воспитывать не балаганскими постановками, а на шедеврах русской и мировой драматургии: «Надо не Гоголя опускать до народа, а народ подымать до Гоголя», — писал в 1903 году Чехов (XX, 173).

На низкий уровень театральных постановок и отсутствие высокой культуры актерской игры Чехов указывал в своих статьях, фельетонах, рассказах и письмах. Он видел, что многим русским артистам, талантливым от природы, не хватает трудолюбия, выучки и самодисциплины, недостает желания неустанно работать над собою и совершенствовать свое дарование. Бескультурие, лень и распушенность — таковы пороки актерской среды, осужденные Чеховым.

Конкретным образцом театральной критики Чехова может служить его фельетон «Опять о Саре Бернар». Анализируя игру некогда популярной французской драматической актрисы, Чехов осуждает, во-первых, натурализм в передаче человеческих мук и смерти и, во-вторых, отсутствие у Бернар естественности, наличие той «канальской искусственности», того «преднамеренного фокусничества», без которых Бернар не может шагу ступить на сцене. Играя, она гонится не за естественностью, а за необыкновенностью; она бьет на внешний эффект и не заботится об искренности и максимальном правдоподобии в передаче чувств. Это — большой недостаток артистки. И Чехов приходит к заключению, что у Бернар нет подлинно великого сценического таланта: «В ней нет того, за что наша почтенная публика любит Федотову; в ней нет огонька, который один в состоянии трогать нас до горячих слез, до обморока» (I, 486—487).

Но у французской актрисы есть другое ценное качество — необыкновенное трудолюбие, тот «гигантский, могучий труд», с помощью которого она довела технику актерской игры до совершенства, так что ее игра напоминает безукоризненно и умно заученный урок. «Нет того пустяка в ее малых и больших ролях, который не прошел бы раз сто сквозь чистилище этого труда» (I, 486—487).

Чехов восторгается трудолюбием Бернар и в то же время горько укоряет многих русских артистов в нерадении и лени: «Наши артисты, не в обиду будь им это сказано, страшные лентяи! Ученые для них хуже горькой редь-

ки». Он призывает русских «перво- и второстепенных» артистов «поучиться у гостей работать» и восклицает в конце статьи: «Будь мы трудолюбивы, как она, чего бы мы только не написали! Труд и знание — вот что нужно, как воздух, артисту, художнику, писателю, всякому культурному человеку. Наши великие и малые саужители муз сильно хромают по части знаний, а знания даются... одним только трудом» (I, 487).

Настоящий артист, в представлении Чехова, был человеком высокого интеллектуального развития, образованным и воспитанным, чистым и честным, скромным и нравственно красивым. Моральный облик такого художника очерчен Чеховым в его письме к брату Николаю. Это письмо заканчивалось призывом — учиться, работать не покладая рук и неусыпно заботиться о своем воспитании: «Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, не достаточно прочесть только Пикквика и вы зубрить монолог Фауста. Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час» (XIII, 198).

Только «непрерывный дневной и ночной труд» сделают артиста великим мастером своего дела. К овладению таким мастерством Чехов призывал артистов и живописцев, писателей и ученых. Равнодушные, апатичные, ленивые, умственная и нравственная нечистоплотность — враги таланта.

Чехов боролся за реалистическую драматургию и реалистический театр. Рутине и условной театральной «красивости» он противопоставлял требование суровой правды и строгой простоты, которую должны утверждать и драматург и артист. «Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как и в жизни, — говорил Чехов. — Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни...»¹ Далекие от жизни, фальшивые пьесы, наподобие комедии Е. Карпова «Крокодиловы слезы», которая была «сплошным враньем и клеветой на жизнь», Чехов осуждал с той же резкостью, с какою он осуждал фальшь в актерской игре. Надуманность ситуаций и характеров нельзя оправдывать

¹ Журнал «Театр и искусство», 1904, № 28, стр. 521.

никакими ссылками на, якобы, неизбежную условность театральных постановок. На сцене нужны не эффектные герой и героиня, а те средние, обычные, земные люди, которые в своей жизни, как выразился Чехов, «не каждую минуту стреляются, вешаются и объясняются в любви, и не каждую минуту говорят умные вещи».

В драматургии и театре «нужны новые формы», нужен деятель искусства, влюбленный в новое, наиболее передовое, человек, вечно ищущий и неугомонный, разрушающий старые, отживающие каноны и принципы. Под знаком этих требований создавалась и развивалась чеховская драматургия — драматургия новых форм, жизненной простоты и психологической правды. Чеховские пьесы «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад» сделали переворот в русском театральном искусстве, в них торжествовал основной принцип эстетики Чехова — принцип безусловной и честной правды, мысль о том, что на сцене должно быть как в жизни: обыденная, будничная жизнь обычных, простых людей — вот что составляет содержание драматургических произведений Чехова.

В октябре 1898 года Чехов писал Вл. Немировичу-Данченко: «И публике, и актерам нужен интеллигентный театр». Это была давнишняя мечта Чехова. Осуществлением ее явился Художественный театр в Москве, созданный в том же году Станиславским и Немировичем-Данченко. Своим расцветом этот театр обязан прежде всего Чехову, а затем и Горькому. Новаторская по своей природе драматургия Чехова и — несколько позже — Горького явилась основой репертуара нового театра, давшего верное и глубокое истолкование образов чеховских пьес. Чехов неизменно высоко ценил Московский Художественный театр, возродивший лучшие традиции театра Гоголя и Островского и проложивший новые пути в развитии сценического искусства в России. Деятельность этого театра, как выразился Чехов, «прошла светлой полосой в истории русского искусства» (XVIII, 236).

VIII

Чехов — великий народный писатель нашей родины, убежденный демократ и гуманист, «один из лучших дру-

зей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий ее, сострадающий ей во всем», замечательный писатель, подаривший своему народу и всему миру бессмертные творения, пропитанные «глубоким знанием жизни, мудрым беспристрастием и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который все понимает». Чехов был гениальным художником, великолепным знатоком родного языка, блестящим, донныне никем не превзойденным стилистом, волшебником слова. М. Горький отметил, что «как стилист, Чехов недостижим, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов»¹.

Именно потому, что Чехов является общепризнанным великим мастером поэтического слова, для нас особенно драгоценны его замечательно глубокие мысли по проблемам эстетики, его оригинальные высказывания о природе, общественной роли и задачах искусства, о художественном творчестве и писательском труде, языке и литературном стиле, сюжете и композиции, — суждения, основанные на пристальном изучении и прекрасном знании русской и мировой литературы, на огромном творческом опыте самого писателя. Чехов здесь предстает перед нами как страстный поборник реализма, народности и высокой идейности искусства и литературы, тесно связанных с повседневной жизнью, с современностью, поставленных на службу народа. Его эстетика, подобно эстетике русских революционных демократов, по своему духу и принципам родственна современной научно-материалистической марксистской эстетике, закономерно вобравшей в себя все лучшее, что создано в области эстетической мысли предшествующими поколениями и эпохами.

Мысли Чехова о художественной литературе имеют большое научно-теоретическое значение и практическую ценность, ибо они помогают в успешном решении тех задач, которые сегодня поставлены перед советской литературой, призванной служить народу, восславлять нашу бурную событиями и славную делами героическую эпоху, запечатлевая в монументальных образах нового человека и нового героя времени — строителя коммунистического общества.

¹ Сб. «М. Горький и А. Чехов», изд. АН СССР, М., 1937, стр. 130.

Л. НИКУЛИН

ЧЕХОВ О НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

Крестьянская жизнь, горе, заботы, безжалостное, издевательское ограбление крестьян начальством — мимо этого не мог пройти ни один великий русский писатель. Поэтому появились произведения Чехова, которые он называл повестями «из народной жизни».

Нужно быть слепым или сознательно закрывать глаза, чтобы умышленно не замечать у Чехова сурового, справедливого осуждения богатых и сильных, сочувствия народу, обреченному на рабскую неволю и тяжкий, рабский труд. И все-таки были и есть люди, осмелившиеся упрекать Чехова в безучастности, называвшие его писателем без мировоззрения. Чего же они хотели от Чехова?

Лидия Волчанинова, обитающая в «Доме с мезонином», девица из «прекрасной интеллигентной семьи», занимается мелкой благотворительностью — аптечками, библиотечками, которые при тех условиях служили только поработешенню... Вот люди среды, которую отлично знал Чехов, писал о них и не прощал им их самовлюбленность, суесловие, фальшивую выпренность.

Пастух в рассказе «Свирель» так судит об этих господах:

«Нет у него, сердешного, ни места, ни дела, и не разберешь, что ему надо. Али оно с удочкой сидит и рыбку ловит, али оно лежит вверх пузом и книжку читает, али промеж музыков топчется и разные слова говорит, а которое голодное, то в писаря нанимается. Так и живет пустя-

ком, и нет того в уме, чтобы себя к настоящему делу приспособить».

Какая жгучая насмешка в этом «оно», в среднем роде, которым удостоил барина пастух!

«Оно» предпочитало не замечать обидной характеристики, которую не раз встречаешь в произведениях Чехова, однако «оно» мстило писателю, и славословия чередуются с вздорными измышлениями «обеднявших» бар, упрекавших Чехова в «безыдейности», холодности, равнодушии к судьбам его персонажей и пессимизме.

Поразительно, как знал Чехов крестьянскую горестную жизнь; правда, ему редко приходилось общаться с рабочим людом, он знал его только со стороны, но сочувствовал ему, видел и понимал его тяжкую жизнь; вспомним хотя бы «Случай из практики».

Разумеется, много дала писателю профессия врача, он был обязан этой профессии тем, что узнал жизнь крестьянина. Некоторые критики упрекали Чехова в том, что рассказ «Новая дача» написан с точки зрения интеллигента, а «Мужики» с точки зрения давно отошедших от деревенской жизни Николая Чикильдеева и его жены. Эти господа критики должны были обратить внимание на рассказ «Бабы» и, наконец, на повесть «В овраге» — произведение, которое Чехов назвал своей последней повестью «из народной жизни».

Если бы «В овраге» была единственной повестью о деревне у Чехова, все равно его нельзя было бы назвать только бытописателем интеллигенции, «неврастенической расслабленности русского общества», как выражались иные критики.

Каждая деталь, каждая подробность в этой повести изумительна. — «...Какая-то развязанность, что-то лишнее в человеке» — это об Анисиме, агенте сысского отделения. Вот — Анисья — жена глухого: «в ее стройности было что-то зменное; зеленая, с желтой грудью, с улыбкой, она глядела, как весной из молодой ржи глядит на прохожего гадюка, вытянувшись и подняв голову». Эпизодические персонажи всегда чудесно описаны у Чехова: волостной писарь и старшина, не отпустившие из волостного правления ни одного человека без того, чтобы не обмануть и не обидеть. Эти люди так пропитались неправдой, что даже

«кожа на лице у них была какая-то особенная, мошенническая».

Сколько лишнего наговорил бы писатель-народник, но Чехов сказал о них главное, исчерпывающее, притом с неповторимым, присущим только ему юмором.

«Провели телефон и в волостное правление, но там он скоро перестал действовать, так как в нем завелись клопы и прусаки. Волостной старшина был малограмотен и в бумагах каждое слово писал с большой буквы, но когда испортился телефон, то он сказал:

— Да, теперь нам без телефона будет трудновато».

И весь комизм этой подробности несколько не снижает, не смягчает убийственной характеристики сельского начальства — волостного писаря и старшины, а даже заостряет и делает ее еще более злой и острой. Ну, как тут не вспомнить английского критика из «Таймс», который утверждал, что Чехов с улыбкой уклонялся от моральной оценки своих персонажей.

Улыбка... Разумеется, мы часто видим эту знакомую нам улыбку, как бы снисходительную, возникающую неожиданно, так, как умел улыбаться Гоголь, — «видимый миру смех» Чехова; однако эта улыбка несколько не отвлекает читателя от идеи произведения, и чередование комических черточек с драматическими усиливает воздействие произведения на читателя.

Разматывается клубок событий. Как-то мимоходом упоминается о новеньких рублях и полтинниках, когда читатель уже забыл о них, а это все-таки пружина сюжета. Монеты оказываются фальшивыми, старик Цыбукин велит их бросить в колодезь, но Аксинья сбывает их косарям, чтобы не пропало «добро». Анисим на каторге; погибает, обваренный кипятком, его ребенок, а его жену — несчастную Липу — выгоняет из дому гадюка Аксинья, которая морит голодом старика Цыбукина... Но вспомним, как комично начинается эта повесть — анекдотом о дьяконе, который в Уклееве на поминках съел четыре фунта икры.

Чем стал Чехов для англичан, мы узнаем от английского критика и журналиста Монтегю Слейтера: «Чехов стал близок сердцу англичан. Я могу проследить на протяжении своей жизни, как менялись чувства англичан и как мы достигли понимания не только Чехова, но и других через

Чехова». Так ли это? Полностью ли понят на Западе великий русский писатель?

На повесть «В овраге» на Западе обратили куда меньше внимания, чем на произведения, где выведены скучные, хмурые люди. Как бы ни старались недобросовестные критики изобразить Чехова писателем, чуждым «идеи» и «направленности», певцом уныния и скорби, он даже в такой жестокой и безотрадной повести, как «В овраге», верил в лучшую жизнь:

«Жизнь долгая. — будет еще и хорошего и дурного, всего будет. Велика матушка Россия!» — говорит старик, встреченный Липой в самую тяжкую пору ее жизни.

Или разговор Елизара с Костылем о том, кто старше: купец первой гильдии или плотник: «Оно так, деточки. Кто трудится, кто терпит, тот и старше...» Долго терпели те, кто трудился. Но уже не хватало железного терпения. И все-таки повесть кончается не безнадежно — светло и даже радостно:

«Шли бабы и девки толпой со станции, где они нагружали вагоны кирпичом, и носы и щеки под глазами у них были покрыты красной кирпичной пылью. Они пели. Впереди всех шла Липа и пела звонким голосом, и заливалась, глядя вверх на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава богу, кончился и можно отдохнуть».

«Не было необходимости переводить «Мужиков» на французский язык», — однажды сердито заметил Чехов, а в другом месте он объясняет свое строгое отношение к переводам произведений русских писателей на иностранные языки: — «Я бы всех этих переводчиков сослал в Сибирь за непатриотизм и легкомыслие».

Это, конечно, шутка, но сколько в ней правды!

Замечание о переводчиках говорит нам еще о благородном чувстве патриотизма, которое было у Чехова. Ему претило снисходительное, высокомерное отношение иностранной читающей публики и зрителей к тому, что в прошлом составляло трагедию русского народа.

Когда же во всей глубине и силе открылась самоотверженность, одаренность народа, прежде лишенного свободы и человеческих прав, — значение творчества Чехова выросло неизмеримо. Оно стало драгоценным наследием мировой литературы.

Е. П. ОХРЕМЕНКО

**А. П. ЧЕХОВ
В ОЦЕНКЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
МАРКСИСТСКОЙ КРИТИКИ**

Антон Павлович Чехов своеобразно отразил в своем творчестве многие важнейшие стороны жизни России в период нарастания первой революции. Поэтому в критике, особенно накануне и в период первой русской революции, когда общественная борьба достигает высшего напряжения, разгорается борьба за Чехова.

Буржуазная и либерально-народническая критика, разбирая произведения Чехова 80-х годов, утверждала, что он — писатель без мировоззрения, и хотела внушить ему необходимость проповеди ее идеалов. Декаденты пытались сделать Чехова своим союзником — проповедником мистической сущности жизни.

Авторитет Чехова, его талант были настолько значительны, что проповедь Чеховым взглядов того или иного лагеря, боровшегося за писателя, была бы, как говорил критик-марксист М. Ольминский, «ценным приобретением для людей того направления, к которому примкнул бы Чехов»¹.

Марксистская критика включилась в эту борьбу с тем, чтобы раскрыть подлинное содержание творчества Чехова и его значение для освободительной борьбы народа. М. Горький, В. Воровский, А. Луначарский, М. Ольминский стремились к объективному истолкованию творчества Чехова, не навязывали ему своих взглядов. Они видели

¹ М. Ольминский. По вопросам литературы. Л., 1926, стр. 51.

в Чехове продолжателя лучших традиций русской реалистической литературы XIX века, писателя-демократа, произведений которого в период подготовки и осуществления первой русской революции будили сознание народа, воспитывали в нем ненависть к удушающей обстановке царского режима.

* * *

Известный отзыв В. И. Ленина о «Палате № 6» (в начале 90-х годов) раскрывает в творчестве Чехова глубокий общественный смысл, своеобразно выраженный протест против общества, где царят произвол, грубая сила.

И позже многократно в своих работах использует В. И. Ленин чеховские образы—душечки, учителя словесности, «человека в футляре» и т. д. Особенно часто обращается Ленин к образу «человека в футляре», и как правило — тогда, когда есть необходимость высмеять боязнь жизни, ее революционных тенденций, стремление загладить вопиющие противоречия российской действительности. «В. И. Ленин, разрушая всю ложь реакционной печати, ясно показывал, что глубочайший реализм Чехова служил целям революции, сливался с ее благородными задачами»¹.

В том же направлении дает анализ творчества Чехова и М. Горький. В 1900 г. в газете «Нижегородский листок» появляется его статья «По поводу нового рассказа А. П. Чехова «В враге». В ней Горький оценивает все творчество Чехова, полемически заостряя свои высказывания против буржуазной и либерально-народнической критики, отрицавшей наличие мировоззрения у Чехова.

«Его упрекали в отсутствии мировоззрения. Нелепый упрек!»²—пишет Горький. У Чехова есть мировоззрение, и достоинство его состоит в том, что оно не ограничено рамками узкогрупповых тенденций. Это утверждение ясно звучит в следующих словах: Чехов «овладел своим представлением жизни и таким образом стал выше ее. Он освещает ее скуку, ее нелепости, ее стремления, весь ее хаос с высшей точки зрения»³.

¹ Б. Н. Александров. Семинарий по Чехову. М., 1957, стр. 65.

² М. Горький. О литературе. Литературно-критические статьи. М., «Сов. писатель», 1953, стр. 29.

³ Там же, стр. 30.

В чем же сущность этой «высшей точки зрения»?

«Все чаще слышится в его рассказах грустный, но тяжелый и меткий упрек людям за их неумение жить, все красивее светит в них сострадание к людям и—это главное!—звучит что-то простое, сильное, примиряющее всех и вся. Его скорбь о людях очеловечивает и сыщика, и грабителя-лавочника, всех, кого она коснется: «Понять — значит простить» — это давно сказано, и это сказано верно. Чехов понимает и говорит — простите! И еще говорит — помогите! Помогите жить людям, помогайте друг другу!»¹

Чехов прилагает к жизненным явлениям «меру высшей справедливости. Чехову это доступно и за это его глубоко человеческий объективизм называли бездушным и холодным. Говорилось даже, что ему все равно, о чем ни писать—о цветах, о трупах, о детях, о лягушках, у него все выходит одинаково хорошо и холодно»². (Горький имеет в виду народническую критику, в частности статью Н. К. Михайловского «Об отцах и детях и о г. Чехове»).

На первый взгляд может показаться, что Горький подходит к Чехову с меркой расплывчатого, какого-то абстрактного, либерального гуманизма. Но чеховский объективизм, его «меру высшей справедливости», Горький понимает как глубокий, объективный анализ русской жизни, порождающий те или иные типические явления.

Анисима Цыбукина, выросшего в среде, где жажда наживы даже преступными средствами считалась узаконенным жизненным порядком, Чехов изображает так, что становится понятно: «Человек болит душой, но идет делать фальшивые деньги, заглушая тревогу совести ссылкой на других, которые «тоже»... Разумеется, дрянь человек! Но как он может быть лучше? В той обстановке, в которой он живет, лучшие должны погибнуть»³. Напомним, что Липа — эта добрая, честная, трудолюбивая женщина, в конце концов изгнана из хищнического гнезда Цыбукиных.

«И постоянно каждого из нас, как Анисима Цыбукина, тянет в противоположные стороны, к заботам о воплощении в жизнь истины и справедливости и к езде верхом на шее ближнего. Всего более и всего чаще в человеке борют-

¹ М. Горький. О литературе. Литературно-критические статьи. М., «Сов. писатель», 1953, стр. 30.

² Там же.

³ Там же.

ся два взаимно друг друга отрицающие стремления: стремление быть лучше и стремление лучше жить. Объединить эти два позыва в стройное одно — невозможно при существующей путанице жизни»¹.

Отмечая «объективизм» Чехова, его сострадание к людям, даже худшим, Горький подчеркивает одну замечательную черту Чехова, неразрывно связывающую его с великой русской литературой XIX века, — его гуманизм.

Русские писатели — Гоголь, Достоевский (особенно в повести «Бедные люди»), Салтыков-Щедрин, А. Островский и др. — видели добрую природу человека и показывали, что она искажается в самодержавно-крепостническом обществе. Социальное неравенство часто искажает как природу простого человека, делая его забитым, так и «хозяина» жизни, превращая его в самодура, потерявшего все истинно человеческие качества.

В статье о повести «В овраге» Горький раскрывает связь Чехова с этой традицией. По его мнению, у Чехова такое же понимание гуманизма: человек по натуре своей хорош, но среда искажает его природу. Отсюда — не только «объективизм» Чехова, появление «меры высшей справедливости», но и осуждение тех условий, которые уродуют человека. Эта точка зрения Чехова, по мысли Горького, без сомнения, была выше всяких требований народников и либералов подчинить изображение жизни своим узкотенденциозным критериям.

Чехов смотрит на жизнь глазами трудового народа. С его точки зрения он расценивает соотношение социальных сил. «Кто трудится, кто терпит, тот и старше», — говорит плотник Костыль, высказывая мысль самого Чехова.

Горький обратил особое внимание на этот образ. «Старый плотник Костыль, человек мудрый и милый, как малое дитя», — пишет он. И слова его он с симпатией называет наивными. Они кажутся Горькому наивными очевидно потому, что сам он не видит в терпении добродетели. Только перефразированные примерно так: «Кто трудится, кто угнетен — тот станет хозяином жизни!» — они могли быть восприняты Горьким с полным сочувствием. В 1902 году в пьесе «Мещане» зазвучал лозунг Нила: «Хозяин тот, кто трудится!» Но это уже более высокий взгляд на

¹ М. Горький. О литературе. Литературно-критические статьи. М. «Сов. писатель», 1953, стр. 29.

жизнь, выражающий сознание пролетариата, решившего перестроить жизнь на новых основаниях. Однако в лозунге Нила живет убеждение и Костыля о «старшинстве» трудящегося человека так же, как в мировоззрение революционного пролетариата включаются лучшие идеалы демократических масс.

Чехов в простом народе видит истинно человеческие качества, способные в благоприятных общественных условиях обеспечить человеку подлинное счастье: скромное и гордое достоинство труженика (столкновение Костыля с купцом), отсутствие всепоглощающего чувства собственности (жена всю жизнь просила Костыля купить дом, лошадь, а он рассказывает, что покупал ей только пряники), неистощимое трудолюбие, доброту, понимание прекрасного.

Этот гуманизм, эта близость к народным представлениям о ценностях жизни создают, по мнению Горького, присущую Чехову высшую точку зрения на жизнь. И именно эта высота взгляда на жизнь, это все большее сближение с народом обусловили эволюцию в творчестве Чехова, отмечаемую Горьким.

Разоблачая миф о Чехове-пессимисте, Горький отмечает растущий в творчестве Чехова оптимизм, веру в будущее. «...Каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни». Усиление этой ноты — результат глубокого изучения Чеховым жизни России, идущей к революции.

Эта оценка сохраняется у Горького и в очерке «А. П. Чехов», написанном в 1905 г. и дополненном в 1914 году. По его словам, Чехов «обладал искусством всюду находить и оттенять пошлость — искусством, которое доступно только человеку высоких требований к жизни, которое создается лишь горячим желанием видеть людей простыми, красивыми, гармоничными. Пошлость всегда находила в нем жестокого и острого судью»¹.

Итак, Чехов не с «холодной кровью» (Михайловский) описывает жизнь, а он охвачен желанием воплотить в жизнь высокий эстетический и нравственный идеалы, и эти идеалы вполне ощутимо присутствуют в самых ранних, на первый взгляд, лишь чисто развлекательных рассказах.

¹ М. Горький. О литературе. М., «Сов. писатель», 1953, стр. 38.

«Антон Чехов уже в первых рассказах своих умел открыть в тусклом море пошлости ее трагически мрачные шутки: стоит только внимательно прочитать его «юмористические» рассказы, чтобы убедиться, как много за смешными словами и положениями — жестокого и противного скорбно видел и стыдливо скрывал автор...

Почтеннейшая публика, читая «Дочь Альбиона», смеется и едва ли видит в этом рассказе гнуснейшее издевательство сытого барина над человеком одиноким, всему и всем чужим. И в каждом из юмористических рассказов Антона Павловича я слышу тихий, глубокий вздох чистого, истинно человеческого сердца, безнадежный вздох сострадания к людям, которые не умеют уважать свое человеческое достоинство и, без сопротивления подчиняясь грубой силе, живут, как рабы, ни во что не верят, кроме необходимости каждый день хлебать возможно более жирные щи, и ничего не чувствуют, кроме страха, как бы кто-нибудь сильный и наглый не побил их»¹.

Одна из особенностей Чехова, по мнению Горького, заключается в том, что в его произведениях в основном нет положительных героев, которым он доверил бы свои высокие этические и эстетические идеалы. И в то же время он не допускает из какой-то «целомудренной скромности» публицистических отступлений. Голос автора-публициста не звучит в произведениях Чехова.

«Он был как-то целомудренно скромен, он не позволял себе громко и открыто сказать людям: «да будьте же вы... порядочнее!» — тихо надеясь, что они сами догадаются о настоятельной необходимости для них быть порядочнее. Ненавидя все пошлое и грязное, он описывал мерзости жизни благородным языком поэта, с мягкой усмешкой юмориста, и за прекрасной внешностью его рассказов мало заметен полный горького упрека их внутренний смысл».

Отсюда, на первый взгляд, «беспристрастное» изображение жизни, как своеобразная черта произведений Чехова.

Эстетический, нравственный идеалы Чехова выражались, считает Горький, в «жестокой ясности», с которой писатель рисовал «маленьких, жалких людей».

Этих людей Чехов беспощадно осудил, утверждает Горь-

¹ М. Горький. О литературе. М., «Сов. писатель», 1953, стр. 40

кий не только на основании анализа творчества Чехова, но и на основании бесед с писателем. Горький вспоминает слова Чехова:

«Мы привыкли жить надеждами на хорошую погоду, урожай, на приятный роман, надеждами разбогатеть или получить место полицеймейстера, а вот надежду поумнеть я не замечаю у людей. Думаем: при новом царе будет лучше, а через двести лет — еще лучше, и никто не заботится, чтоб это лучше наступило завтра. В общем — жизнь с каждым днем становится все сложнее и движется куда-то сама собою, а люди — заметно глупеют, и все более людей остается в стороне от жизни.

Подумал и, наморщив лоб, прибавил:

— Точно нищие калеки во время крестного хода»¹.

Ясно, что пессимизм чеховских героев нельзя отождествлять с мировоззрением самого писателя.

И в статье о повести «В овраге», и в очерке Горький говорит о «ноте бодрости» в творчестве Чехова. Заканчивая очерк, делает вывод:

«Хорошо вспомнить о таком человеке, тотчас в жизнь твою возвращается бодрость, снова входит в нее ясный смысл»².

Горький в очерке, как и в статье, показывает демократическую сущность взглядов Чехова, рассказывая о его обращении к либеральной фразе, о том, что все его симпатии — на стороне простого человека-труженика. Горький воспроизводит две беседы Чехова — с учителем и либеральным товарищем прокурора.

Учитель, человек честный, работающий в ужасных условиях дореволюционной деревни, понимающий весь ужас жизни, вызывает у Чехова одобрение. Чехов говорит о нем, что тот «недолго проучит...», «затравят» его, «прогонят», потому что в России «честный человек» — что-то вроде трубочиста, которым няньки пугают маленьких детей...»³

И насмешку и досаду вызывает у Чехова либеральный товарищ прокурора, считающий, что вопрос, поставленный Чеховым в рассказе «Злоумышленник», «может быть разрешен только в интересах общества, жизнь и собствен-

¹ М. Горький. О литературе. М., «Сов. писатель», 1953, стр. 47.

² Там же, стр. 47.

³ Там же, стр. 35.

ность» которого он защищает, то есть в интересах собственного строя. Юрист обеспокоен тем, что «злоумышленник» Денис не вполне подходит к категории обычного преступника. Он не хочет замечать глубокого смысла, заключенного в рассказе: осуждение общества, обрекающего народ на беспросветную темноту, косность, нищету. Рассказ не возбудил в этом, по выражению Чехова, «прыще на сиденье правосудия» негодования, боли за судьбу народа. Либерализм товарища прокурора проявляется лишь в ни к чему не обязывающей жалости к народу.

В очерке, особенно в его части, которая была написана в 1914 году, Горький с еще большей настойчивостью говорит, что сознание великой роли труда является одной из определяющих черт мировоззрения, художественного творчества и всего психологического облика Чехова.

«Я не видел человека, который чувствовал бы значение труда как основания культуры так глубоко и всесторонне, как А. П. Это выражалось у него во всех мелочах домашнего обихода, в подборе вещей и в той благородной любви к вещам, которая, совершенно исключая стремление накапливать их, не устает любоваться ими как продуктом творчества духа человеческого. Он любил строить, разводить сады, украшать землю, он чувствовал поэзию труда»¹.

Горький рассказывает, как он читал однажды Чехову монолог Васьки Буслаева из задуманной им пьесы «Васька Буслаев». В монологе былинный герой Васька Буслаев — олицетворение потенциальной мощи народа — выражает его заветную мечту — «изукрасить» землю «как девушку», сделать ее «изумрудом дорогим».

«Чехову понравился этот монолог... он говорил:

— Это хорошо... Очень настоящее, человеческое! Именно в этом «смысл философии всей». Человек сделал землю обитаемой, он сделает ее и уютной для себя. — Кивнув упрямо головой, повторил: — Сделает!»

Но если для Горького было ясно, что труд сам по себе, каким бы он честным, творческим ни был, какими бы возвышенными целями ни освещался, не может в буржуазном обществе превратить землю в цветущий сад, если для Горького мечта о творческом труде и освободительная борьба

¹ М. Горький. О литературе. М., «Сов. писатель», 1953, стр. 43—44.

сливались воедино, то в сознании Чехова эта связь только намечалась, да и то в конце жизни.

Горький вспоминал:

«В его серых, грустных глазах почти всегда мягко пскрилась тонкая насмешка, но порою эти глаза становились холодны, остры и жестки; в такие минуты его гибкий, задушевный голос звучал тверже, и тогда мне казалось, что этот скромный, мягкий человек, если он найдет нужным, может встать против враждебной ему силы крепко, твердо и не уступит ей»¹.

Это — именно русская черта — скромный, не показной героизм, скрытая, не хвастливая сила характера. Именно как воплощение лучших черт русского национального характера встает перед нами образ Чехова, нарисованный Горьким.

Итак, Горький дает восторженную, глубокую оценку творчества Чехова, называя его великим русским писателем, продолжавшим лучшие качества могучей русской литературы — ее демократизм, ее гуманизм. Он правильно определил направление эволюции творчества Чехова — нарастание ноты бодрости, связанное с подъемом революционного движения, все больше вовлекавшего в свою орбиту широкие демократические массы, мысли и чувства которых выражал Чехов. Горький отделяет Чехова от его героев, часто довольствовавшихся мечтами о прекрасном будущем. Как рассказывает Горький, Чехов чувствовал необходимость поисков конкретных путей к светлой жизни.

О недостатках мировоззрения Чехова Горький не говорит, делая это намеренно, потому что желает защитить Чехова от несправедливых нападок критики; в очерке — в связи с общей установкой биографического цикла на создание положительных образов выдающихся деятелей русской культуры, раскрывающих богатую одаренность русского народа. Недаром очерк заканчивается так:

«Человек — ось мира.

А — скажут — пороки, а недостатки его?».

Все мы голодны любовью к человеку, а при голоде и плохо выпеченный хлеб — сладко питает»².

Ценность высказываний Горького о Чехове чрезвычайно

¹ М. Горький. О литературе. М., «Сов. писатель», 1953, стр. 39.

² Там же, стр. 47.

велика. Он первый среди марксистских критиков глубоко раскрыл в творчестве Чехова те качества, которые в советское время усилием коллектива наших литературоведов были изучены и отмечены, как ведущие в наследии этого замечательного русского писателя.

* * *

Творчество Чехова, особенно его пьесы, привлекали внимание и других марксистских критиков—В. Воровского, А. Луначарского, М. Ольминского.

В. Воровский дважды обращается к анализу творчества Чехова. Если статья «Лишние люди» (1905 г.) касается более частной проблемы — темы чеховской интеллигенции, то статьи 1910 года — «А. П. Чехов» и «А. И. Куприн» (последняя работа отчасти посвящена Чехову) дают оценку творчества Чехова в целом.

Всех героев чеховских пьес, от Иванова до Ирины и Ольги (исключение составляет Аня), Воровский называет «лишними людьми». Они лишние потому, что остаются в стороне от могучего потока обновленной жизни, не видят, что жизнь в результате нарастающего освободительного движения изменилась, не понимают, что и интеллигенция, включившись в этот поток, могла бы обрести и смысл, и цель своей жизни, и приложение своим силам.

Ничего по-настоящему светлого и живого в их жизни нет. Это обыватели. У них мизерные жизненные цели и задачи, а их вера в прекрасное будущее через 200—300 лет—лишь слова, назначение которых — приукрасить их бедное, пошлое, обывательское существование. Неужели начавшееся в 90-х годах общественное оживление никак на них не сказалось? Нет, в какой-то мере сказалось. В мир «лишних людей», в мир бездеятельности и тунеядства входит принцип некоторой активности.

«Этот принцип выступает в трех видах: художественное творчество, производительный труд, общественная деятельность»¹.

Кульť красоты, говорит Воровский, провозглашается многими героями Чехова, ярче всех он проявляется у

¹ В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1956, стр. 135.

Сахалин. Гор. Александровск. Старая слободка и речка Малая Александровка. Рис. С. М. Чехова.

Астрова, у героев «Чайки». Эти люди увлечены красотой или художественным творчеством. Мир красоты является убежищем для всех этих людей, отошедших от общественной жизни. И прославление красоты, по мнению Воровского, выступает у них как явление антиобщественное.

Но, как показали советские исследователи творчества Чехова, например В. В. Ермилов, в пьесе «Дядя Ваня» перед нами не культ красоты для красоты, а тоска, печаль по поводу бесполезно пропадающей красоты. Подобное «преклонение» перед красотой обвиняет общество, губящее красоту. Слова Астрова: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», — слова гуманиста, мечтающего о счастье человека. Эта мечта оборачивается осуждением современного Чехову общества, в котором нет условий для гармоничного развития человека.

Другой вид пробуждающейся активности в среде интеллигенции, по Воровскому, стремление к труду, прославление труда.

Воровский замечает:

«Труд (у героев пьес — Е. О.) в самом буквальном и физическом значении становится каким-то идеалом, «какой-то панацеей от всех бед».

Здесь критиком уловлена ограниченность мировоззрения не только героев Чехова, но и самого Чехова, который, придавая великое значение труду, не заострял внимание на том, что только освобожденный от капиталистической эксплуатации труд может принести истинное наслаждение.

Однако Воровский впадает в другую крайность, когда говорит, что труд никогда не может принести удовольствия человеку, что труд и поэзия, труд и мысль в принципе несовместимы. Именно с этой точки зрения он критикует мечту Ирины об осмысленном, исполненном поэзии труде, считает эту мечту младенческой, вызванной стремлением интеллигенции заполнить бессмысленную пустоту своей жизни.

Но если труд в эксплуататорском обществе не может принести подлинного наслаждения, потому что его поминутно оскорбляет сознание подневольности, то вспышки наслаждения трудом, «восторга деяния» возможны. Об этом прекрасно рассказал Горький в повести «Фома Гордеев», в «Моих университетах». Возможно также и появление сознания великого значения труда для создания человеческой

культуры. Это понимал Чехов, и об этом писал Горький в поэтической «сказке» о строительстве Симплонского туннеля.

Воровский не учитывал этого глубоко прогрессивного разрешения темы труда в условиях эксплуататорского общества. Поэтому он совершенно отвергает мечты чеховской интеллигенции о труде, как, якобы, выросшие на почве мещанской. Он не видел в них свидетельства сближения героев Чехова с пробуждающимся сознанием народа. Эти мечты были близки и самому Чехову и говорили о все большей и большей демократизации творчества Чехова. Тем более, что Чехов имеет в виду не труд вообще, а труд, направленный на благо народу.

Трагедию дяди Вани Чехов видит в том, что его труд бессмыслен: он служит обеспечению паразитического существования бездарного тупицы профессора Серебрякова. С сочувствием относится Чехов к поискам Ирины труда осмысленного, поэтического. Труд на телеграфе, в земстве — бессмысленная «служба». Труд учительницы, к которому Ирина готовится в финале пьесы, труд опоэтизированный самоотверженным служением народу, увенчивает поиски Ирины.

Чехов относился к этому труду с великим благоговением, о чем рассказывал в очерке М. Горький, приводя слова писателя об учителе: это человек, «который делает большую, страшно важную работу!»¹ Но Чехов не раз высказывал свои горькие мысли о том, что даже самоотверженный труд отдельной личности ничего радикально в жизни народа не меняет, что нужны какие-то другие, скорые, сильные средства воздействия на жизнь.

Пройдет немного времени, и в повести «Невеста» Чехов в словах студента Саши сформулирует главную задачу своего времени, от выполнения которой зависят все более частные вопросы: судьба искусства в обществе, положение труда, свободное развитие личности: «Главное перевернуть жизнь, а все остальное неважно».

В пьесе «Три сестры» Чехов стоит еще накануне открытия для себя этой мысли, и поэтому поиски его героиней осмысленного, поэтического труда могли представиться здесь читателю одной из важнейших задач времени.

¹ М. Горький. О литературе. М., «Сов. писатель», 1953, стр. 33.

Воровский очевидно и опасался, что в тех условиях прославление поэзии труда может толкнуть к примирению с существующими условиями подневольного труда. Вот почему по сравнению с революционным изменением жизни идеалы героев чеховских пьес кажутся ему мещанскими, прославление красоты, искусства и труда — отказом от пафоса гражданственности.

Что столь низкая оценка положительных идеалов Чехова происходит именно отсюда, доказывает статья Воровского «А. И. Куприн».

В качестве положительного идеала Куприна Воровский цитирует слова Ромашова, героя повести «Поединок»: «...Существуют только три гордых призвания человека: наука, искусство и свободный физический труд». В них, по мнению Куприна, и только в них залог будущего счастья человечества.

Воровский возражает Куприну:

«Но мы знаем, что во времена Ромашова наука была связана и приписана к определенному министерству, искусство прозябало и зависело от саноных меценатов, наконец, физический труд был, как раб, скован по рукам и ногам и продан капиталу. Где же отправная точка, исходя из которой можно было бы прийти к блаженному состоянию..? Где необходимое первое усилие, первый толчок?»¹

Естественно, Воровский его видит в революции. Спасение не в искусстве, не в труде, а в том, чтобы порвать все связи со своей средой, «сжечь свои корабли», разлюбить «вишневые сады» и идти туда, где находится центр борьбы за решительное переустройство жизни — к революционному пролетариату.

К решительному разрыву со своей средой способны немногие из героев Чехова — Аня, Надя, и, возможно, впоследствии они и придут в революцию.

Воровский оценивает чеховских героев и их идеалы с точки зрения необходимости скорейшего включения в политическую борьбу широких народных масс. Относясь отрицательно к политической бездеятельности этих людей, Воровский расценивал и их идеалы как средство «цепляться за

¹ В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1956, стр. 284.

жизнь, за пошлую, животную жизнь — их единственное сокровище»¹.

Чеховские герои-интеллигенты бездеятельны, они не могут бороться за осуществление своих идеалов, они, с их болезненной чуткостью к пошлости, с их чистотой, тем не менее, не могут порвать с мещанским болотом. В этом их слабость, в этом их никчемность, в этом даже смешная, пошлая сторона их характеров.

И Воровский осуждает их и их идеалы.

«...Все эти дяди Вани, все эти «сестры» с их кругом, все эти владельцы «вишневых садов», осужденные судьбой на гибель, — все они с их мелочными желаниями, с их бесстрастными порывами, с их ничтожными мыслишками, с их жалкими страданиями не вызовут жалости или сострадания в людях, поставивших своим девизом: вперед и выше!»²

В оценке этих людей Воровский сходил с Горьким. Но Горький отделял идеалы чеховских героев от них самих, он видел, что в их идеалах (например, в жажде труда) много лично чеховского, и высоко ставил эти идеалы.

Каковы же, по Воровскому, дальнейшие пути чеховской интеллигенции в русской революции? Куда, в какой лагерь в конечном итоге придут все эти Астровы, дяди Вани, Вершинины, бароны Тузенбахи, «сестры»?

Первая русская революция закончилась поражением. Буржуазная интеллигенция, напуганная размахом революционного движения народа, окончательно становится на защиту существующего строя, оплевывает все русское демократическое движение, увлекается идеализмом, мистикой, проповедует бессилие человеческого разума и творческой энергии человека, стремится подчеркнуть могущество низменных инстинктов человека.

Сам Чехов, говорит Воровский, предвидел бурю. Но его герои, жалкие, бессильные люди, бури не выдержали, ее не поняли, и буря только еще более ясно вскрыла их никчемность. Об этом пишет критик в статье «А. П. Чехов»:

«Буря пронеслась, и в результате Тузенбахи и Вершинины ударились не то в религиозные, не то в эротические ис-

¹ В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1956, стр. 140.

² Там же.

кания. Замокнули их мечтающие голоса, перестали они любовно заглядывать в будущее, напротив, обратили свои взоры вспять и стали проклинать ту самую бурю, которую приурочил им Чехов. И, вспоминая жестокую, беспощадную, острую кисть художника, вдруг начинает казаться, что все его доброжелательное отношение к героям «Трех сестер» или «Дяди Вани» было лишь новым жестоким бичом, что напроорочил он им бурю с коварной целью окончательно доказать, как ничтожны и жалки они, как ненужны они для возрождения русского общества»¹.

Эта оценка чеховских героев, даже лучших из них — Астрова, Вершинина, «сестер» — подчинена общей концепции исторической роли русской интеллигенции, концепции, развиваемой критиком. Воровский считает, что если люди из умирающего класса не уходят в ряды класса, которому принадлежит будущее, они морально гибнут, и ничего положительного в содержании их мыслей, чувств, идеалов не остается. Герои-интеллигенты Чехова — представители умирающих классов — дворянства и буржуазии. Но это не совсем так. Многие из них своими идеалами более или менее сильно связаны с демократическим движением. Поэтому в мыслях их можно усмотреть много здоровых, прогрессивных черт, от которых пролетариат, борющийся за социализм, не мог отказаться, не обеднив свою идеологию. Воровский, как мы уже говорили выше, ценности этих идеалов не увидел, вот почему будущее героев чеховских пьес он связывает с лагерем ренегатствующей буржуазной интеллигенции периода столыпинской реакции.

Но разве мечта Астрова о прекрасном, гармонически развитом человеке могла хотя бы немного соприкоснуться с извращенной моралью декадентов? Разве поэзия труда, жажда чистой, возвышенной любви совместима с проповедью бессилия человеческого разума, с эротоманией модернистов?

В 1910 г. в связи с чеховским юбилеем появляется много статей либерально-буржуазных критиков, которые пытались изобразить Чехова своим приверженцем, тем самым приумножая свой политический капитал. И тем ярче на

¹ В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1956, стр. 253.

этом фоне выступают работы Воровского, посвященные творчеству Чехова. В них критик стремится к объективному анализу как сильных, так и слабых сторон писателя. В противовес либерально-буржуазной критике, представлявшей Чехова певцом интеллигенции и только интеллигенции, Воровский говорит, что Чехов — писатель огромного диапазона, что ему удалось очертить большой круг современности, потому что его отличительной чертой является внимание к обыденной жизни маленьких, простых людей, составляющих большинство общества.

«Жизнь маленького, среднего, серого человека — вот тот материал, над которым работали и Чехов и Куприн. Не герои, не крупные интересные умные личности, с которыми приходилось им встречаться, привлекали внимание художников, а именно те никому неведомые, безыменные люди, которые образуют массу общества»¹.

По тематике своего творчества Чехов — демократ. Идеиная направленность его творчества также в основе своей демократическая, так как для Чехова характерно резко критическое, отрицательное отношение к действительности, которая обрекает простого человека на жизнь «в серой, нудной, пошлой обстановке». Маленькие люди «убивают все свои силы на какую-то неинтересную и ненужную работу, всю жизнь бьются и материально и морально, как рыба об лед — без тени надежды, без проблеска веры в лучшее будущее...»²

Чехов протестует против «жалкой и гнусной действительности» и на этой почве рождается в его творчестве «...жажда освобождения человеческого чувства от цепей рабства и пошлости...»³

Воровский видит протест Чехова против действительности царской России, рожденный тем, что Чехов был писателем, отражавшим мысли, чувства, настроения широких демократических масс.

Но у Чехова, по мнению Воровского, есть только «жажда освобождения человеческого «чувства», освобождение человека трактуется с внутренней, духовной, эстетической

¹ В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1956. стр. 276.

² Там же.

³ Там же.

стороны, а не с внешней, материальной, политической»¹, потому что Чехов аполитик.

Воровский увидел действительно свойственную Чехову ограниченность его мировоззрения. Но он преувеличил силу чеховского аполитизма и не оценил по достоинству даже последний период творчества Чехова, когда писатель все ярче отражал стремление широких демократических масс к участию в общественной жизни.

В статье «Максим Горький» (1910 г.), имея в виду чеховских героинь — Надю из «Невесты» и Аню из «Вишневого сада», Воровский писал о Чехове:

«...В последних произведениях он уже предсказывал бегство свежих, молодых элементов от гнусной действительности в новую жизнь. Но это было лишь *робкое, неуверенное предчувствие поэта*»². Преувеличение аполитизма Чехова в статьях Воровского происходит оттого, что он не всегда связывал писателя с демократическими массами. Иногда он утверждал, что Чехова породила мещанская среда с ее абсолютным отвращением к политике.

«Серая обстановка, в которой он вырос, наложила и на него свой отпечаток. Если он вынес из нее ненависть к пошлости и мещанству, то вместе с тем он вынес и свойственное этому мещанству неверие в методы политической борьбы...»³

Справедливо мнение Воровского о том, что у Чехова была вера в светлое будущее, но что конкретных путей достижения его он не знал.

«Благодаря этой неясности путей, которыми может и должно прийти будущее, Чехов всегда был далек от реальной борьбы за это будущее, всегда был чужд борющихся за него людей, всегда был аполитиком. И это заставляло его пессимистически смотреть на многие положительные явления русской жизни, которые он, благодаря такому предвзятому мнению, относил к тусклой и серой современности»⁴.

Действительно, Чехов не изображал прямых участников

¹ В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1956, стр. 277.

² Там же, стр. 250.

³ Там же.

⁴ Там же.

политической борьбы, не показал подлинно положительного героя своего времени — революционера, сознательного пролетария, одного из тех, кто с огромным самоотвержением уже пробивали дорогу к будущему. Изобразить этого героя смог М. Горький, связанный духовными узами с пролетариатом, с партией большевиков.

Но все же Чехов рисовал, особенно в последний период, рост сознательности, проявление протеста, веру в будущее в демократических слоях общества. И это было тем положительным, что он замечал в жизни, это было той «нотой бодрости», которая все усиливалась в его творчестве. Поэтому нельзя согласиться с мнением Воровского, что Чехов не замечал в жизни ничего светлого, рисовал только темные стороны жизни.

В конце жизни, замечает Воровский, аполитизм, безразличие начали спадать с Чехова, но, хотя критик и отмечает эти изменения, они не влияют на его общую оценку Чехова. В статьях Воровского главное внимание обращено не на последний период — вершину творческого развития писателя, а на Чехова 80 — 90-х годов. Источник этой особенности в оценке Чехова Воровским отчасти в том, что, как указывал критик, «...эволюция Чехова, иллюстрированная им в последних трудах..., к сожалению мало еще исследована»¹.

Итак, несмотря на некоторое преувеличение слабых сторон в мировоззрении Чехова, в общем Воровский правильно вскрывает основное направление творчества этого писателя, особенности его мировоззрения — все усиливающийся демократизм, предчувствие революции, осуждение даже любимых своих героев за пассивное отношение к жизни. Все эти черты в Чехове Воровский ставит очень высоко, отмечая вместе с тем ограниченность его мировоззрения, его недостаточное понимание важности политической борьбы, истинных путей революции.

Немалый интерес представляют заметки о Чехове другого марксистского критика А. В. Луначарского. Надо сказать, однако, что А. Луначарский менее глубоко понял сущность творчества Чехова, заостряя внимание лишь на слабостях его мировоззрения.

¹ В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., ГИХЛ, 1956, стр. 252.

Три направления в современной ему литературе отмечает Луначарский: старый реализм, декадентство и нарождающееся социалистическое искусство. Все его симпатии на стороне последнего. Оно удовлетворяет тем требованиям, которым, считает Луначарский, должно следовать подлинно великое искусство, идущее в ногу с жизнью: искусство должно быть героическим, звать к подвигу, учить любить жизнь.

Критик призывает писателей изображать вслед за Горьким борьбу со старым миром, с мещанским болотом, изображать гибель и победу борющихся.

Чехова Луначарский называет великим писателем. «Я не знаю, — говорит он, — есть ли сейчас в Европе талант, равный Антону Павловичу Чехову, если исключить, конечно, Л. Толстого, доказавшего своим гениальным «Воскресением», что он все еще стоит все всякой конкуренции»¹.

И вместе с тем Луначарский видит, что творчество Чехова, несмотря на его огромный кругозор, не обнимает всю жизнь полностью, не вполне отвечает задачам, стоящим перед искусством на третьем этапе освободительного движения в России, а именно: оно недостаточно героично. Критику даже кажется, что у Чехова нет «жизненной бодрости», потому что нет четкого представления о путях, ведущих к счастью народа. Это понимание творчества Чехова излагается Луначарским в работе «К вопросу об искусстве» (1903 г.).

Основной герой Чехова — интеллигент, который «свигною жизнью» жить не может, но бороться также не в состоянии и потому сам мало чем отличается от обывателя. Чехов не указывает читателю путь, идя которым можно было бы вырваться из такой жизни. Исключение представляет рассказ «Невеста». «Этот рассказ в наших глазах — пишет А. Луначарский, — имеет в себе нечто трогательно прелестное, какой-то аккорд грусти и бодрости, отзвуки песни, которою великий умирающий художник безвременья приветствовал новую жизнь»².

Зато в других своих произведениях, утверждает Луначарский, с какого-то времени «Чехов пошел навстречу че-

¹ А. Луначарский. К вопросу об искусстве. — В кн. А. Луначарский «Этюды критические и полемические», М., 1905, стр. 387.

² Там же, стр. 389.

ховцу»¹, стал его оправдывать, украшать благородством, чтобы тот мог «спокойнее и комфортабельнее» погрязать в тине мещанского благополучия. Это касается и героев пьесы «Три сестры».

Луначарскому, как и Воровскому, идеалы сестер, их нравственная красота, их душевная тонкость кажутся третьестепенным качеством. Это только что-то вроде умения красиво одеть словесным нарядом свои обывательские души. А по существу они отличаются от пошлой свояченицы Наташи только «красивыми платьями и лицами». Что роднит их с обывательским болотом? Отсутствие вызова старому миру, стремления идти навстречу новой жизни.

Луначарский видел, что в жизни происходит трагическая борьба с миром пошлости, тунеядства, угнетения человека, что во главе этой борьбы стоит пролетариат, что, следовательно, есть пути выхода из обывательской среды. С досадой он писал:

«Но нам не дают изображения этой трагедии, изображения такого отчаяния, такой смерти и той злобы, того взрыва энергии, которые чувствуешь на таких могилах»².

В период нарастания революции нужна была прежде всего проповедь активности, проповедь борьбы со старым миром, а пьесы Чехова могли истолковываться как поэтическое оправдание интеллигентского прекраснодушия и бездеятельности.

«...Чеховцы льют тихие слезы в «художественном театре» и говорят про себя: «Это мы, это мы такие красивые, утонченные, и мы так гибнем, как цветы от стужи!»³

«Чеховцы ограничиваются оплакиванием своей жизни и, утешенные сознанием своей утонченности, спокойно остаются обывателями».

Протест против чеховской пьесы, связанный с непониманием ее положительных сторон, вызван был не только тем, что свои требования к литературе Луначарский подчинял злободневным событиям освободительной борьбы, но и потому, что он находился под влиянием трактовки «Трех сестер» Художественным театром.

¹ А. Луначарский. К вопросу об искусстве. — В кн. А. Луначарский «Этюды критические и полемические», М., 1905, стр. 387.

² Там же, стр. 389.

³ Там же.

Известно, что этот театр в то время истолковал «Трех сестер» как драму и не увидел в ней насмешки Чехова над бездейственностью, мечтательностью ее героев, элементов комического, не увидел в ней «ноты бодрости». Это предполагало, что зритель после просмотра пьесы должен быть преисполнен сострадания к героям, так как в спектакле МХАТ физическая и духовная гибель личности оправдывалась якобы неумолимым ходом событий, выражающих определенную историческую закономерность.

Известно также, что с таким толкованием пьесы Чехов не был согласен, утверждая, что он «водевиль писал».

Нужно думать, что если бы не театральные постановки такого типа, Луначарский был бы ближе к истине в оценке пьесы. В его работе содержится намек на то, что Чехов не оправдывает безволие своих героев:

«Все персонажи «Трех сестер», на наш взгляд, достойны осмеяния, и пошлая свояченица героиня мало чем пошлее самих пресловутых сестер.

Иной раз придет в голову: «да не сатира ли это? Может быть Чехов хотел написать тонкую сатиру, и вся ошибка его только в чрезмерной ее тонкости? Но мы вспоминаем грустную красоту «Чайки», «небо все в бриллиантах» из финала «Дяди Вани» и видим с грустью, что нет!»¹

Эта догадка Луначарского, правильность которой, к сожалению, он сам отверг, является тонким определением жанровой особенности пьесы. Такое определение было впоследствии выдвинуто В. Ермиловым в его работах о Чехове и утвердилось в советском литературоведении.

Пафос статей о Чехове марксистского критика М. Ольминского (статьи: «Об Овсяннико-Куликовском и А. Чехове» 1900 г. и «Литературные противоречия. О «Трех сестрах А. П. Чехова» 1901 г.²) состоит в борьбе за правильное истолкование творчества Чехова и еще в том, чтобы помочь ему приобрести четкие политические взгляды, партийную определенность мировоззрения, обратить его внимание на изучение конкретных путей достижения того прекрасного будущего, о котором он мечтает.

¹ А. Луначарский. К вопросу об искусстве. — В кн. А. Луначарский «Этюды критические и полемические», М., 1905, стр. 387—388.

² Обе статьи перепечатаны в сб. М. Ольминский «По вопросам литературы», Л., изд. «Прибой», 1926 г.

Первая статья начинается полемикой с либеральным критиком Овсяннико-Куликовским, который с удовлетворением отмечает присутствие в творчестве Чехова идеала. В условиях все обостряющейся классовой борьбы и нарастающей активности революционного движения Ольминский считает, что этого недостаточно. Теперь мало проповедовать идеалы вообще, нужно изображать идеалы «определенного содержания», нужна четкость политической позиции. Жизнь и законы реалистического искусства, которое призвано с возможно большей глубиной и правдивостью отражать процессы и закономерности действительности, требует этого.

«В русской литературе вопросу об идеале скоро сто лет... Щедрин написал целых двенадцать томов, детально и на все лады выясняя роль идеала и его антитезы — бессознательности.

Преемникам Щедрина в русской литературе предстоит толковать не о служении идеалу вообще, а ратовать за проведение в жизнь идеалов определенного содержания»¹.

С этой стороны творчество Чехова не удовлетворяет Ольминского.

У Чехова есть идеалы. Но каково же их содержание?

В повести «В овраге» Чехов изображает картину зла, отрицательные стороны жизни, но причины зла, говорит Ольминский, не показывает. Отсюда — неясность представлений о способах изменения жизни, которые эта повесть вызывает.

«Зло очевидно, но представления, вызываемые проходящими перед глазами действиями, могут быть самые разнообразные и даже взаимно исключающие друг друга, в зависимости от миросозерцания читателя.

Перед глазами одного мелькнет проповедник в священническом облачении, сопровождаемый или несопровождаемый становым приставом; перед глазами другого — земский начальник, освобожденный от всех стеснений закона; перед глазами третьего — легион сыщиков, но не безграмотных, как Анисим, а сыщиков — с университетскими значками на груди и благородством во взорах; перед глазами четвертого — помещик доброго старого време-

¹ М. Ольминский. По вопросам литературы Л., 1926, стр. 41.

ни»¹ и т. д. Ольминский перечисляет программы борьбы «со злом, с нищетой, темнотой, забитостью народа, провозглашавшиеся различными течениями общественной мысли: консерваторами, либералами, легальными марксистами и марксистами подлинными.

Ни одну из этих программ Чехов не проповедует. «При чтении повести так и кажется, что автор при отделке ее старательно вытравлял все, что носит характер определенности во взглядах на общественные формы».² У Чехова нет идеала «определенного содержания», он не указывает дороги, ведущей «вон из оврага»³. Говоря о том, что Чехов не примыкает ни к одному из вышеуказанных течений, каждое из которых имеет четкие взгляды на «общественные формы», Ольминский порицает Чехова за налет аполитизма, свойственный общедемократическому течению.

Вместе с тем критик видит ценность произведений Чехова в том, что они толкают к размышлению о смысле жизни, дают правдивое изображение действительности.

Ольминский не останавливается на такой оценке Чехова, он рассматривает его творчество в эволюции. Поводом к этому послужила пьеса Чехова «Три сестры».

Оценивая «Три сестры», Ольминский вступает в полемику с либеральным критиком Андреевичем, который объявлял Чехова поэтом тоски и неверия, говорил, что призыва к борьбе у Чехова нет, ощущение ненужности, бесцельности жизни сквозит в каждом его рассказе.

Ольминский полемизирует и с Художественным театром; критик пишет, что в спектакле «Три сестры», созданном Художественным театром — «обилие томительных, надрывающих, истеричных сцен», «талантливая труппа все четыре акта непрерывно плачет»⁴.

Ольминский увидел в пьесе Чехова стремление ее действующих лиц к идеалу и жажду жизни, жажду героического служения будущему, то есть отметил то в «трех сестрах», мимо чего прошли не только Воровский, Луначарский, но даже Горький.

¹ М. Ольминский. По вопросам литературы, Л., 1926, стр. 48.

² Там же, стр. 50.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 53.

Главный смысл пьесы, по мнению Ольминского, таков: «Устами «третьей сестры»¹ автор заявляет, что никакими наркотиками не спасешься, и что единственный исход — отыскание или, по крайней мере, искание смысла жизни...

В последних словах Ольги слышится какой-то особенный трепет, точно вот-вот явится на свет эта, столь жадно искомая истина, которая минуту назад казалась недоступной»².

Ольминский, как и Воровский, невысоко расценивает идеалы сестер, их мечты о счастье, любви, самоотверженном труде. В современных условиях любовь часто оборачивается пошлой прозой жизни. Примеры этого, считает Ольминский, Чехов дает в пьесе, показывая семейную жизнь Машин и Андрея. Мечты Ирины о труде — это своего рода наркотик, которым она стремится заглушить тоску. Единственный выход — в поиске идеала и в героическом служении идеалу, будущему.

Ольминский думает, что Чехов понял это, и пьеса «Три сестры» свидетельствует о восхождении Чехова на новую, высшую ступень в развитии его творчества и мировоззрения. Вся пьеса представляет собой призыв к героическому служению светлomu и радостному будущему.

«Не бойтесь страданий, выпадающих на долю борцов за идеал. Вот вам спокойная на вид жизнь Прозоровых, — но она хуже всей каторги и лишена даже единственного утешения, — сознания, что эти страдания не бессмысленны. Зато сколько света и радости в том будущем»³, о котором говорят Тузенбах и Вершинин. Так Ольминский раскрывает в творчестве Чехова еще одну ноту — ноту героизма.

¹ Ольминский имеет в виду слова Ольги в финале пьесы: «Музыка играет так весело, бодро и хочется жить! О боже мой. Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь. О, милые сестры, жизнь наша еще не кончена. Будем жить. Музыка играет так весело, так радостно и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!»

² М. Ольминский. По вопросам литературы, Л., 1926, стр. 61.

³ Там же.

Для подобной оценки пьесы есть все основания. Красота служения будущему доказывается в пьесе не только, так сказать, негативным способом — изображением томительно бедной жизни сестер. Именно такое воздействие пьесы на читателя отмечает Ольминский. Но в пьесе есть подход к прямому изображению прекрасного, как героического служения идеалу. Ирина, с первых страниц пьесы входящая в сознание читателя, как прелестная, поэтическая девушка, охваченная стремлением обрести труд, исполненный поэзии и мысли, в конце пьесы становится народной учительницей. Теперь она ясно понимает, что труд, исполненный поэзии и мысли, это труд на благо народа. И если мало этого труда, то она готова отдать свою жизнь «тем, кому она, может быть, нужна».

Эволюция в творчестве Чехова, пишет Ольминский, происходит под воздействием тех огромных сдвигов в обществе, которые проявлялись по мере нарастания революции. Сестры Прозоровы — это «олицетворение общества, подвергшегося ломке со стороны быстро изменяющихся условий жизни»¹. «... Вдруг жажда жизни (еще не сознательные жизненные силы общества) делает свое и глаза открываются»², герои Чехова стремятся найти смысл жизни.

Но как ни высоко расценивал Ольминский содержание пьесы Чехова, чеховскую проповедь искания идеала и героического служения ему, понятно, он во многом не мог согласиться с Чеховым.

Если Чехов, «символизируя в сестрах все русское общество... говорит еще только о возможности открыть смысл жизни, то он, следовательно, признает неудовлетворительными все уже найденные, или признаваемые за таковые. — смыслы. Точно ли все идеалы, которые освещают жизненный путь идейных людей нашего времени, заслуживают такого пренебрежения?»

С этим Ольминский, марксист, соратник В. И. Ленина, не мог согласиться. Естественно для Ольминского убеждение, что социалистический идеал и борьба за него — путь, ведущий к светлому будущему.

Пафос статей о Чехове Воровского, Луначарского, Оль-

¹ М. Ольминский. По вопросам литературы, Л., 1926, стр. 60.

² Там же, стр. 61.

минского состоит в том, что они, признавая наличие демократического мировоззрения в творчестве Чехова, указывали на его ограниченность по сравнению с целями и задачами пролетарской революции. Положительное содержание идеалов чеховской интеллигенции отвергается ими на том основании, что в условиях обострившейся общественной борьбы эти идеалы могли увести в сторону от главной задачи эпохи — революционного переворота жизни. Нужно учитывать, что этот недостаток в оценке Чехова был порожден условиями времени. В общем же, оценка Чехова марксистской критикой является ценным вкладом в единственно правильное освещение творчества этого писателя, как выразителя настроений демократических масс со всею свойственной этим массам ограниченностью, недостаточно развитым политическим сознанием, незнанием конкретных путей достижения счастья народа.

* * *

Критика в 90-е и 900-е годы видела оригинальность, новаторство творческой манеры Чехова и пыталась определить особенности его художественного своеобразия. Но выяснению подлинного лица Чехова-художника буржуазной и либерально-народнической критике и тут мешало то, что к творчеству писателя она обращалась не столько для объективного определения его новаторства, его художественных особенностей, сколько для подкрепления своих субъективистских концепций развития русского искусства. Поэтому одни указывали на творчество Чехова, как на пример якобы упадка, старого реализма, другие причисляли Чехова к импрессионистам, третьи — к символистам.

Марксистская критика отстаивала взгляд на Чехова как на писателя-реалиста, который в новых общественных условиях продолжал традиции реалистической литературы.

Особенно много в этом отношении сделал Горький.

В статье о повести «В овраге» Горький видит силу таланта Чехова прежде всего в беспощадно правдивом изображении жизни.

«В рассказах Чехова нет ничего такого, чего бы не было в действительности. Страшная сила его таланта именно в том, что он никогда ничего не выдумывает от себя, не изоб-

ражает того, «чего нет на свете», но что, быть может, и хорошо, может быть и желательно. Он никогда не прикрашивает людей...»¹

Но, конечно, Горький видит, что творчество Чехова не сводится к простому правдоподобию в описании жизни. Он ценит Чехова за то, что тот поднимается до степени глубоких социальных обобщений. И эту сторону творчества Чехова Горький в статье и в письмах особенно подчеркивает. Еще в письме 1898 г. он писал Чехову:

«Говорят, напр., что «Дядя Ваня» и «Чайка» — новый род драматического искусства, в котором реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа. Я нахожу, что это очень верно говорят. Слушая вашу пьесу, думал я о жизни, принесенной в жертву идолу, о вторжении красоты в нищенскую жизнь людей, и о многом другом, коренном и важном. Другие драмы не отвлекают человека от реальности до философских обобщений — Ваши делают это»².

Термин «символ» Горький употребляет здесь в реалистическом значении, имея в виду образ, насыщенный огромным социально-философским обобщением. В обычный для символистской критики термин он вкладывает совершенно иное, чем символисты, содержание, отставив Чехова-реалиста от ложных толкований его творчества декадентами.

Создавать реалистические образы-символы Чехову помогает особый художественный прием, который теперь советские литературоведы называют «подводным течением» и который Горький в статье о Чехове определяет как сочетание «объективизма» с глубоко человеческим авторским отношением к людям, к изображаемым событиям. Образец того, как подводное течение поднимает обыденные факты до философских обобщений, Горький приводит, описывая Чехову свое впечатление, полученное от пьесы «Дядя Ваня».

«В последнем акте «Вани», когда доктор, после долгой паузы, говорит о жаре в Африке, — я задрожал от восхищения пред Вашим талантом и от страха за людей, за на-

¹ М. Горький. О литературе. М., «Сов. писатель», 1953, стр. 28

² М. Горький. Собрание соч., т. 28, стр. 52.

шу бесцветную, нищенскую жизнь. Как Вы здорово ударили тут по душе и как метко!»¹

Намеком, паузой, казалось бы, посторонней к сюжетному ходу деталью Чехов вскрывает глубину своего замысла, обыденному придает значительный смысл.

Помимо этих качеств, Горький в статье отмечает изумительную простоту и сжатость произведений Чехова. В повести «В овраге» «содержания гораздо больше, чем слов». «Чехов, как стилист, единственный из художников нашего времени, в высокой степени усвоивший искусство писать так, «чтобы словам было тесно, мыслям — просторно»².

Реалистическую основу чеховских образов-символов видит и Ольминский.

В статьях о Чехове он задался целью показать особенности новаторства Чехова. По мнению критика, Чехов оригинален, и оригинальность его состоит в том, что к этому писателю «реалистическая мерка не приложима»³. Ольминский вообще считает, что «не важно, как мы назовем чеховскую манеру писать: неореалистической, или символической, или лирической, или специфически-чеховской. Это будет спор о словах»⁴. Важно не приклеивать к нему ярлык, а действительно показать оригинальность и новаторство, свойственные этому писателю. И Ольминский, в конце концов, приходит к выводу, что Чехов реалист, хотя прямо реалистом он его не называет.

Для Ольминского образцом реалистического искусства являются произведения тех «беллетристов-реалистов», которые «употребляли все усилия, чтобы сделать ясными малейшие изгибы души своих персонажей. Как бы предвосхищая развившееся позднее учение о наследственности, наши романисты 40-х годов доходили чуть не до седьмого колена предков своего героя. Этот прием кажется теперь излишней крайностью, но на самом деле указанные писатели исходили из правильно понятого принципа всякого психологического (в том числе и художественно-психологического) исследования волевых актов. Психологическое

¹ М. Горький. Письмо А. П. Чехову. Ноябрь, 1898 г. — Собр. соч., т. 28, стр. 46.

² М. Горький. О литературе. М., «Сов. писатель», 1953, стр. 27.

³ М. Ольминский. По вопросам литературы, Л., 1926, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 51.

понимание волевого акта основывается на возможности подметить и шаг за шагом проследить ход развития индивидуума до самого момента его действия. Это, конечно, идеал, к достижению которого можно только приближаться в большей или меньшей степени¹.

Чехов не показывает так детально среду, не прослеживает цепь поступков героев. Его повесть «В овраге» напоминает хронику происшествий.

Ольминский близко подходит к определению особенностей чеховского сюжета не как последовательного изображения непрерывной цепи событий, а как описания только наиболее важных, так сказать, всякий раз кульминационных событий в жизни людей. Но по достоинству этой новаторской черты Чехова Ольминский не оценил. Ему кажется, что «повесть нарушает принципы, установленные эстетикой»², а она нарушает лишь некоторые традиции, установленные образцами реалистических произведений XIX века, традиции, которым суждено было в творчестве Чехова развиваться, видоизменяться.

Если «старый реалистический роман» всегда был «с определенным общественным мировоззрением»³, то повесть «В овраге», как уже говорилось выше, по мнению Ольминского, таким мировоззрением не обладает. Она вызывает такие же неопределенные ассоциации, как, скажем, музыка.

«Может быть, оригинальность Чехова в том именно и состоит, что он сблизил две категории искусства, дотоле резко обособленные, и этим увеличил число способов эстетического наслаждения»⁴.

Очевидно здесь имеется в виду способность Чехова тонко передавать настроения своих героев и внушать читателю определенное настроение, правильно подмечается лиризм Чехова.

Ставя Чехова ниже реалистов XIX века, произведения которых были для Ольминского идеалом художественного творчества, критик, тем не менее, в новаторстве Чехова видит его силу.

Уже говорилось, что Ольминский образы чеховских трех

¹ М. Ольминский. По вопросам литературы, Л., 1926, стр. 49.

² Там же, стр. 50.

³ Там же, стр. 51.

⁴ Там же, стр. 50.

сестер понимает как символы русского общества, но символы реалистические, имеющие глубокий социально-философский смысл. В этой оценке художественной силы чеховских пьес он сходил с Горьким, так же как и Горький, отстаивая реализм Чехова от нападок буржуазно-либеральной критики.

Для Воровского Чехов также реалист, продолжатель критического реализма. И в то же время он новатор, потому что еще более усиливает критическое отношение к жизни. Он — «строгий реалист», «с какой-то жестокой правдивостью» рисующий действительность. Новаторство его сказалось не только в этом особом подходе к жизни, но также и в создании новой формы короткого рассказа, в создании своеобразной по форме драмы.

Луначарский называл Чехова импрессионистом, но раскрывал этот термин как способность писателя найти один-два штриха, чрезвычайно характерных, и при помощи их воссоздать целую картину жизни. И в статьях Луначарского Чехов — писатель, обладающий огромным талантом реалистического изображения жизни.

В 1903 г. А. Луначарский пишет рецензию на книгу Волжского «Очерки о Чехове». Волжский давал характеристику Чехова в духе декадентской и либерально-народнической критики. В книге «доказывалось», что идеалы Чехова и его героев оторваны от действительности, так как в жизни есть только пошлость и обыденщина и нет ничего прекрасного и героического. Луначарский решительно выступает против идеалистического, декадентского истолкования творчества Чехова, заявляя о том, что его идеалы основаны на почве наблюдения в реальной действительности элементов прекрасного и высоконравственного.

«И ведь добро бы идеалы Чехова... — пишет Луначарский, — не носили на себе следов действительности, граничили бы с наивнейшими грезами духовидцев: так нет! — «где-то на этом свете есть ж и з н ь чистая, благородная, теплая, изящная, полная ласк, любви, веселья и раздолья», — вот мечта чеховских героев. Неужто это недостижимо?»¹

Работы марксистских критиков о Чехове, связанные с

¹ А. Луначарский. Рец. на кн. Волжского «Очерки о Чехове». — «Образование», 1903, № 9, стр. 89.

основном с эпохой первой русской революции, имели конечной своей целью пропаганду все более активного участия широких демократических масс в освободительном движении. И в то же время в них дана в общем высокая, объективная оценка творчества Чехова.

Однако, несмотря на высокую оценку Чехова, марксистские критики высказали в адрес его немало критических замечаний. В основном осуждались недостатки мировоззрения. Но отсюда вытекала и неудовлетворенность реалистическим методом Чехова, благодаря которому он, почти с научной точностью разоблачая пороки буржуазно-помещичьей действительности, не мог уловить ростков нового, дать непосредственного изображения надвигающейся бури.

Как достоинства Чехова, так и недостатки его мировоззрения и метода наиболее глубоко понял Горький, потому что на своем собственном творчестве в начале 900-х годов он ощущал и ценность наследия критических реалистов и недостаточность, неполное соответствие его принципов новым условиям жизни.

В статье о повести «В овраге», желая защитить Чехова от нападок и неправильных истолкований (неоднократно в письмах того времени он говорил, что Чехова не понимают), Горький отмечает в творчестве этого замечательного писателя те черты, которые он приемлет, которым, по его мнению, принадлежит будущее, черты, в некоторой степени роднящие творчество Чехова с творчеством самого Горького.

Вс. Н. ИВАНОВ

О ЧЕХОВЕ

(Из заметок писателя)

Что сказать о Чехове?

Сказать нужно коротко: Чехов огромен, как воздух, которым мы дышим, как море, омывающее землю.

Чехов определял море как «большое».

И Чехов тоже — большой.

На фарфоре китайской вазы мы видим веточку цветущей яблони, а в ней — вся весна. Как бы найти такие же скупые слова, чтобы определить всего Чехова?

Писали, говорили: «Чехов — нытик. Интеллигент. Певец серых людей. Даже — ненужных людей. Даже — «Чехов умрет под забором».

А вот черточка: возвращаясь с Дальнего Востока после Сахалина, идя на пароходе через жаркий Индийский океан, Чехов купался так: прыгал с борта парохода на ходу в воду, с носа, плыл, хватался за длинный канат, спущенный с кормы, взбирался на палубу.

И это — «певец серых людей»? — Не верится!

Всю жизнь со мной Чехов. Вечер, зима 1901 года. Отец читает нам, ребятам, святочный рассказ Чехова «Сапожник и нечистая сила» — смешной и грустный. И последние строки до сих пор звучат у меня в ушах отцовским голосом.

— В жизни нет ничего такого, за что бы можно было отдать нечистому хотя бы малую часть своей души.

Масленица, 1904 год. Я — гимназист 6-го класса, завзятый театрал. Накопив уроками денег, из Костромы

еду в Москву — специально посмотреть Художественный театр. Смотрю четвертое представление «Вишневого сада»: — «О моя юность, о моя свежесть!» Я, мальчик, в то время увидел в этой чудесной комедии, как разрешается огромный социальный конфликт, как уходит в прошлое вишневый сад старого, уступая свое место великому новому. — Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы! — звенел голос Пети Трофимова. — Надо только работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину.

И тенору Пети вторил энергичный баритон: «Я думаю иногда: — Господи! Ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты и, живя тут, мы сами должны бы, по-настоящему, быть великанами».

То были ранние зори того дня, который взошел над нашей страной сегодня.

Лето 1904 года. Живем в деревне. Приезжает отец из города, разворачиваю «Русское Слово»:

— Умер Чехов. Тело доставлено в Москву в товарном вагоне с надписью мелом: «Устрицы».

Лето 1909 года. Я и еще трое товарищей, студенты немецкого университета в Гейдельберге, едем в Баденвейлер, курорт, где скончался Чехов ровно пять лет тому назад. Раннее утро, в парке прохладно, немецкая чистота, шумные в ветре липы. Скамейка Чехова, где он любил сидеть, глядя на синий, такой мирный тогда Рейн, на широкую долину.

За скамейкой гранитная колонка, на ней бронзовый бюст Чехова — поставили «художествешники», по-теперешнему — МХАТ. Кладем к подножию чудесный огромный венок из белых роз, садимся, молчим и смотрим. Потом один из товарищей достает из кармана несколько писем из России, присланных к этому дню, читаем их вслух: докладываем Чехову, как его любят, чтут, читают там, дома. Одно письмо, самое трогательное, было из Сибири.

Утренняя свежесть, тишина, мир, пенье птиц, чудесно пахнут розы...

* * *

И, наконец, последняя черточка, что вдохновенно открывает нам глаза на главное содержание уже наших громокипящих дней. Старый профессор, Николай Степа-

ныч, в повести «Скучная история» так дает определение того, что такое наука:

— Испуская последний вздох, — говорит он, — я все-таки буду верить, что наука — самое важное, самое прекрасное и самое нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви и что только одною ею победит человек природу и себя...

Никто в мировой литературе не говорил еще так о науке, как сказал Чехов.

Как сказал Чехов — земский врач, общественный деятель, воспитанник Московского университета, скромный русский писатель.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА А. И. КУПРИНА К А. П. ЧЕХОВУ

Вопрос о литературных и личных взаимоотношениях А. П. Чехова и А. И. Куприна — это можно сказать без всяких преувеличений — принадлежит к числу наименее исследованных в нашем литературоведении. До сих пор, например, мы не располагаем данными, с документальной точностью устанавливающими, когда именно и при каких обстоятельствах произошла первая встреча Куприна с Чеховым и завязалось их личное знакомство, быстро переросшее в крепкую и искреннюю дружбу между ними.

Сам Куприн незадолго до своей смерти писал в воспоминаниях, что в конце девяностых годов он был «в гостях у Чехова», где впервые увидел также и Горького, и тут же признавался: «точной даты не помню». Из сопоставления различных фактов можно только предположительно сказать то, что это событие произошло в марте — апреле 1899 года. Никаких упоминаний на этот счет в переписке Чехова или Горького не имеется.

В сущности, совершенно не изучена важная проблема творческих взаимосвязей этих двух больших писателей-современников, в частности, вопрос о воздействии Чехова на художественную практику Куприна. А между тем, это влияние, несомненно, было и продолжительным и благотворным, на что указывал еще В. Воровский и что подтверждал Куприн, справедливо считавший себя учеником Чехова и являвшийся одним из продолжателей его демократических свободолобивых и гуманистических традиций.

Глубокая любовь Куприна к Чехову, его благоговение перед гениальными творениями и самой личностью великого писателя, на редкость чуткого, отзывчивого и по-настоя-

цему человеческого, нашли свое выражение в известных купринских воспоминаниях «Памяти Чехова», которые так высоко ценил М. Горький.

Прочность взаимных связей и глубина товарищеских чувств дружбы между ними закреплена также в переписке Чехова и Куприна, начатой в мае 1901 года по почину Куприна и длившейся в течение трех лет, вплоть до смерти Чехова. То, что затронуто в письмах Чехова и Куприна, выходит далеко за пределы только их личных взаимоотношений: переписка между ними представляет большой историко-литературный и общественный интерес. Однако до сего времени далеко не все из этой переписки обнародовано. Правда, сохранившиеся 9 писем Чехова к Куприну были опубликованы в двадцатитомном Полном собрании сочинений Чехова, но купринские письма, адресованные Чехову, не появлялись в печати в их законченном виде (в разных изданиях приводились лишь небольшие выдержки из отдельных писем Куприна).

В архиве Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в фондах Чехова, имеются 19 писем к нему Куприна. Необходимость их публикации, особенно в связи с исполняющимся столетием со дня рождения Чехова, совершенно очевидна.

Ниже дается полный текст писем Куприна к Чехову. Письма расположены в хронологическом порядке. В квадратные скобки заключены слова или части слов, отсутствующие в оригинале. Нами внесены некоторые уточнения в авторскую пунктуацию. Необходимые пояснения даются в конце каждого письма.

I

1901 [середина мая, Ялта]

Многоуважаемый Антон Павлович!

Оказалось, что Вы уехали совсем не во время: погода стала прекрасной, ветра нет, а в воде утром 14 — 15°, а вечером 16—17° R. Про воду я собственно к тому, что начал сегодня купаться и купался до головной боли¹.

Четверть часа тому назад я встретил на набережной ар-

хитектора Секавина, к[ото]рый, помните, доезжал Вас целые три часа. Он, правда, мой старый знакомый, т. е. мы были знакомы мальчиками, когда мне было лет 15, а ему 20. Я его спросил, зачем он к Вам тогда приходил. Он очень обрадовался и снова рассказал мне эту идиотскую историю. Но как я ни старался ему объяснить нелепость его поступка (даже прибегал к разным сравнениям), он остался непоколебим. «У нас только и есть в России два либеральные писатели — Чехов и Потапенко², которые не боятся высказать правду в глаза печатно». Жена у него удивительно, до смешного похожа на него, а сын — бледный мальчишка с разинутым ртом и оттопыренными ушами.

Может быть Вы хотите знать ялтинские новости? Альтшулер³ уезжает в Америку, а мать дьяконница в Петербург. Она теперь все жалуется, что ее никто не понимает, а она «то есть это теперь должна скрывать в себе некоторые идеальные чувства», а если и полюбит, то «мужчину непременно инергического, то есть который мужчина полный инергии». Из этого видно, что наши розовые планы окончательно разрушены. Людмила Сергеевна Кулакова тоже уехала к себе в имение, потому что воротился ее муж. Она в последнее время все ко мне приставала: как о ней думает Антон Павлович и какой он ее находит. Грешный человек — каюсь — я от Вашего имени наговорил ей такую бездну лестных вещей, что она и ко мне стала гораздо благосклоннее⁴.

У нас устраивается спектакль, где и я приму участие, в роли Чубукова в «Предложении»⁵. И спрашиваю издали Вашего благословения. Кстати о театре. Не поленитесь. Антон Павлович, написать мне, с убеждением ли советовали Вы мне поступить в Художественный театр? Заранее говорю (может быть, это Вам немного и не понравится), что как Вы положите, так я и сделаю. В этом смысле и по отношению только к Вам я похож на тех курсисток, которые приставали к Горькому с вопросами — «учитель, как нам жить?» Не сердитесь на меня за это.

Если Вы меня почтете ответом (адресовав его на дачу), это будет для меня праздник. Время от времени я захожу к Вам. Евгения Яковлевна работает, а я раскладываю пасьянс.

И, пожалуйста, не бойтесь, что, получив от Вас несколько строчек, я начну осаждать Вас письмами. Я знаю, как Вы заняты.

Ваш всегдашний слуга А. Куприн.

Р. С. Благодарю Вас за пьесы, а особенно за надпись на них.

Г. Чехов выехал из Ялты 9-го мая и прибыл в Москву 11-го. Через десять дней, 21-го мая, М. П. Чехова писала брату: «В Ялте уже начали купаться» (М. П. Чехова. Письма к брату А. П. Чехову, М., 1954, стр. 180). Слова Куприна о том, что он «начал сегодня купаться», в сопоставлении с письмом М. П. Чеховой, помогают уточнить дату публикуемого письма Куприна: оно могло быть написано не ранее 11-го и не позднее 21-го мая 1901 года. В письме к сестре от 20-го мая Чехов сделал приписку: «А. И. Куприну поклон низжайший» (А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем, т. 19, стр. 88). Можно предположить, что к этому числу Чехов уже получил ялтинское письмо Куприна. Ответ Чехова на это письмо неизвестен.

² В своих воспоминаниях «Памяти Чехова» (1904) Куприн следующим образом писал о возмутительном и бесцеремонном поступке архитектора Секавина, который «целых три часа доезжал» Чехова своими нелепыми просьбами и рассказом об «идиотской истории», происшедшей с его сыном:

«Помню я один случай, поразительный, почти анекдотически невероятный по тому огромному запасу пошлости и неделикатности, который обнаружило лицо артистического как будто бы звания.

Было хорошее, но жаркое, безветренное летнее утро. А[нтон] П[авлович] чувствовал себя на редкость в легком, живом и беспечном настроении. И вот появляется, точно с неба, толстый господин (оказавшийся впоследствии архитектором), посылает Чехову свою визитную карточку и просит свидания. А[нтон] П[авлович] принимает его. Архитектор входит, знакомится и, не обращая никакого внимания на плакат: «Просят не курить», не спрашивая позволения, закуривает вонючую огромную рижскую сигару. Затем, отвесив, как неизбежный долг, несколько будыжных комплиментов хозяину, он приступает к приведшему его делу.

Дело же заключается в том, что сынок архитектора, гимназист третьего класса, бежал на днях по улице и, по свойственной мальчикам привычке, хватался за все, что попадалось: за фонари, тумбы, заборы. В конце концов он напоролся рукой на колючую проволоку и сильно одарапал ладонь. «Так вот, видите ли, глубокоуважаемый А. П., — заключил свой рассказ архитектор, — я бы очень просил вас напечатать об этом в корреспонденции. Хорошо, что Коля ободрал только ладонь, но ведь это — случай! Он мог бы задеть какую-нибудь важную артерию — и что бы тогда вышло?» — «Да, все это очень прискорбно, — ответил Чехов, — но, к сожалению, я ничем не могу вам помочь. Я не пишу, да никогда и не писал корреспонденций. Я пишу только рассказы». — «Тем лучше, тем лучше! Вставьте это в рассказ, — обрадовался архитектор. — Пропечатайте этого домовладельца с полной фамилией. Можете даже и мою фамилию,

поставить, я и на это согласен... Или нет... все-таки лучше мою фамилию не целиком, а просто поставьте литеру: господин С. Так, пожалуйста... А то ведь у нас только и осталось теперь два настоящих либеральных писателя — вы и господин П». (И тут архитектор называл имя одного известного литературного закройщика).

Я не сумел передать и сотой доли тех ужасающих пошлостей, которые наговорил оскорбленный в родительских чувствах архитектор, потому что за время своего визита он успел докурить сигару до конца и потом долго приходилось проветривать кабинет от ее зловонного дыма. Но едва он, наконец, удалился, А. П. вышел в сад совершенно расстроенный, с красными пятнами на щеках. Голос у него дрожал, когда он обратился с упреком к своей сестре Марии Павловне и к сидевшему с ней на скамейке знакомому:

— Господа, неужели вы не могли забавить меня от этого человека? Прислали бы сказать, что меня зовут куда-нибудь. Он же меня измучил!»

(См. сб. «Чехов в воспоминаниях современников», издание второе, Гослитиздат, М., 1954, стр. 507 — 508).

«Известным литературным закройщиком» Куприн называет *Потапенко* Игнатия Николаевича (1856—1929), плодовитого буржуазно-либерального писателя, находившегося в многолетних дружеских отношениях с Чеховым.

³ *Альциулер* Исаак Наумович (1870—1943) — земский врач Ялтинского уезда, лечивший Чехова и Л. Н. Толстого (с осени 1901 г.).

⁴ Упоминаемые здесь «мать дьяконица» (вероятно, ялтинская домовладелица С. П. Бонье, с которой у Куприна установились шуточные отношения) и Л. С. Кулакова — знакомые Чехова и Куприна по Ялте.

⁵ «Предложение» — водевиль Чехова (1889); в спектакле, состоявшемся в начале июня в Ялте, Куприн исполнил роль Чубукова.

II

1901 [начало декабря, Петербург]

Многоуважаемый Антон Павлович!

Приехав осенью в Москву, я хотел было, по Вашему совету, попробовать поступить в Художественный театр, но когда увидел, сколько туда нахлынуло к этому времени особ обоего пола, жаждущих того же самого, то сконфузился и испугался своей смелости. Нечто подобное я видел только один раз в своей жизни — именно на экзамене в Академию генерального штаба, где на 60 вакансий явилось около 1000 человек.

Зато я основательно смотрел и слушал три Ваши пьесы¹. Я их так люблю и так в них вчитался, что на сцене Художественного театра они меня совсем не удовлетворили. Я и в самом деле думал, что у них идет реформа сцениче-

ского искусства, а реформа эта, оказывается, коснулась только чисто внешней стороны, декоративной. Правда, в этом много сделано прекрасного: столовая в III действии] «Чайки» поставлена до того хорошо, что при поднятии занавеса внезапно чувствуешь, как будто ты сам в ней сидишь. В последнем действии в «Дяде Ване» стук уезжающих экипажей, а в «Трех сестрах» пожар за сценой — великолепны^{а)}. И многое другое. Но и здесь кое-где есть пересол. Так, например, в «Чайке» суматоха при отъезде Нины, Аркадиной] и Тригорина в дверях до того преувеличена, что производит водевильное впечатление. Паузы в последнем] акте «Дяди Вани» слишком длинные: даже выдержанная и выдрессированная публика Художественного] театра начинает кашлять и двигаться на стульях; в «Чайке» (в I д.) артисты без всякой нужды предоставляют публике удовольствие любоваться ракурсами их спин в сидячем, ходячем и стоячем положении. (Мне кажется, что в этом можно наблюдать некоторую умеренность, вовсе не стесняя свободу актера двигаться, как ему угодно, по сцене). И так далее.

Совершенно неправильно ходячее мнение, будто режиссерская власть Художественного] театра, повышая игру маленьких актеров и кладя узду на больших, стремится дать общее, среднее, равное впечатление. Талант все-таки выделяет роль из общего фона. Астров-Станиславский прямо удивителен (хотя, замечу в скобках, в его манере держаться на сцене есть что-то явно хозяйское, что я почти в такой же мере наблюдал у другого властного администратора—Н. Н. Соловцова, артиста и человека несравненно менее культурного, чем Станиславский)². О. Л. Книппер в «Чайке» превосходит все, что можно требовать и ожидать от артиста. Москвин из маленькой роли артиллерийского офицера делает чудо: именно такой милый, веселый, картавый подпоручик есть во всякой артиллерийской бригаде. Очень хорош Соленьий.

Но самое-то главное в том, что прославленная реформа совсем не коснулась среднего и маленького актеров. Вид-

^{а)} Что, например, за прелесть они сделали из офицера академика, который только показывается на сцене, не говоря ни слова!

но, что они стараются, дай им бог доброго здоровья; я готов верить и тому, что на репетициях для них чертят мелом на полу кружки, куда становиться ногами. Но, в конце концов, они остались теми же актерами, каких много и на сцене импер[аторских] театров, и в Харькове, и в Проскурове. Та же актерская читка, с неправильными делениями фраз: «пришел, человек, увидел и (пауза) погубил ее как эту чайку», с полным отсутствием простоты в интонациях, с неожиданными актерскими вздохами в сторону и напыщенным и неестественным благородством жестов и т. д. И эта шаблонная игра совершенно заменяет собою все попытки новаторов довести сцену до иллюзии настоящей жизни. Для этого, вероятно, нужно, чтобы в каждом актере при таланте Станиславского сидела душа В. И. (Немировича)-Данченко³.

Простите, Антон Павлович, я заболтался и только сейчас вспомнил о главной причине этого письма. Видите ли: мне, кажется, удастся издать книжку моих рассказов (именно тех, что были в толстых журналах). Скажите, очень ли Вы рассердитесь, если на первой странице будет напечатано, что книжка эта посвящена Вам?

Передайте мой сердечный привет Евгении Яковлевне⁴.

Ваш А. Куприн.

Р. S. Мой адрес: Невский просп., д. № 67, кв. 5. — Александр Иванович Куприн.

У нас в Петербурге теперь две горькие новости. Первая то, что на Невском около Филиппова офицер Миллер зарубил саблей студента мед[ико]-хирургической академии Петрова, а другая — образование Религиозного общества под председательством преосвященного Сергия, с благословения обер-прокурора св[ятейшего] Синода и митрополита, и при обязательном участии Мережковского, Розанова, В. С. Миролубова и еще каких-то двух лиц, кажется, из нисусовой пехоты⁵.

А. К.

³ В первой половине ноября 1901 года, находясь в Москве, Куприн смотрел в постановке МХАТа чеховские спектакли: «Чайка», «Дядя Ваня» и «Три сестры». О. Л. Книппер писала Чехову, что 10-го ноября к ней заходили Бунин и Куприн: «последний был в Чайке накануне и изъявлял восторги» (см. «Переписка А. П. Чехова и

О. А. Книппер», М., 1936, т. II, стр. 55). 17-го декабря Чехов писал Книппер: «Получил письмо из Петербурга от Куприна. Хвалит очень тебя, но не в восторге от Худож[ественного] театра» (т. 19, стр. 193). Следовательно, Куприн отправил свое письмо Чехову в первых числах декабря.

² Соловцов Николай Николаевич (1856 — 1902) — драматический актер, в девятностые годы был антрепренером театральной труппы в Киеве.

³ Содержащиеся в этом письме Куприна высказывания о режиссерском засилье и произволе, которые, якобы, царят в Московском Художественном театре, были в ту пору не новыми и весьма распространенными среди интеллигенции, недостаточно знакомой с новаторской теорией и практикой Станиславского-режиссера. Точку зрения Куприна, которую нельзя признать правильной, полностью разделяли тогда многие выдающиеся актеры, такие, как В. Н. Давыдов, М. Г. Савина, В. Ф. Коммиссаржевская и др. Подобное ошибочное мнение бытовало и среди части театральной молодежи. Так, молодой тогда артист Н. Ходотов впоследствии вспоминал, что о театре Станиславского у него вначале «сложилось впечатление как о театре, где режиссерское засилье обезоруживает актерскую индивидуальность» и где «актерская игра превращается в ремесло», потому что в этом театре «индивидуальному творчеству не дают простора»: там актер втиснут «в строгие рамки, установленные режиссером», он лишен «свободы толкования образа».

(См. Н. Н. Ходотов. Близкое — далекое, изд. Academia, М.-Л., 1932, стр. 141).

⁴ Евгения Яковлевна Чехова (1835 — 1919) — мать А. П. Чехова.

⁵ Религиозно-философское общество, возникшее осенью 1901 года в Петербурге, объединяло философов-идеалистов, реакционеров и церковников. Сергий — ректор Петербургской духовной академии, епископ ямбургский. Обер-прокурором Синода был реакционер Победоносцев К. П. (1827 — 1907). Мережковский Д. С. (1865 — 1941) — писатель-декадент и мистик. Розанов В. В. (1856—1919) — реакционный публицист, философ-идеалист, литературный критик. Милюков Виктор Сергеевич (1860 — 1939) — редактор «Журнала для всех», «Нового журнала для всех» и «Ежемесячного журнала», друг М. Горького, Чехова и Куприна. После получения публикуемого выше письма Куприна Чехов писал В. С. Милюкову 17-го декабря 1901 года: «Если б Вы знали, голубчик мой, как я был огорчен! Мне кажется, Вам необходимо уехать из Петербурга теперь же — в Нерви или в Ялту, но уехать. Что у Вас, у хорошего, прямого человека, что у Вас общего с Розановым, с превыспренно хитрейшим Сергием, с сытейшим Мережковским?» (т. 19, стр. 195). Месяцем ранее, в середине ноября 1901 года, М. Горький в письме к В. Поссе с горечью отмечал «тот факт, что по нынешним дням склонность к религии сильно растет и что основателями религиозных [обществ] являются всегда либо проходимцы и мерзавцы, либо безличныя, а то юридические людишки» (М. Горький. Собрание сочинений, т. 28, стр. 199). Таким образом, отношение Горького, Чехова и Куприна к возникавшим в России религиозным обществам было безусловно отрицательным и откровенно враждебным.

1901. 29 дек[абря], [Петербург]

Многоуважаемый Антон Павлович!

Поздравляю Вас с новым годом, и, хотя знаю — Вы не любите общих фраз, но не могу удержаться от обыкновенной читательской фразы, которую произносят, потирая ручки и сладко улыбаясь: «Надеемся, что в этом году Вы порадуете нас новыми прекрасными произведениями Вашего талантливое пера!»

Вы думали, что я поступил в монастырь. А было нечто более необыкновенное. Уехав из Ялты, я попал в лес, в Рязанскую губернию, и 4 месяца занимался там землемерной работой: снимал при помощи инструмента, называемого теодолитом, крестьянские леса — всего урочищ около 100 с самыми удивительными названиями, от которых веет татарской и даже половецкой древностью. Кстати: шатаюсь по деревням, я собрал целую тетрадь идиотизмов рязанского говора. Для любителя они были бы прямо находкой.

Следуя Вашему совету о том, что книжка должна быть издана как можно проще, я ее оставляю без посвящения, хотя — признаюсь — мне всегда была приятной мысль поставить впереди дорогое для меня литературное имя. Впрочем и сама книжка только в проекте и, значит, об этом теперь нечего и говорить.

В Петербурге тепло и дует ветер с моря, такой влажный и тревожный, какой у нас в средней полосе бывает только в начале весны, а здесь это всякий раз, как только чуточку потеплеет. Я езжу все на верхушках конок и говорю Ваше словечко: чудесно! Говорят, что к 8-му февраля готовятся среди молодежи беспорядки. Очень жаль, если все выйдет по прошлогоднему. Кстати об университетских забастовках: в Томске студенты, не вошедшие в число забастовавших (собственно говоря, смешно применять это слово к младенцам, сосущим молоко мудрости из сосцов науки), стали требовать от правительства всевозможных подачек — льгот, стипендий, поощрений на экзаменах и т. п., а на днях дошли до того, что потребовали от администрации университета лошадей, которые их при-

возили бы на лекции и отвозили обратно. Вот люди с широкими вкусами.

Исполняя Ваше желание, я высылаю Вам оттиск рассказа, который пойдет в январской книжке «Мира божьего». Мне бы очень хотелось услышать от Вас два, три веских, хотя бы и жестких слова об этом рассказе¹. Для того, чтобы Вам не разыскивать моего адреса — всего лучше мне писать на редакцию «Журнала для всех», где я — сам не знаю, временно или совсем — делаю разного рода работу.

Вы, Антон Павлович, могли бы мне сделать прекрасный новогодний подарок, прислав что-нибудь Ваше, хотя бы «Три сестры» с автографом. Но я не решаюсь Вас беспокоить лишний раз — у меня и так уже есть Ваши пьесы и том, начинающийся с «Злоумышленника». Обе книжки — в отачных переплетах, и я ими дорожу как настоящими сокровищами.

Прошу передать мой глубокий поклон Евгении Яковлевне.

Ваш А. Куприн.

¹ Куприн послал Чехову оттиск своего рассказа «В цирке», который появился в ж. «Мир божий», 1902, № 1, стр. 124 — 148. На оттиске рассказа — дарственная надпись и дата под ней: «Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову автор. 1902, 8 января, Спб.» (С. Балухатый. Библиотека Чехова, сб. «Чехов и его среда», Л., 1930, стр. 247). 22-го января Чехов сообщил Куприну о том, что его рассказ он «читал А. Н. Толстому» и что эта художественная вещь Толстому «очень понравилась» (т. 19, стр. 229). В письме к О. А. Книппер от 31-го января Чехов так оценил этот рассказ Куприна: «В цирке» — это свободная, наивная, талантливая вещь, притом написанная несомненно знающим человеком» (т. 19, стр. 234).

IV

1902, февраль [Петербург]

Большое спасибо Вам, глубокоуважаемый Антон Павлович, за Ваше милое письмо. Вы, конечно, знаете, как приятно мне было услышать через Вас отзыв А. Н. Толстого о моем произведении. Но, при всем желании, я все-таки не решаюсь послать Льву! Николаевичу! свою книжку. Уж очень много в ней балласту, который может

произвести удручающее впечатление, да и по своей внешности, с этой нелепой женщиной под пальмами на обложке, она имеет слишком уж легкомысленный вид¹. Не лучше ли будет, если я пошлю ему книжку, об издании которой я теперь думаю? Она будет издана просто, солидно, без всяких претензий, и, кроме того, в нее войдут исключительно журнальные рассказы, т. е., по моему мнению, лучшие.

3-го февраля я женился на М. К. Давыдовой и теперь «безумно счастлив!», как говорит мой друг Федоров², произнося это восклицание в нос. Застану ли я Вас в Ялте, если приеду туда в марте или в начале апреля? Мне бы Вас очень, очень хотелось видеть и познакомиться с Вами мою жену.

Именно по случаю женитьбы я оставил занятия в «Журнале для всех», не знаю — на время или навсегда. Виктор Сергеевич [Миролюбов] переживает теперь (впрочем, это между нами) какое-то странное время. Его религиозные наклонности тянут его к Религиозно-философскому обществу, но в этом обществе он находит только одно мракобесие отцов церкви, истерические кривлянья Мережковского и ехидное смирение Розанова, и все это, по-видимому, волнует Виктора Сергеевича и не дает ему того душевного спокойствия, которого он ищет³. Но журнал идет своим чередом, и в этом году подписка обещает быть очень значительной.

Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон Евгении Яковлевне. Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам А. Куприн.

Спб., Преображенская, 34, кв. 2.

¹ Сообщая восторженный отзыв Л. Н. Толстого о рассказе «В цирке», Чехов в письме от 22-го января 1902 года просил Куприна послать Толстому свою книгу рассказов «Миниатюры», изданную Куприным осенью 1897 года в Киеве и содержащую «много балласту». Эту книгу в 1901 году Куприн подарил Чехову со следующей надписью: «Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову с чувством большой робости автор. Одесса, 1901, 13 февраля» (Сб. «Чехов и его среда», стр. 246).

² Федоров Александр Митрофанович (1868 — 1949) — писатель.

³ О религиозно-философских обществах см. примечание 5 к письму II.

Многоуважаемый Антон Павлович!

Не знаю, застанет ли Вас это письмо в Ялте. У меня к Вам большая просьба. Этими месяцами пойдут мои три рассказа в «Русском богатстве», «Мире божьем» и «Журнале для всех»¹. Так вот, мне бы очень хотелось послать Вам номера или верстанные корректуры, чтобы услышать, что Вы о них скажете. Правда, следовало бы это сделать раньше, еще в рукописи, дабы иметь время воспользоваться Вашими указаниями, но, во-первых, боюсь Вас затруднять, во-вторых, помню Ваш совет не бояться ошибок, а писать только побольше, а в-третьих, знаю, что когда учатся ходить, то без шишек на лбу дело не обходится.

Самая свежая литературная новость — это то, что Л. Андреев уже больше не русский писатель, а немецкий. Он, видите ли, заключил с какой-то фирмой условие, по которому все его рассказы появятся сначала по-немецки, а спустя два месяца могут печататься и в русских изданиях. Не понимаю, кому и какой интерес будет в России печатать его, если всегда можно его перевести? Помните, Тургенев сделал нечто подобное, и тотчас же его перевели с французского, и перевели так скверно, что он на другой раз закаялся.

Теперь в Петербурге Федоров. Ставит на императорской сцене «Стихию»². Я от души желаю ему успеха, так как мужчина он прекрасный и душевный, но пьеса мне не нравится, пахнет д'Аннунцио³. Федоров удивительно интересно рассказывает о том, как он ездил на Дальний Восток, как его «трепал тайфун», причем «судно дрейфовало», и как он потерпел крушение. Рассказывает он несравненно лучше, чем пишет, хотя и пишет, надо отдать ему справедливость, все-таки хорошо, а, главное, какой он деятельный, неутомимый!

Жена Вам шлет поклоны и притом самые сердечные. В декабре мы ждем. Я до сих пор помню и никогда, вероятно, в моей жизни не забуду того вечера, когда я заходил прощаться с Вами и как Вы говорили со мною о родах и

прочих подобающих вещах. Я читал где-то, что Додэ называл себя «продавцом счастья», в том смысле, что он умел глубоко проникать в человеческое горе и утешать. К Вам, конечно, не идет это определение, потому что оно, по-французски, манерно и приторно. Но от Вас я ушел тогда успокоенный и ободренный, почти умиленный⁴.

У нас льет дождик, туманы, холод. Жалею я теперь о Крыме, который, помните, мы с Вами видели издали. Получили ли обезьянок и не сломались ли они в дороге?⁵

Ваш А. Куприн.

¹ Здесь речь идет о рассказах Куприна «На покое», «Болото» и «Трус».

² Упоминаемая здесь пьеса А. Фёдорова «Стихия» была впоследствии включена в сборник его драматических произведений: Фёдоров А. М. «Обыкновенная женщина. — Стихия. — Старый дуб. — Бурелом», изд. О. Н. Поповой, 1903, Спб, стр. 328. Эту книгу А. Фёдоров преподнес в дар Чехову 17-го февраля 1903 года. (Сб. «Чехов и его среда», стр. 303). Через пять дней, 22-го февраля, Чехов писал О. А. Книппер: «Получил от Фёдорова том пьес. Между прочим «Стихия». Мне сия пьеса нравится, она в миллион раз талантливее всего Тимковского. Только вот что мне кажется: архитектурские способности есть, хоть отбавляй, а материала, из чего строить, очень мало» (т. 20, стр. 52). Тимковский Николай Иванович (1863—1922) — беллетрист и драматург.

³ Габриэль д' Аннунцио (1863 — 1938) — итальянский писатель-декадент.

⁴ 26-го сентября 1902 года Чехов писал О. А. Книппер из Ялты: «Вчера был у меня Куприн, женатый на Давыдовой («Мир божий»), и говорил, что его жена плачет по несколько раз в день — оттого, что беременна. И совы по ночам кричат, и кажется ей, что она умрет во время родов» (т. 19, стр. 353). Куприн в своих воспоминаниях говорит, что осенью 1902 года, переживая «большую тревогу во время первой беременности горячо любимой жены», он «порядочно докучал Антону Павловичу своей болью» и что Чехов проявлял всегда «тонкое внимание» к его тревоге. Это присущее Чехову бережное внимание к человеку, его готовность и умение «войти душой в чужое горе, утешить, успокоить и ободрить» слышится в адресованном Куприну письме Чехова от 1-го ноября 1902 года: «Скажите Вашей жене, чтобы не беспокоилась, все обойдется благополучно. Роды будут продолжаться часов 20, а потом наступит блаженнейшее состояние, когда она будет улыбаться, а Вам будет хотеться плакать» (т. 19, стр. 369).

Додэ Альфонс (1840 — 1897) — французский писатель.

⁵ 12-го октября 1902 года Чехов выехал из Ялты в Москву (пароходом до Севастополя). Когда он садился на пароход, ему передали небольшую посылку от Куприна, в которой были художественно исполненные фигуры обезьянок. Чехов тогда, по его словам, «едва успел распаковать» посылку и, не разглядев фигурки, оставил их в Ялте.

Вернувшись через полтора месяца, 29-го ноября, из Москвы, Чехов рассмотрел подарок Куприна и нашел его великолепным, о чем он и написал Куприну 1-го декабря (см. т. 19, стр. 377 — 378).

VI

1902, X [Петербург]

Посылаю Вам, многоуважаемый Антон Павлович, вместе с этим письмом корректурный оттиск моего рассказа «На покое», который появится в «Русском богатстве» в ноябрьской книжке¹. Если у Вас хватит досуга и охоты пробежать его, то не откажите в большой милости написать в двух словах: какое он на Вас произвел впечатление, главное — в отрицательном смысле.

Я заходил засвидетельствовать свое глубокое почтение Евгении Яковлевне и Марии Павловне, но застал из них только первую, и был очень рад узнать, что из Ялты Вы уехали здоровы и в бодром настроении². У нас в Петербурге очень много говорят о новом помещении Художественного театра, уверяют, что такого театра нет чуть ли не во всей Европе. Редактор нашего журнала Ф. Д. Батюшков собирается даже в Москву со специальной целью посмотреть его³.

У меня идут переговоры об издании моих рассказов в «Знании». Все теперь зависит от Горького, к которому Пятницкий поедет на днях в Москву⁴. Если дело выгорит, я буду очень счастлив. Я все-таки послушался Вашего совета — посвящения в книжке не будет, как мне этого ни хотелось. Но не теряю надежды сделать это впоследствии.

Жена Вам кланяется. Прошу передать от меня искренний и сердечный привет Ольге Леонардовне [Книппер].

Весь Ваш А. Куприн.

¹ Рассказ Куприна «На покое» напечатан в ж. «Русское богатство», 1902, ноябрь. № 11, отд. I, стр. 5 — 31.

² Чехов выехал из Ялты 12-го и прибыл в Москву 14-го октября.

³ МХАТ переехал в новое помещение в октябре 1902 года. Как пишет в своих воспоминаниях Вл. И. Немирович-Данченко, «25 октября открывался наш новый театр в Камергерском переулке», и в первый вечер шла драма М. Горького «Мещане». Батюшков Федор Дмитриевич (1857 — 1920) — литературовед, критик и публицист, редактор журнала «Мир божий», друг Куприна.

⁴ Издательство «Знание», возглавлявшееся М. Горьким, в конце 1902 года приняло к изданию книгу «Рассказов» Куприна, которая вышла в свет в начале февраля следующего года. Пятницкий Константин Петрович (1864—1938) — директор-распорядитель издательства «Знание».

VII

1902, 6 декабря [Петербург]

Вы меня очень обрадовали, многоуважаемый Антон Павлович, написав, что обезьянки Вам понравились. Мне приятно будет думать, что, благодаря им, Вы, может быть, лишний раз вспомните о человеке, который предан Вам всей душой¹.

Жена очень Вам кланяется. Время ей в середине декабря, но можно ожидать со дня на день. Она к этому готовится спокойно и радостно, но временами на нее находит страх, и тогда она поплакивает. Сегодня ночью она во сне стонала, и я разбудил ее нарочно. Оказывается, ей снилось, будто в редакцию ворвалась какая-то худая, высокая, черная женщина, с огромными, в пол-лица, страшными глазами. У нее были длинные руки, и она все смеялась и мняла жене живот, а когда ее вытолкнули за дверь, то она опять смеялась и грозилла пальцем. Я успокоил жену, но сам не мог заснуть, и вот теперь под утро пишу Вам.

Дела мои литературные так хороши, что боюсь сглазить. «Знание» купило у меня книгу рассказов. Не говорю уже о тех хороших, сравнительно, материальных условиях, — приятно выйти в свет под таким флагом. Кстати, я познакомился с Горьким, — он у нас обедал вместе с Пятницким. Знаете, в нем есть что-то аскетическое, суровое, проповедническое. Все рассказывает о молоканах, о духоборах, о сормовских и ростовских беспорядках, о раскольниках и т. д. И при этом глаза у него смотрят точно не от мира сего. Не совершается ли в нем тот переворот, который толкает многих русских писателей на путь подвижничества, пророчества и чудачества?

Большое впечатление произвело в Петербурге Ваше письмо в Академию². О нем нет разногласия: все единодушно находят его чрезвычайно сдержанным и очень сильным. На днях в одном обществе, где был и Боборыкин, это

письмо читали вслух. Маститый романист, говорят, чувствовал себя при этом не совсем ловко³.

Мне бы очень интересно было, Антон Павлович, чтобы Вы прочитали два моих рассказа: один в дек[аб]рьской книжке «Мира божьего», а другой — в январ[ской] в «Журнале для всех». Если бы позволили, я прислал бы отписки. То, что Вы писали мне о рассказе «Не покое», — очень верно, хотя и прискорбно для меня⁴.

Кое-что, сообразно с Вашим взглядом, я исправил, только этого очень мало и впечатление остается то же.

Был здесь в Петербурге Федоров. Кажется, не повезло ему, бедному, с пьесами в этом году. И это очень жаль. Он такой милый, искренний и пылкий человек и славный товарищ. И особенно меня трогает его глубокая привязанность к Вам.

Знаю, что Вы не любите, но не могу удержаться, чтобы не спросить: не пишете ли чего? Такой праздник, когда Вас читаете!

Ваш А. Куприн.
6 дек[аб]ря

¹ См. примечание 4 к письму V.

² В знак протеста против отмены выборов М. Горького в почетные академики Чехов 25-го августа 1902 года в письме на имя акад. А. Н. Веселовского извещал о том, что он отказывается от звания почетного академика (см. т. 19, стр. 325). Полный текст письма Чехова был впервые опубликован Куприным в 1905 году в его воспоминаниях «Памяти Чехова» (сб. «Знание», книга III, Спб., 1905, стр. 18 — 19).

³ Боборыкин П. Д. (1836 — 1921) — писатель, академик.

⁴ В декабрьском номере ж. «Мир божий» был напечатан рассказ Куприна «Болото», в январском номере «Журнала для всех» за 1903 год — рассказ «Трус». О рассказе «На покое» Чехов писал Куприну 1-го ноября 1902 года: «В этой повести недостатков нет, и если можно не соглашаться, то лишь с особенностями ее некоторыми. Например, героев своих, актеров, Вы трактуете по-старинке, как трактовались они уже лет сто всеми, писавшими о них; ничего нового. Во вторых, в первой главе Вы заняты описанием наружностей — опять-таки по-старинке, описанием, без которого можно обойтись. Пять определенно изображенных наружностей утомляют внимание и в конце концов теряют свою ценность. Бритые актеры похожи друг на друга, как ксендзы, и остаются похожими, как бы старательно Вы их ни изображали. В-третьих, грубоватый тон, излишества в изображении пьяных...» (т. 19, стр. 368 — 369).

VIII

1903, 4 января [Петербург, телеграмма]

Поздравляем новым годом, желаю счастья. 3 января жена родила девочку.

Куприн¹.

¹ Настоящая телеграмма была отправлена в ответ на следующее поздравительное письмо Чехова от 30-го декабря 1902 года, посланное из Ялты: «С новым годом, с новым счастьем, дорогой Александр Иванович, желаю Вам быть здоровым, веселым, бодрым, чтобы потом, так лет через 10—15, новый 1903 вспоминался Вами с удовольствием. Вашей жене передайте от меня сердечный привет, поклон и поздравление. Крепко жму руку» (т. 19, стр. 408).

IX

1903, [первая половина января], [Петербург]

Спасибо Вам, многоуважаемый Антон Павлович, за Ваше милое приветствие меня и жены с новым годом. Если Вы получили мою телеграмму, то знаете из нее, что 3 января у нас родилась девочка. Она появилась на свет бо-
жий 8^{3/4} фунтов весу и с самой монгольской физиономией. Теперь орет, спит и ест с невероятной жадностью или, как говорят наши акушерки, «жакает». Ну, вот, и я *pater familias*, что и требовалось доказать. А назовем мы ее Лидией. Это имя мне не особенно нравится, но таково было желание покойной А. А. Давыдовой, не хотевшей и слышать о мальчике¹.

Вам, вероятно, уже известно, что комитет по устройству юбилея печати распался. Сначала Плеве призывал Н. К. Михайловского, а Лопухин Фильбарка и Чернолуцкого и — представьте! — Василия Ивановича Немировича, и внушал им, что за всякое поползновение устроить банкет или что-нибудь напоминающее протест, он будет уже не высылать, а ссылать. Потом к каждому из членов комитета явился поочередно очень вежливый околоточный, с университетским значком в петлице, и заявил буквально следующее:

— Его превосходительство господин градоначальник просит Вас не беспокоиться о каких бы то ни было торжествах. Их не будет вовсе.

Так все и кончилось. Но все-таки, по-моему, такой ко-

нец лучше, чем то начало юбилея, которое было в Москве, когда журналисты упрекали друг друга в шантаже, вымогательстве, краже билиардных шаров и т. д.²

Подписка на журнал «Мир божий» идет великолепно, сверх всякого ожидания. Уже теперь можно наверно рассчитывать на количество подписчиков больше 17-ти тысяч. Вы, конечно, догадываетесь, что члены нашей редакции давно подговаривают меня, дабы я написал Вам слезницу... но — «ничего, ничего, молчание!»

Кончаю пожеланием Вам и всем, кто дорог Вашему сердцу, счастья, здоровья, удачи, веселья и мира на этот [нрзб] 1903 год.

Весь Ваш А. Куприн.

¹ 14-го января 1903 года Чехов писал О. А. Книппер: «Получил от Куприна письмо: у него родилась дочь» (т. 20, стр. 19). Следовательно, публикуемое выше письмо Куприна написано не ранее 4-го января (день отправления телеграммы Чехову) и не позднее 14-го января. Чехов отвечал Куприну 7-го февраля: «Надеюсь, что у Вас все благополучно, что жена Ваша и младенец пребывают в добром здорově» (т. 20, стр. 40).

Давыдова Александра Аркадьевна (1849 — 1902) — издательница журнала «Мир божий», мать первой жены писателя — М. К. Куприной-Иорданской.

² Речь идет о намерении буржуазно-либеральной интеллигенции Петербурга отметить сорокалетие реформы в области печати. Созданный в столице в конце 1902 года комитет по устройству юбилея был распущен по требованию Плеве В. К. (1846 — 1904), являвшегося министром внутренних дел и шефом жандармов в 1902 — 1904 гг.

Х

1903, 10 февраля [Петербург]

Посылаю Вам, многоуважаемый Антон Павлович, мою книгу, только что вышедшую в «Знании». Если она Вам понравится, я буду счастлив, если же нет, то мне не будет ни обидно, ни стыдно, потому что следующую книгу я напишу лучше¹. На днях на одном вечере, посвященном исключительно Вашим произведениям, я читал «Событие». Меня сбили с толку: «Ванька» гораздо больше нравится публике, которая к тому же любит слушать вещи, ею однажды уже слышанные, — но внушили читать именно «Событие». И покамест я читал о деревенской лошади, о жизни котят на даче, я чувствовал, что публика согревается.

Но трагический конец котят подействовал расхолаживающим образом. Тем не менее, как ни груба вообще наша публика, хотя бы и избранная, никто не засмеялся, когда лакей заявил, что собака съела котят, только внизу, подо мной, в оркестре пожарных музыкантов, кто-то хихикнул. Меня заставляли биссировать, и хотя я раньше наметил на этот случай кое-что, но мысль, что я именно Вас представил не так, как бы мне хотелось, до того удручила меня, что я больше не читал. Успех вечера был большой и очень теплый, задушевный. У меня сохранилась одна программа, чрезвычайно изящно исполненная. Не прислать ли ее Вам?²

Если Вам не лень, напишите о себе, о своем здоровье, о том, где будете весной? Это... меня интересует потому, что думаю весной быть в Крыму — очень бы хотелось Вас хоть бы на минутку увидеть.

Ваш А. Куприн.

¹ В феврале 1903 года вышла из печати книга: Куприн А. Рассказы. Том первый, изд. т-ва «Знание», СПб, 1903, 318 стр. В книгу входили следующие произведения: «Молох», «Ночная смена», «Одиночество», «Ночлег», «Лесная глушь», «Дознание», «В цирке» и «На покое». Авторский экземпляр «Рассказов» Куприн подарил Чехову с надписью: «Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову на добрую память от вечно и неизменно преданного ему А. Куприна. 1903, 9 февр., СПб.» (Сб. «Чехов и его среда», стр. 247).

² С чтением чеховского рассказа «Событие» (1886) Куприн выступил 27-го января 1903 года на литературном вечере в институте гражданских инженеров в Петербурге.

XI

1903, февраль [телеграмма из Петербурга]

Редакция [журнала «Мир божий»] шлет Вам искренний привет и очень просит выручить из большого затруднения присылкой рассказа для мартовского номера.

Куприн.

XII

1903, 19 апреля [Петербург]

На днях, дорогой Антон Павлович, я отослал Вам 75 р., которые взял у Вас на дорогу. Надеюсь, Вы их уже полу-

чили. Остается еще за мною мелочь за телеграмму, но это, с Вашего позволения, я думаю можно отнести в долгосрочный кредит?

В редакции на меня накнулись с расспросами: успели ли в моем ходатайстве перед Вами относительно какого-либо из Ваших будущих произведений. Я ответил, что повесть Вы обещали дать наверное, но срока никакого не положили; относительно же пьесы не сказали ничего определенного. Надеюсь, что против такого ответа Вы ничего не имеете?¹

Вчера Ф. Д. Батюшков и я заезжали к Ольге Леонардовне (Мойка, 61), но, к сожалению, не застали ее дома. Я, однако, написал на карточке, что привез поклонны из Ялты. Может быть, удастся еще повидать О. Л. перед ее отъездом (театр уезжает 23—24 апреля) у нее дома, или на обеде, который петербургские журналисты собираются устроить у [нрзб] в честь труппы Художественного театра.

Петербург кислый и мокрый. Говорят больше всего о кишиневском погроме и о спектаклях Художественного театра². А у нас в Мисхоре теперь уже, наверное, ловятся бычки и кефаль!

Жена шлет Вам сердечный привет. Она только что видела «Дядю Ваню» и вернулась из театра в полном восторге.

Желаю Вам всякого счастья.

Ваш А. Куприн.

1903, 19 апр., Спб.

¹ В начале марта 1903 года Куприн приехал в Крым и прожил в Мисхоре, на даче Давыдовых, немногим более месяца. 9-го апреля Чехов сообщал О. Л. Книппер: «Куприн уехал, стосковался по жене» (т. 20, стр. 82). Взятые у Чехова на проезд деньги Куприн отослал телеграфом тотчас по возвращении в Петербург. Куприн, часто встречавшийся с Чеховым в Ялте, по поручению редакции просил Чехова дать для журнала «Мир божий» какое-либо из своих новых произведений. Чехов в то время работал над рассказом «Невеста» и начал писать драму «Вишневый сад». В течение 1903 — 1904 гг. Чехов ничего не печатал в ж. «Мир божий».

² 6-го и 7-го апреля 1903 года в Кишиневе произошел еврейский погром, подготовленный и совершенный при участии местной полиции и с ведома высших властей.

Спектакли МХАТ шли в Петербурге в течение апреля 1903 года.

Дорогой Антон Павлович!

Ф. Д. Батюшков заинтриговал меня Вашим письмом. Зная, что Вы никогда напрасно не говорите, и всегда попадаете в самую точку, мне остается только сгорать от нетерпеливого любопытства (фраза вышла в прутковском стиле). Что имеете Вы приятного для меня? Напишите поскорее, будьте благодетелем!

У нас белые ночи. Знаете ли, Антон Павлович, даже мне иногда гнусно становится, так они раздражают. Час ночи, а светло, как днем, люди по улицам ходят точно утром после попойки, или точно весь Петербург заболел бессонницей, ляжет в постель и все думает, что уже время вставать. Зато острова прекрасны. Зелень такая сочная, мокрая, яркая и все в воде вверх ногами.

Мы с женой были как-то в цирке и видели номер, который называется The Zoophy of Zoop. Представьте себе такого рода петлю (рисунок).

Она составлена из досок и в середине завивается спиралью, а по ней вдоль нарисована черная черта. Ширина ее — аршин. Начало на высоте сажень 6-ти, а диаметр спирали — 3 сажени. И вот по ней с самого верха катит на велосипеде американец. Один момент он находится в таком положении, что голова его смотрит вниз, а ноги вверх. Но всего сильнее действуют на зрителей приготовления к этому полету. Просить публику не нужно ни аплодировать, ни кричать. Потом выходит американец. Он одет очень просто: коричневый велосипедный костюм, темная жокейская шапочка, на руках черные перчатки. Он долго и тщательно проверяет установку всего инструмента и тогда только всходит на самый верх, где скрывается в маленькой темной дверце под самым куполом. Через минуту из этой дверцы начинает что-то поблескивать, это руль машины. Этот момент должно быть [нрзб], и он самый жуткий. Внимание так напрягается, что секундами глаза почти перестают видеть. И вдруг американец на велосипеде появляется из дверцы, с грохотом летит вниз по наклону градусов в 60. в какую-нибудь четверть секунды описывает круг — и все кончено. Трудно передать восторг и рев публики. Конечно, в наше просвещенное время стыд-

но признаваться в любви к цирку, но у меня на это хватит смелости.

Будьте добры, Антон Павлович, передайте мой сердечный привет глубокоуважаемой Ольге Леонардовне. Жена очень жалеет, что так и не успела с О. Л. познакомиться во время ее пребывания в Петербурге и винит в этом меня. А я просто был не уверен, помнит ли меня О. Л.; правда, я убедился в этом после оказанного мне милого приема, но тогда было уже поздно, О. Л. на другой день уехала в Москву.

Не знаю, застанет ли Вас мое письмо в Москве. Я слышал, что Вы едете в Швейцарию. Желаю здоровья и «доброго гумору»².

Ваш всем сердцем А. Куприн.

¹ 23-го мая Чехов писал Ф. Д. Батюшкову из Москвы: «Александр Ивановичу поклонитесь и скажите, что я напишу ему тотчас же, как только узнаю свой летний адрес. У меня есть для него кое-что приятное» (т. 20, стр. 99). Обещанное Чеховым письмо к Куприну до нас не дошло. Публикуемое здесь письмо Куприна могло быть написано в последних числах мая 1903 г.

² Чехов жил в Москве с 24-го апреля по 25 мая, затем переехал в Наро-Фоминское, Московской губернии, а 7-го июля 1903 г. выехал в Ялту.

XIV

1903, 18 октября [Петербург]

Многоуважаемый Антон Павлович!

Самая лучшая и самая дорогая гостиница — это Европейская (уг. Невского и Михайловской), но предупреждаю — цены самые зверские. Несколько дешевле, но все-таки очень респектабельно — Английская гостиница на Исаакиевской площади. Там все на английский лад: «брекфасты», «ленчи», «фейфюклоки». Там останавливается, проездом из Мадрида на Шпицберген, неувядаемый Василий Иванович Немирович-Данченко.

Если приедете в Петербург, пожалуйста, не забудьте, что своим посещением Вы доставите много радости Марии Карловне. О себе уже не говорю¹.

Ваш А. Куприн.

¹ Осенью 1903 года Чехов намеревался приехать в Петербург, о чем он, очевидно, писал Куприну, прося сообщить сведения о петербургских гостиницах (это письмо Чехова к Куприну неизвестно). Немирович-Данченко Василий Иванович (1844 — 1936) — писатель, старший брат Вл. И. Немировича-Данченко (1856—1943).

XV

1904, 1-го января [Петербург]

Дорогой Антон Павлович!

Тысячу раз благодарю Вас, что вспомнили обо мне. Сегодня, в первый день Нового года (и при том года, начавшегося при самых кислых предзнаменованиях) — Ваше письмо было для меня настоящим праздничным подарком — так оно меня растрогало и обрадовало¹. Поздравляю Вас с Новым годом! От всей души желаю Вам провести его бодро, легко и счастливо. Одним словом — «желаю, чтоб!..», как говорит одно известное Вам лицо.

У меня, правда, был тиф, брюшной, и даже с рецидивом, но это совсем пустячная болезнь; досадно только, что человека, находящегося в здравом уме и твердой памяти, при том с нормальной температурой и с собачьим аппетитом, заставляют чересчур долго лежать в постели и кормят бульоном. Но утешаюсь, что, выздоровев, стану курчавым, как первый любовник в светской комедии на конотопском театре.

Пожалуйста, Антон Павлович, не поленитесь написать мне, когда Вы приедете в Петербург, о чем я уже давно слышу². Если скоро, то, [так] [как] мне очень бы хотелось успеть хоть на минутку увидеть Вас в Петербурге, я замедлил бы свой отъезд. Если же Вы еще долго останетесь в Москве, то я, заехав туда дня на два, успел бы побывать у Вас, а также и посмотреть «Вишневый сад». Прошу Вас, пожалуйста, уведомьте меня, а то я бог весть когда увижу Вас, потому что в Крыму летом не буду и вообще начинаю кочевую жизнь.

Передайте Ольге Леонардовне мои пожелания всяких земных благ. Жена и дочка поздравляют Вас и О. Л. с Новым годом.

Ваш А. Куприн.

¹ 31-го декабря 1903 года Чехов послал Куприну поздравительное письмо: «С новым годом, с новым счастьем, дорогой Александр Иванович. До нас дошли слухи, будто Вы были нездоровы, что у Вас был большой жар. Пожалуйста, напишите строчки две-три, как Вы себя теперь чувствуете?» (т. 20, стр. 202). Говоря о «самых кислых предзнаменованиях», Куприн имеет в виду настроение передового русского общества накануне войны с Японией, начавшейся 27-го января (9-го февраля) 1904 года.

² Ни осенью 1903 г., ни в 1904 году Чехов не приезжал в Петербург. В Москве он находился с 4-го декабря 1903 г. по 15 февраля 1904 г.

XVI

1904, 6-го января [Петербург]

Ходатайствуем 2 билета партер [на] первое представление. Сообщите день спектакля.

Куприны.¹

¹ Соочная телеграмма, посланная Куприным в Москву (Петровка, дом Коровина), где в то время находился Чехов. Премьера спектакля «Вишневый сад» состоялась 17-го января 1904 года, в день рождения Чехова.

XVII

1904, январь [Москва]

Многоуважаемый Антон Павлович!

Я все-таки приехал в Москву на «Вишневый сад» как по собственному почину, так и по поручению редакции [ж. «Мир божий»]. Я один. Ужасно прошу Вас: приткните меня куда-нибудь на первое представление, — куда угодно, от верхнего ряда галереи до глубины суфлерской будки.

Ваш А. Куприн. 1904, I.

P. S. Я потому прошу непременно на 1-е представление, что к 21-му должен послать статью¹.

¹ Записка на визитной карточке. Из Петербурга в Москву Куприн приехал 15 января, чтобы присутствовать на премьере «Вишневого сада».

XVIII

1904, 16 января, Сергиев Посад,
Машинский переулок, д. Кондрашова.

Многоуважаемый Антон Павлович!

По некоторым неотложным делам я должен был внезапно уехать в Сергиев Посад и потому извиняюсь, что не был в назначенное Вами время в театре¹. К моему великому огорчению, я не в состоянии быть на первом представлении. Я об этом телеграфировал третьего дня в редакцию [журнала «Мир божий»], причем уведомил Федора Дмитриевича [Батюшкова], что его присутствие на спектакле [желательно?]

Ваш слуга А. Куприн.

¹ Внезапный отъезд Куприна из Москвы в Сергиев Посад (ныне г. Загорск, Рязанской обл.) был вызван необходимостью и желанием писателя срочно написать рассказ «Мирное житие» для второго сборника «Знания», который в ближайшие дни сдавался в набор, о чем Куприн по приезду в Москву узнал от М. Горького и К. Пятницкого, тоже находившихся в Москве.

XIX

1904, V [начало—середина мая, Петербург]

Дорогой Антон Павлович!

Разве может быть какой-нибудь разговор о том, что я рассердился?¹ Ни капельки. Мне просто послышалось, что Вы предложили мне балкон, а я несколько близорук и не особенно остро слышу — для меня многое бы пропало, а потому я и решил пойти уже не для отзыва, а для самого себя когда-нибудь в другой раз, тем более, что меня, действительно, тогда отозвали в Троицу по очень интересному и важному для меня делу². Если же я и досадовал, то на обстоятельства. Видел Вас расстроенным, взволнованным, скучным, — измученным постановкой «Вишневого сада». Ольга Леонардовна, которой, по ее словам, приходилось в это время быть буфером между автором и режиссером, тоже находилась не в очень приятном расположении. А тут я еще пристал с просьбой о месте, — главное, с просьбой, с

которой Вам, вероятно, до меня надоели сотни знакомых, из которых каждый, конечно, думал, что именно для него-то Вы и похлопочете. Словом, я сердился на самого себя, что попал не вовремя, да еще имел бестактность настаивать. Вот и все.

Очень хотелось мне писать о «Вишневом саде». Именно потому, что это Ваше. Может быть, я это сделал бы не так основательно, как присяжные театральные критики, но знаю, что писал бы с большой любовью и с нежной осторожностью. А тут, точно на зло, так сложились обстоятельства, что я даже в Петербурге никак не мог попасть на «Вишневый сад»¹. Положительно: все Ваши пьесы видел — и малюнькие и большие, даже монолог «О вреде табака» читал в Коломне, в клубе², а «Вишневый сад» пропустил. Пропустил потому именно, что в последнее время жена нездорова, у нее идет часто кровь горлом. Осенью доктора велят ехать в Крым.

Жду теперь с нетерпением II том «Сборника», чтобы прочитать Вашу пьесу³. Скажу Вам, что многое из нее входит уже в разговорную речь. Был я недавно на Волхове в одном запущенном старом дворянском гнезде⁴. Хозяева разоряются и сами над собой подтрунивают: «у нас «Вишневый сад»».

Был бы очень Вам признателен, Антон Павлович, если бы Вы не читали ни моего рассказа в «Мире божьем», ни рассказа во II томе сборника. Оба они жидкие рассказы⁵.

Вспомнил я И. А. Бунина. Он теперь, должно быть, в Москве⁶. Если увидите его, попросите рассказать о путешествии с [Ройделовым?] в Ниццу и особенно о венских впечатлениях. Только не выдавайте меня, так как я связан обетом молчания.

Прошу передать поклоны от Марии Карловны и от меня — Ольге Леонардовне и Марии Павловне. Крепко жму Вашу руку.

Ваш А. Куприн.

Р. С. На войну меня взять не могут, я в отставке, но корреспондентом тысячи на полторы в месяц я бы сейчас же поехал⁷.

¹ Куприн отвечает на следующее письмо Чехова от 5 мая 1904 года: «Милый Александр Иванович, мне передавали, что Вы сердитесь

на меня за то, что я не дал Вам билета на «Вишневый сад» (17 января) или пообещал место, которое показалось Вам чуть ли не галереей. Уверяю Вас честным словом, у меня до последнего момента хранился для Вас билет 2-го (или даже, кажется, 1-го) ряда, что я ждал Вас и очень пожалел, когда мне сказали, что Вы уехали в Троицкую лавру по какому-то делу, внезапно Вас туда потребовавшему. Галереи я не мог предложить Вам; я мог предложить только партер или место в первом ряду бель-этажа.

Я приехал в Москву, нездоров! Собираюсь читать Ваш рассказ в «Мире божием».

Не собираетесь ли Вы на войну? Может ли случиться, что Вас возмут туда?» (т. 20, стр. 280 — 281).

² Троицкое — т. е. Сергиев Посад (см. примечание к письму XVIII).

³ Первый спектакль «Вишневого сада» на петербургских гастроях МХАТ состоялся 2-го апреля 1904 года (см. «Ежегодник Московского Художественного театра», 1944, т. I).

⁴ Находясь в сентябре 1901 года в Коломне у своей сестры Зинаиды Ивановны Нат, Куприн выступил в местном клубе с чтением чеховского рассказа-монолог «О вреде табака».

⁵ II сборник «Знания» был подан в цензуру 10-го марта 1904 года, отпечатан в конце мая, а 29-го мая К. П. Пятницкий известил Чехова о том, что сборник поступил в продажу (см. Н. И. Гитович. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова, М., 1955, стр. 806). В этом сборнике была напечатана драма «Вишневый сад».

⁶ «Запущенным старым дворянским гнездом» Куприн называет Даниловское — имение Ф. Д. Батюшкова.

⁷ В ж. «Мир божий», 1904, апрель, № 4, напечатан рассказ Куприна «Корь», во II сборнике «Знания» — его рассказ «Мирное житие».

⁸ Настоящее письмо было послано Куприным в Москву, где Чехов жил с 3-го мая по 3 июня — до своего отъезда за границу. Этот и другие приведенные выше факты дают основание датировать письмо Куприна началом-срединой мая 1904 года.

⁹ Куприн говорит здесь о русско-японской войне.

А. П. ЧЕХОВ ЗА РУБЕЖОМ

У ЦЮАНЬ-ТО

КИТАЙСКИЙ НАРОД ГОРЯЧО ЛЮБИТ А. П. ЧЕХОВА

Русская классическая и советская литература оказали и оказывают широчайшее и глубочайшее влияние на литературу китайского народа — брата русского народа, на интеллигенцию, стремящуюся к правде, на старое и новое поколения писателей и поэтов, на рабочих и крестьян, школьников и детей нового Китая. Русская и советская литература содействовала взаимному пониманию, развитию и углублению братства двух народов.

А. П. Чехов так же, как Пушкин, Толстой и Горький, пользуется величайшим уважением и любовью китайского народа.

В 1907 году китайские читатели с интересом встретили произведение А. П. Чехова «Черный монах», переведенное У Тао. В 1909 году вышел в свет «Сборник иностранных рассказов», в который были включены и рассказы А. П. Чехова «В усадьбе» и «В ссылке». В 1910 году литературный журнал в городе Шанхае «Современный роман» опубликовал в переводе Бао Тянь-сяо повесть Чехова «Палата № 6», которая затем была выпущена отдельной книгой с иллюстрациями.

В 1916 году одно из самых больших издательств того времени «Китайское издательство» выпустило книгу, в которую был включен 21 рассказ Чехова, в том числе «Толстый и тонкий», «Конокрады», «Смерть чиновника», «Спать хочется», «Человек в футляре» и др.

Видный деятель Коммунистической партии Китая това-

Часть специальной полки в главном книжном магазине «Синь Хуа» в Пекине, показывающей все китайские переводы А. П. Чехова.

риц Цюй Цю-бай давно обратил свое внимание на Чехова — замечательного писателя русской классической литературы. С 1921 по 1922 годы т. Цюй Цю-бай жил в великой братской стране — Советском Союзе и написал книгу «Русская литература до Октябрьской революции», 14-ая глава которой «В 80—90 годах» в значительной степени посвящена Чехову и его произведениям. Цюй Цю-бай восхищался Чеховым. Он писал: «Чехов был лауреатом русской литературы 80—90 годов, выразителем идей своего времени. Его произведения тесно связаны с реальной жизнью».

В 1921 году писатель и литературный критик Чжэн Чжэнь-до перевел известную пьесу Чехова «Чайка», а Гэн Ши-чжи перевел пьесы «Иванов», «Дядя Ваня», «Вишневый сад», которые были включены в «Сборник драматических произведений России», выпущенный «Торговым издательством» в Шанхае.

В 1925 году известный переводчик Цао Цин-хуа перевел пьесу Чехова «Три сестры», изданную также «Торговым издательством». Таким образом, более 30 лет тому назад

ным бумажным рукоблудием, вечно свободная публика вечно винтит и сплетничает, — словом, все по-прежнему обстоит, — благополучно. Бывает, конечно, и у нас проявляются желания гражданской доблести, что не ведет само собой ни к какой неблагонадежности, а так себе желания от скуки: тощенькие, бессмысленные и легко испаримые, что без сомнения составляет особенное их достоинство. Вот, напр., на днях как-то. Получаю приглашение от самозванного какого-то библиотекаря, ах, виноват, что я говорю какого-то — я и забыл, что внизу приглашения было довольно отчетливо написано: «Начальник Александровского Округа»; так вот, получаю приглашение от Начальн. Ал. Ок. (он же, только не Мыльников, библиотекарь), явиться в Полицию, не для освидетельствования «в состоянии здоровья» «на предмет» получения плетей — нет; избави бог; ведь я же свободный (сладободного состояния) гражданин о. Сахалина и как же меня розгами или плетями тем более... Бывают случаи, что, не разобравши, по ошибке выдерут и свободного (Овчинников в Дербинском), или же выдерут примерно беременную женщину (в Корсаковском посту Ярцев³), но это по ошибке. Кто их разберет здесь, кто свободный, а кто несвободный, на лбу ведь не написано, а люди не боги, ошибка всегда возможна.

Явиться в полицию просят на совещание, что выписать на 1891-й год для воображаемой библиотеки. Прихожу. Публики собралось не особенно много, однако было человек 7—8, все господа почтенные: досточтимый Пейзер авдитор, каламбурист и остряк Менадлоа Попов, лихой Ландсберг [?], всезнающий Нонтаки [?] и проч. и проч. Вот собрались. Сели. Пошутили, а затем явился и сам г. инициатор, Начальник Александровского Округа, Сережа. Посмотрел он на публику, подумал глазами чего-то (Вы помните, конечно, его способность думать глазами, вставя их в какой-нибудь предмет), да и отправился наверх к Игнатьеву отдохнуть от проведенного в заботах по Округу дня. Я сейчас же ушел, а за мною последовала и остальная братия. На следующий только день я слышал, что Сережа, выпавшись у Игнатьева, являлся еще в Полицию и объявил своему секретарю, что по всему он видит, что подписка не состоится. Так вот какие у нас иногда бывают желания. Бывают и хуже, да уже все их не вспомнишь и не напишешь про них. Вижу, что я Вам страшно

надоел своей болтовней и Вы, перебегая глазами строки, с серьезным видом ищите красной строки, с которой должно было начаться дело. Ну, хорошо. Так теперь про дело.

С чего бы здесь начать? Начну разве с того, какие расходы я сделал из Ваших денег. Этим начну, напишу про себя, какой я пайныка, что исполнил, кажется, все Ваши поручения, а затем прямо, как следует, и подойду к своим просьбам.

Получил я 26 руб., и затем 10 р. из Корсаковского поста, — всего 36 руб. Израсходовал: на покупку 3-х фунтов ваты 1 р. 20 к., на покупку 3-х коробок табаку Астахова 2 р. 10 к., уплатил свободному художнику Северову за 3 фигуры 12 р., за ящик для фигур 1 р. 50 к., дал Егору по Вашему приказанию 1 р., Корсаковскому писцу 1 р., за телеграмму уплачено 1 р. 65 к., оставил у себя на посылку телеграмм Вашим, когда уйдет «Петербург» из Александровска, 2 р. — всего расх. — 22 р. 45 к.; в остатке получается 13 р. 55 к., которые я при этом и прилагаю.

В сундучке, ключ от которого я вложил в конверт вместе с письмом, Вы, милый Антон Павлович, найдете следующее: 12 соболей, батькин подрясник, порттабак серебрянный, 2 шкатулки, колокольчик⁴, два отчета Фрикена⁵, фотографические снимки и прочую дребедень. Все это Вы рассортируйте и, рассортировавши, дайте всему свое место. Отчет один печатный я посылаю для Вас, а другой пошлите вместе с другими вещами батьке. Письма не откажите также сдать, только одно во Владивостоке, а другие в Одессе. Заказные в Одессу лучше было бы сдать во Владивостоке, точно также необходимо сдать во Владивостоке письма, идущие в Сибирь. Карточку, которая лежит в отчете, будьте добры, отправьте батьке. Удостоверение на все вещи, прописанные Вами в письме, мне дали. Но кто их просил писать так, как они написали? Если чего не хватает в удостоверении, то вы возьмите от Корсаковского Полицейского Управления добавочное удостоверение. Прилагаемая маленькая записочка представляет из себя образец любовного письма каторжного к каторжной⁶. Она отобрана в прошлом году от какой-то дульцинеи, фамилии не помню.

С сундучком поступите, Антон Павлович, так, как Вы найдете лучше. По моему, можно будет так сделать: довести его до Москвы и затем уже оттуда отправить его бать-

ке. Адрес такой: в м. Кричев Могилевской губернии, Священнику Александру Булгаревичу. Что будет стоить его отправка, Вы мне, быть может, сообразоволяете сообщить, и я немедленно вышлю деньги.

Затем следуют просьбы.

1. Закажите в Москве мне платье, штаны, жилет и пиджак и отправьте наложенным платежом в Одессу агенту Добровольного Флота для отправки его на Сахалин. Размер платья такой. [Далее следует описание размера].

2. Купите альбом для столярных работ.

3. Пришлите свои сочинения.

4. Купите Кистяновского⁷ и вообще все, что касается учения о наказании и тюремоведения.

5. Пришлите, или правильнее, присылайте все, что Вы будете находить особенно интересным из вышедшего в последнее время.

Кстати, Антон Павлович, голубчик, простите ради самого создателя меня за то, что я не выслал Вашей книжки Фойницкого⁸. Право, я еще на половину виноват, в большем виноват Кононович, который, как увидел его у меня, так и пристал, чтобы я ее Вам не посылал, а уплатил бы деньги по ее стоимости — 3 р. 50 к. Кононович просил Вам кланяться от него и извиниться, что не имеет возможности написать Вам. Все знакомые также шлют свои поклоны. Янсона⁹ Вы мне можете не присылать: пусть она идет в зачет Фойницкого.

Ну, до свидания, дорогой Антон Павлович. Хотел бы еще разок Вас видеть, да уж так суждено устроить, что при всем желании, никак невозможно повидаться. Очень жаль, что я не могу ответить на телеграмму Вашего брата, так как адреса его не знаю.

Кланяйтесь матушке России и скажите ей, что без нее жить сильно тошно.

Целую Вас много раз Булгаревич.

P. S. Жду Ваших писем. Если некоторые письма мало оплачены, то оплатите их, Антон Павлович.

⁷ В 1889 г. в Женеве было опубликовано в Вольной русской типографии открытое письмо М. Цебриковой к Александру III, нелегально распространявшееся в России. В этом письме, действительно, высказано немало «горьких истин» по поводу внутренней политики царского самодержавия. М. Цебрикова обращает, между прочим, внимание и на русские тюрьмы и каторгу, где «каждый тюремный смотритель,

этапный офицер, каждый сторож может безнаказанно грабить, зверски бить и даже истязать арестантов, даже женщин» (стр. 36).

Любопытно отметить, что в том же 1889 г. в Женеве М. Цебрикова опубликовала брошюру «Каторга и ссылка», где раскрывается «весь ужас, все бесчеловечие каторги и ссылки» на многочисленных примерах из жизни политических ссыльных. Надо думать, что Чехов, так интересовавшийся литературой по этому вопросу, читал брошюру Цебриковой. 23 февраля 1890 г., готовясь к поездке на Сахалин, Чехов в письме к Суворину упоминал о какой-то статье Цебриковой (XV, 22).

² С. А. Таскин — начальник Александровского округа.

³ Н. И. Ярцев — смотритель поселений в Корсаковском округе. Чехов писал о нем: «Из всех сахалинских чиновников он наиболее сведущ в агрономии и относится к делу добросовестно и с любовью, но на его образцовой ферме урожаи часто бывают хуже, чем у поселенцев, и это вызывает всеобщее недоумение и даже насмешки» (X, 169).

Сохранились две открытки Ярцева, адресованные Чехову. В 1895 г. он находился в петербургской больнице и просил Чехова навестить его. В одной из открыток (18 февраля 1895 г.) он писал: «Здравствуйте, многоуважаемый, чистый сердцем Антон Павлович. Привез Вам гостинец сахалинский — весь отчет за 1893 г.». Чехова в то время в Петербурге не было и поэтому его встреча с Ярцевым не состоялась.

⁴ Хранится в настоящее время в Ялтинском Доме-музее А. П. Чехова.

⁵ Отчеты инспектора сельского хозяйства Сахалина А. А. фон-Фрикена, о котором неоднократно упоминает Чехов в своей книге о Сахалине.

⁶ Письмо хранится в архиве Чехова (ЛБ, к. 26).

⁷ А. Ф. Кистяновский — известный криминалист. Очевидно, речь идет об основном труде Кистяновского — «Элементарный учебник общего уголовного права».

⁸ И. Я. Фойницкий — автор книги «Учение о наказании в связи с тюремным содержанием» (1889), которую Чехов брал с собой на Сахалин и на которую ссылается в своей книге (X, 212).

⁹ Ю. Я. Янсон — автор работы «Теория статистики», на которую Чехов ссылается в своей книге (X, 232).

4.

Сахалин. 10 октября [1890 г.].

Вот еще Вам прибавка, милый Антон Павлович. Почтой на «Петербург» вчера сдал все, да забыл отправить ящик с фигурами. Заодно сегодня посылаю Вам эти письма и фигуры.

Целую Вас много раз

Ваш Булгаревич.

Сахалин. 1891 июня 5 дня.

Милый Антон Павлович!

Сто раз извиняюсь, что до сих пор не поблагодарил Вас за все услуги и внимание, которые Вы мне совершенно незаслуженно оказали.

Когда я вспоминаю про посланную батьке посылку, то я прихожу в ужас, представляя себе всю возню, с какой была сопряжена передача ее. — Но, за все Ваши хлопоты да вознаградит Вас провидение, оставившее наш заклятый Сахалин и вероятно обитающее в тех благодатных странах, в которых Вы теперь обретаетесь. Посланные Вами письма, бандероли, книги, костюм и проч. и проч. я получил и остался премного благодарен. Книги¹ пришли на «Костроме», которая вероятно завтра уйдет. Мы еще не успели их разобрать и разослать по Вашему желанию.

В рассортировке учебников я принимал участие теперь не как заведующий школами, а как частный человек. По получении кредита 4000 р. на содержание школ, наш кокет² нашел более удобным возложить заведывание [школами] на каждого в своем округе начальника. Что получится в результате — не знаю. Ручаться за хороший результат возможно только относительно Рыковской школы, где учительствует бывшая курсистка, жена политического — Александрина³. В других училищах учителя остались те же. Да, что я говорю. В Корсаковской школе ведь та же учительница — мадам Аксенова! Помните, быть может, такая конфетная дама, всегда сопровождавшая Таскину Елену Александровну. Кстати, весело ли Вы доехали до Одессы с Еленой Александровной? Думаю, что она своими причудами изводила Вас страшно?

Из книг, присланных Вами для распределения по моему и Ивана Сергеевича Вологодина⁴ усмотрению, я думаю дать несколько и детям государственных. Надеюсь, что Вы на меня за это не посетуете.

Генерал уехал в Питер и пробудет там год, а может быть и больше. Будет хлопотать о введении новых штатов. Письмо Ваше он увез с собой, оставив нам с него только копию⁴. Теперь остров управляется пока милым Сережей. В сентябре же приедет настоящий Вр. и. должность —

подполковник Дмитриев — чиновник при командующем войсками Амурского Края. С новым начальством нужно ожидать и массу новых решений дел по существу. А уж эти решения!..

Мейер умер и на его место назначен Тарасенко. Тот самый Тарасенко, который наделал столько хлопот своей любезностью сдать Ваши и мои письма. Я очень рад, что моя думка не оправдалась и письма Ваши достались хотя и поздно, но в настоящем виде. Умер от чахотки также молодой Фельдман⁵, первый любовник сахалинской драмы. Говоря о каждом из сахалинцев, я всегда прибавляю то, что [поможет мне же воспроизвести в Вашей памяти милых сахалинцев. Будьте снисходительны и не ставьте мне в упрек эту болтливость.

Климов⁶ по-прежнему вздыхает. Стараются в последнее время быть полным хозяином своего Мало-Климова и по этому поводу разошелся с Канчером⁷, бывшим у него писцом. О Канчере Вы, конечно, знаете. Теперь он живет в Рыковском и вместе с другими своими товарищами занимается хозяйством: пашет, молотит, собирает сено, сажит огороднику и проч.

Егор вышел на поселение и теперь строит дом по Корсаковской дороге. Бабушка⁸ от меня ушла и живет в больнице в качестве няньки. Как тот, так и другой часто ко мне приходят и посвящают во все свои радости и печали. Полушубок я передал Егору, за что он «приказал мне благодарить тебя и пожелать тебе от Бога, чего ты сам и просишь и молишь». Баба всегда каже про Вас, что хороший пан не забув нас.

Представьте, дорогой Антон Павлович, посылая Вам вещи, я и забыл про полушубок. Схватился только тогда, когда ушло судно.

Ну, как? Егор вышел неудачно? Правда? Одно дело видеть и понимать его, а другое дело писать то, что он говорит. Если бы во всем «Егоре» нашлась хотя одна строчка, которая бы Вам напомнила настоящего Егора, то я тогда остался бы доволен.

Костюм мне очень нравится и стоит очень дешево.

Передавая мне посылку, доктор Щербак⁹ передал также и эту прилагаемую записочку, в которой Вы просите Павловского¹⁰ выслать ему некоторые виды. Зная, что Павловский очень тяжел в исполнении разных поручений, я взял

ся исполнить Ваше желание. Большинство видов я купил у самого Павловского, а один — «Александровская тюрьма» — достал у Сережи Таскина¹¹.

Посылаю Вам 9 штук наклеенных и 10 ненаклеенных видов. Первые стоят согласно прилагаемого письма мадам Павловской (сам г. Павловский] в это время уезжал во Владивосток), 8 руб., а вторые — 5 р., всего заплачено 13 руб. Не согласись я выдать сейчас же деньги, г. г. Павловские], вероятно, не были бы такими рачительными в исполнении моей просьбы. Одно меня сокрушает — будут ли подходящи все посылаемые виды. Вы, милый Антон Павлович, сообщите мне об этом и пришлите оставшиеся у Вас за ненадобностью виды. Я их возвращу обратно Павловскому. За покрытием этого расхода оставшиеся у меня 25 р. я при сем прилагаю.

Жду с нетерпением от Вас посланий. Пишите мне, если, конечно, будет охота обо всем понемногу. А как Ваши сочинения о Сахалине? Можно ли будет надеяться получить их на первых нартах? Я опасаясь, что виды мои опоздают.

Статья Щербака, помещенная] в «Новом Времени» произвела ужасное уныние на наше милое общество. Генерал страшно злился. Сережа тоже. Я говорю про фельетон¹².

Ну, будьте здоровы и веселы. Скоро, быть может, увидимся.

Жмет Вашу благородную руку,

Ваш преданный Булгаревич.

Все Вам кланяются. Иван Сергеевич, вероятно, напишет Вам письмо. Скука страшная на Сахалине. Кругом дело, а делать ничего нельзя. Службу я себе избрал наиподлейшую. Просить другую службу я не хочу, а начальство не догадывается, что на другом месте можно было бы больше чего сделать. Оно исключительно занято решением дел по существу и ни одного, кстати заметить, оно еще не решило до сих пор особенно по существу. У меня даже появилась такая мысль, не боится ли оно ставить меня ближе к ссыльным. О Василии Васильевиче Овчинникове, о Ливине¹³, о Перлине¹⁴ — живут все во славу божию, производя ребят и все время от времени толстея. Никто не нарушит Вашего спокойствия — ни солдат, ни сумасбродный кокет. Жаль только людей, попавших по воле судьбы в их руки.

До свидания, милый Антон Павлович. Пишите, голубчик.

А что Ираклий?

¹ Речь идет о книгах, которые Чехов с помощью родных и знакомых собирал для школы Сахалина.

² Это распоряжение было сделано начальником острова В. О. Кононовичем. Отсюда следует, что прозвище «кокет» относится к Кононовичу.

³ В Рыковской школе негласно работали политические ссыльные А. И. Александрин и Б. О. Пилсудский. (Г. В. Госткевич. Записки пролетариата. «Каторга и ссылка», 1926, № 6 (27), стр. 147).

⁴ Письма Чехова Кононовичу касаются отправки книг на Сахалин. Копии с этих писем (о которых упоминает Булгаревич) были найдены мною в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока (г. Томск). Неисправно были опубликованы в журнале «Сибирские огни» (1958, № 7). См. М. Теплинский. В погоне за сенсацией. Письмо в редакцию. «Литература и жизнь», 1959, 21 января.

⁵ Подпоручик Сергей Фельдман служил в Дуэ. В архиве Чехова (Центральный государственный архив литературы и искусства) есть карточка, заполненная Чеховым на С. Фельдмана (ф. 549, оп. 1, ед. хр. 23, № 217).

⁶ Д. С. Климов — смотритель Мало-Тымовской тюрьмы. В книге «Остров Сахалин» о нем сказано: «В настоящее время в должности мало-тымковского смотрителя состоит г. К[лимов], интеллигентный и добрейший молодой человек, петербуржец, повидимому, сильно скупающийся по России» (X, 129).

⁷ М. Н. Канчер — политический ссыльный.

⁸ В книге «Остров Сахалин» Чехов писал, что у Булгаревича (в доме которого писатель жила некоторое время) «была только одна прислуга, старуха-хохлушка, каторжная, и изредка, этак раз в день, наведывался к нему каторжный Егор, дровотаск, который прислужгой его не считался, но «из уважения» приносил дров, убирал помои на кухне и вообще исполнял обязанности, которые были не под силу старушке» (X, 65).

⁹ Доктор А. В. Щербак — судебный врач Добровольного флота. В ЛБ хранятся несколько его писем к Чехову. В «Острове Сахалине» есть ссылки на статьи Щербака, которые печатались в «Новом времени». 17 декабря 1890 г. Чехов писал Суворину: «Познакомился с д-ром Щербаком. По-моему, это замечательный человек. Там, где он служит, все его любят, а я с ним почти подружился» (XV, 136).

¹⁰ Павловский — чиновник почтово-телеграфной конторы в Александровске, местный фотограф. Передал Чехову свой путевой дневник (ЛБ, к. 26, ед. 26-п), отчасти использованный писателем в книге «Остров Сахалин» (см. X, 176).

¹¹ Часть этих снимков хранится сейчас в Отделе фондов Государственного литературного музея в Москве.

¹² В газете «Новое время» 20 февраля 1891 г. была помещена статья А. В. Щербака «С ссыльно-каторжными», где, между прочим, об Александровске (тогдашнем центре Сахалина) говорилось следующее: «Тоскливый вид поста отчасти гармонировал и с внутренним бытом его не-каторжных обитателей, которые, судя по рассказам, давно уже перессорились друг с другом и вследствие томящей скуки,

безделья, отсутствия общности интересов и т. и., всёцело погрузились в сплетни и интриги, но, конечно, не все, а за некоторым исключением».

В этой же статье упоминается «симпатичный д-р А. П. Ч., окончивший свою любопытную экскурсию на Сахалин».

¹³ Ливин — смотритель Рыковской тюрьмы. В своей книге Чехов отмечает его «сильное пристрастие к розге» (X, 125). См. о нем во вступительной заметке.

¹⁴ Перлин — врач в Александровске. Сразу же после приезда на Сахалин Чехов поселился у Перлина (затем перешел к Булгаревичу). В «Острове Сахалине» Перлин («старик без усов и седыми бакеннами, похожий лицом на драматурга Ибсена» — X, 25) упоминается неоднократно. Чехов, в частности, отмечал пристрастие Перлина к доносам и даже воспроизвел «образчик доноса по телеграфу» в своей книге (X, 26).

6.

В начале этого письма Булгаревич просит Чехова посодействовать переводу его отца — священника¹ (который жил в то время с дочерью в Могилевской губернии) в Крым. О сестре Булгаревич пишет:

А сколько-то она выстрадала за каждого из нас: одного, отправляя в Турцию, другого посещая в крепости и провожая затем в ссылку, а меня — на чудный заморский Сахалин. Выписать ее к себе я считаю безрассудным — оставлять батюку и ехать в каторгу.

Вы извините, что я непрошено посвящаю Вас в семейную хронику, это я собственно для выяснения причин, заставляющих хлопотать о переводе и чтобы не быть заподозренным на мотив питейнического отродья.

Живу я по-прежнему. Рукоблудствую в канцелярии, столярничаю, почитываю кое-какие книжонки, смакуя «Вестник Европы», «Русские Ведомости» и больше ничего. Скучновато, зато спокойно. В официальных сахалинских сферах идет суэта по поводу разных передвижений каторги на дорогу, на воды и проч., а также по поводу приезда начальства нового, в частном быту царит сплетня и страшное недоброжелательство. Кстати о Сальникове, живет он в Николаевске в крайней бедности, чтобы не сказать в нищете. Пьянствует также и тоскует. Кокет уехал, и у нас страшная апатия, никто никого не слушает, все один другому завидуют, а ловкачи под шумок, зная обделывают делишки. Все же мы собственно состоим под высокой рукой нашего благодетеля Сережи Таскина. 17 августа приехал было в Александровку настоящий и. д. начальника острова подполковник Дмитриев, но сейчас же и

уехал ревизовать Корсаковский округ. Чуть ли не все в Александровске летом перебивали. Яго-Нонтаки уж и при Вас был кощей, а теперь право смахивает на худую гилляцкую юколу. А что, и теперь не перестает Вам сниться старик Перлин? Он во Владивостоке городovým врачом. Устроился многосемейно, имеет жену, детей, невестку ту же милую Настасью, — турмана, как Вы метко ее охарактеризовали, которая по-прежнему сожительствоет только с молодым Борей, с старым же разве когда случается только при смещении имен Борей. А помните Вы Дучинского², который добивался на Сахалине литературной славы и имел удивительную рожу и не менее удивительный большой нос. Представьте, он и в изгнании не чужд героических подвигов. Где-то в какой-то сибирской глуши, куда он переведен, какого-то папашу вызвал на дуэль. И за что? За то, что этот самый папаша не признавал его кавалерских достоинств и отказал Дучинскому в любви своей дочери, которая также отказала. Чем кончилась дуэль история умалчивает, только Дучинского за это перевели снова в какой-то курень, где только и есть, что разведенный костер, нары, да телеграфная проволока: стучи дескать, а в ризы любви, если не поп, так и не суйся. Я вам пишу только про более выдающихся лиц, перебирать же всех будет для Вас очень тяжело читать, писать же собственно еще и того хуже.

Владимир Осипович уже в Питере. Он и там не забывает нас своими милостями, бомбандируя очень часто телеграммами. Удивительный он человек! Как то пройдут его штаты? Получили ли Вы посланное мною письмо, деньги и фотографии. Как бы я хотел, чтобы все это пришло своевременно. Павловский спрашивал Ваш адрес, чтобы послать снимки. Я ему и протелеграфировал: Феодосия Суворину передаче Чехову. Он же закатил по своему: Москва Феодосии Сувориной с передачей А. П. Чехову. Вот, воображаю, наищутся Феодосии Сувориной!

Ваши знакомые все Вам кланяются. Жду с нетерпением Вашего труда по Сахалину. Сообщите пожалуйста, что у Вас вышло в 1891 г., я заказал Манутину выслать все Ваши сочинения, вышедшие в свет в 1890 и 1891 гг. Не знаю, что пришлют. Получаете ли Вы приказы по острову? Я их посылаю Вам весьма аккуратно. Антон Павлович, голубчик, еще вспомнил просьбу: вышлите наложенным

платежом альбом для столярных работ. Без альбома просто как без рук. Чтобы не остаться в долгу, я ожидаю от Вас тоже поручений, которые я буду исполнять с особым наслаждением.

Затем до свидания, дорогой Антон Павлович. Наболтал я Вам изрядно. Не забывайте же сахалинца, пишите, когда выпадет свободная минута. Я, чай, думаю, что Вы теперь страшно заняты печатанием Вашего труда.

Климов еще не женился, да и надежды, собственно говоря, на оную мало. Невеста по-прежнему издевается над ним, а он вянет день от дня. Осенью будет проситься в отпуск в Европ. Россию.

Желает Вам полного успеха и здоровья искренно уважающий Вас

Д. Булгаревич.

Сахалин.
1891 года. Августа 20 дня.

¹ В архиве Чехова есть письма священника А. Булгаревича. В одном из них (18 декабря 1890 г.) он писал: «Дочь моя просит Вас, если Вы выпустите книгу описания о. Сахалина, то не примените выслать ей» (ЛБ, к. 37, ед. 52).

² Э. Дучинский — сахалинский чиновник, поэт, автор обличительного стихотворения «Сахалино». «В длинные зимние ночи он пишет либеральные повести, но при случае любит дать понять, что он коллежский регистратор и занимает должность X класса» (X, 22).

2 декабря 1896 г. Чехов писал Суворину: «На Сахалине я встретил некоего Дучинского, родственника Скальковского, почтового чиновника, который писал стихи и прозу. Он написал «Сахалино» — пародию на «Бородино», всегда таскал в кармане бренок громадный револьвер и сильно зашибал муху. Это был сахалинский Лермонтов» (XVI, 409).

В архиве Чехова есть письмо к нему Дучинского (ЛБ, к. 26, ед. 3-е/4).

7.

Сахалин
1892 г., января 21 дня.

Многоуважаемый Антон Павлович!

Письмо Ваше от 19 августа я получил и сейчас же исполнил все Ваши указы: бабе и Егору дал по рублю, Степе Фельдману¹ сообщил, что Вы просили его поручений в благодарность за оказанное гостеприимство, Малявкину передал о его дочери и проч.

Очень жаль, милый Антон Павлович, что я не угодил Вам высылкой фотографии. Видит сахалинское небо, что я брал, не мудрствуя лукаво, так как мудрствовать то и не было над чем, все, что только было в наличии, придерживаясь Вашего списка. Фотографии я еще не получил, посылка не пришла в Контору, а потому и не мог их возвратить Павловскому.

Книгу Вашу о Сахалине ожидаю с нетерпением. У нас как-то не знаю кем был распушен слух, что будто ее Вам не позволили печатать. Это, конечно, вздор?

Кстати, Вы пишете, что Егор вышел удачно, — сомневаюсь положительно в этом. Егор так же вышел вероятно удачно, как фотография, и если о Егоре получилось положительное, то это только любезность, оказанная Вами списывавшему. Во всяком случае, я сознаюсь, что охотно писал рассказываемую Егором белиберду в надежде, что, быть может, хотя одна фраза, одно слово из егоровских перлов настроит даровитого художника на мотив о беспощадности законов, применяемых понапрасну к массе добродушных Егоров. К тому же я непосредственно получил удовольствие.

Живу я по-прежнему. Осенью, вероятно, если что-либо экстраординарное не помешает, отправлюсь домой. На Сахалине, повидимому, обстоит все благополучно. Гегемония управления в настоящее время принадлежит Шелькингу и Патрину. Вы их, понятно, знаете — первый пийца, а второй бийца. Впрочем, в деле управления те и другие служебные свойства находятся в родственной связи и в достаточном количестве.

А что, как голод? Слышно, что плохо. Впрочем это по «Русским Ведомостям». Судя же по «Новому Времени» ничего особенного нет². Ну, как Вы теперь думаете о переселении? Что причиной шатаний массы народа и его переселений? — Чувство ли привязанности к работе, или же голодное брюхо? Помните наш спор о Хохландии, в которой, благодаря переселениям, Вы отвергали вышеозначенное чувство.

А как Вам нравятся воспоминания Михайловского в «Русской Мысли» за 1891 г.³? Что говорят и чего ожидают от нашего рубля?

Упомянув в этом письме о Патрине, я забыл сообщить Вам о его жертве⁴. Помните скандал, о котором Вы разго-

варивали с Владимиром Осиповичем. Жертва Патрина застрелилась в ноябре месяце после почти тождественной с прошедшей историей.

Много бы чего хотелось переговорить с Вами частью сахалинского, частью нет, да проклятые 10 000 верст мешают. Этим письмом тороплюсь окончить, чтобы завтра отправить с отходящей почтой.

Просьба. Ради Бога забудьте в отношении меня бессрочное обязательство за какое то гостеприимство.

Пишите, Антон Павлович, не забывайте

Вашего покорного слуги Булгаревича.

Еще забыл спросить, как Вы находите стихотворение Полонского, посвященное Вам и находящееся в сборнике его «Вечерний Звон»? Я прочел, что Полонский за этот сборник получил Пушкинскую премию⁵.

Статейный список Ивана Беспалова при сем посылаю⁶.

Ваш Булгаревич.

Получаете ли Вы аккуратно посылаемые приказы?

¹ О С. А. Фельдмане см. вступительную заметку к публикации его писем к Чехову.

² Булгаревич справедливо обратил внимание на то, что реакционное «Новое время» пыталось замалчивать катастрофическое положение, в котором очутились крестьяне ряда губерний в результате неурожая в 1891 году.

³ Имеется в виду работа Д. Михайловского «Литература и жизнь», печатавшаяся в ряде номеров «Русской мысли» за 1891 г.

⁴ Речь идет о П. К. Домбровском (см. вступительную заметку).

⁵ В сборнике Я. П. Полонского «Вечерний звон» было помещено посвященное писателю стихотворение «У двери», которое Чехов считал хорошим (XIV, 48). «Вечерний звон» был удостоен Пушкинской премии.

⁶ Этот статейный список находится сейчас в архиве Чехова (ЛБ, к. 26).

8.

Милый Антон Павлович.

Вместе с этим письмом я отправляю прошение Министру о разрешении мне без предварительных испытаний поступить в Томский университет. Как Вам понравится такой проект? И представьте, если разрешат поступить, хотя я сильно сомневаюсь в этом, придется изучать медицину, о чем я менее всего когда бы то ни было мечтал. Там

один только медицинский факультет и есть, так что выбора фактически мне не представляется. Если мне последнее не удастся, то я непременно поступаю в заграничный Университет.

Вопрос о высшем образовании никогда меня не покидал, теперь же только представляется возможность осуществить что-либо, имея некоторые сбережения.

Живу по-прежнему. Столярничать продолжаю. Сплетен на Сахалине не обобратся, пришлось целый год просидеть безвыходно в квартире. При новых временщиках положение обитателей Сахалина ухудшилось сравнительно. — Кругом поголовное пьянство, воровство, шантажи и ужасное бичевание каторги. Дикий произвол временщиков не имеет вовсе границ. Милое дитяtko Шелькинг, исправлявший должность Таскина, оказался кроме пьяницы и разбойником страшным — нет никому от него ни проезда, ни прохода. Эта зима была крайне тяжела, кто имел не овчинное сердце.

Первый Добровольец еще не приходил, а потому ничего не могу сказать на счет сахалинских чаяний. Вероятно «Петербург» с собой привезет что либо в этом отношении. Весна стоит плохая. Рыбы ловится [со]всем мало. Гиляки умирают от бескормицы массой. На днях возвратился из Агнево врач Тропин и сообщил, что чуть ли ни целое Агнево вымерло от цынги — готовящихся при нем было 2, умерло же перед этим 12 человек.

В библиотеку Тымовской полиции Климов прислал сборник «Помощь голодающим». Там между прочим помещена и ваша статья «Беглые на Сахалине»¹. Статейка больно уже маленькая, но при всем том крайне интересна и симпатична, если можно так выразиться. Симпатична она, на мой взгляд по своей тенденции — срочность и неизбежность на родину каторги, живучесть в ней, несмотря на все мытарства, человечности и пр. Интересна же она по собранному материалу и группировке его. Одно только, что мне показалось, это некоторая бледность изображения сравнительно с другими Вашими произведениями. Затем, мне кажется, Вы сильно доверились нашим срочным сведениям. А ведь их как пишут? Со стены, проклятые, берут. Административных на кордоне нет, одни из них в настоящее время в Рыковском, а другие в Александровке. Начальство в конце концов таки созна-

лось, что понапрасну сердилось и обратило свой гнев на милость, перевев их в центры². Впрочем, рыковец просился сам, как на р[ыковский] кордон, так и в Рыковское. Вообще же за статью спасибо. Она отрезвила хоть на некоторое время.

Батюшка, Антон Павлович, ведь я сообщал Вам, что писем, кроме отправленных мною, на Ваше имя больше не поступало. Разве Яго-Ноитаки прикарманил что-либо? — Да нет. У меня там есть вернейший человек, некто немец Корн, который по долгу службы и по личным симпатиям ко мне не мог бы не сообщить, если бы случилось что. Кстати, Яго уезжает в Шанхай. Извелся он, проклятый, на подлостях на нитку, и все-таки пакости не оставляет. Вот уж, скажу Вам, мерзавец, несмотря на всю симпатию к нему Кононовича. Про Климова я уже писал, кажется Вам, — женился таки «влюбчивый» и не нынче, так завтра явится на судне с жинкой и тещей. Жду его с нетерпением. Ящик с фотографиями не получил. Ах, как худо, что не угодил Вам.

Затем, до приятного свидания, дорогой Антон Павлович. Не забывайте сахалинца. Зимой увидимся.

Жму Вашу благородную руку.

Булгаревич.

Р. С. Степа Фельдман едет в Херсон к паппэ... Этот юнец худо себя зарекомендовал в последнее время. — Словом, парень по пословице «из молодых, да ранний». Скатертью ему дорога.

Бабушка и Егор кланяются. Егор строит себе избу по Корсаковской дороге, а пока живет в землянке. В день привозит на себе по 4—5 бревен — и все это верст за 7—8. Живет один. «Невозможно, братец ты мой — никак невозможно без обзаведения». Разговлялись мы с ним пасхой вместе. Бабушка дождалась своего Потапа и теперь значительно посмирела на язык. Состоит она на ур[о]лке, а Потап клепит целую нить в клэпало на дворе у Меркушева. Заходит она ко мне часто, так [как] у меня живет ее зять по одному с ней делу — Хведоренко — тоже оригинал изрядный.

А что это вышло с мукой Паухера? Сообщите, если найдете возможность.

Ну, будьте здоровы, пора оканчивать письмо. Да, я и

забыл спросить — не женились ли Вы? Помнится, когда-то говорили, что намереваетесь.

Преданный Вам Д. Булгаревич.

Сахалин.

1892 г. Апреля 23 дня — моя квартира.

¹ Одна из глав книги Чехова «Остров Сахалин» — «Беглые на Сахалине» была опубликована в сборн. «Помощь голодающим» (изд. газеты «Русские ведомости», 1892).

При подготовке этой главы для отдельного издания «Острова Сахалина» Чехов несколько сократил содержащийся там цифровой материал.

² Речь идет о конфликте политических и административных ссыльных с сахалинским начальством, в результате чего часть административных ссыльных была выслана в самые глухие места острова.

9.

[Осень 1892 г.]¹

Как кажется недавно было, когда Вы были на Сахалине, многоуважаемый Антон Павлович, а между тем сколько воды утекло, сколько перемен на Сахалине, не перечесть право: одни приезжают, другие уезжают, одни умирают, другие нарождаются, одни выходят на поселение, другие зарабатывают новую продолжительную каторгу² и проч. Только неподвижно стоит Сахалин один, не соединяясь у мыса Погиби с материком и не удаляясь от него к более благодатным странам Америки. Представьте, что фамилии Фельдман, несмотря на все благословение божие, данное еще в ветхом завете, на острове больше не существует, а это перемена немаловажная! Из потомков этой милой фамилии осталась одна бывшая мадемуазель, слабость-то Сережи Таскина, теперь мадам Чарушина, но и она. нужно думать, если не отправится в Херсон, то не сегодня, так завтра умрет. Из вновь приезжих останавливает на себя внимание нынешний делопроизводитель Канцелярии Кочкин, — окончил курс 1891 г. в Петерб. Университете с дипломом 1-й степени. — Кажется, чего бы лучше для Сахалина — едут служить люди с высшим образованием, а что от них за польза Сахалину, — реальной то пользы — никакой, а вред существенный. Эти бесстыжие господа своими аттестатами только закрепляют и замаскировывают наглый произвол, воровство и зверство в отношении к

ну.., страждущим сердцем находит доступ к новому миру»¹, — пишет он. Но такой Нины он не нашел в рассматриваемом спектакле.

Почему так настаивает немецкая демократическая критика на сохранении оптимистических мотивов при постановке пьес Чехова?

Разумеется, прежде всего потому, что только такое звучание их правильно передает авторский замысел. Но, думается, есть и другая, более широкая, общественная причина особого внимания именно к этой стороне в произведениях А. П. Чехова у критиков и литературоведов Германской Демократической Республики.

Для успешного строительства новой, социалистической жизни в Германской Демократической Республике, для борьбы с империалистическими силами в Федеративной Республике Германии совершенно необходима твердая вера в будущее, в силы человека, в облагораживающую роль труда, во все то, о чем с такой проникновенностью говорят, о чем так страстно мечтают лучшие герои чеховских пьес. И именно эти мотивы пьес Чехова не только постоянно подчеркиваются рецензентами и литературоведами ГДР при анализе произведений писателя, но являются определяющими при постановке драм русского писателя на сценах Дрездена, Лейпцига, Восточного Берлина и в других театрах ГДР.

Очень интересно в этом отношении выступление режиссера Иоганнеса Курта, работавшего над постановкой «Трех сестер» в Лейпцигском Городском Театре в 1954 году: «Страстное желание лучшей жизни должно стать внутренней движущей силой вашего представления, — говорил он актерам на первой репетиции, знакомя их с задачами, которые стоят перед ними при создании спектакля. — Это страстное желание должно заполнить вас с самого начала представления, в вашей роли это желание должно все больше проявлять себя, оно должно в вас захватывать все большее и большее пространство и в конце, в жизни вашей роли, оно должно превратиться в сознание, что лучшая жизнь наступает, что вы стоите на пороге новой эпохи. Конечно, не могли они — сестры и Андрей — знать, что мы подразумеваем под этим

¹ I. R. Der Möwe weher Flug. „Sonntag“, 1954, № 49, S. 5.

век социализма. Антон Чехов не говорит этого, но его гений предвидел переворот общественного порядка, это имеет в виду его Тузенбах, говоря о «здоровой, сильной буре», которая сдует с их общества лень и равнодушие.

Страстное желание чеховских героев является нам сегодня как начало предельно активное. Оно охватывает трех человек, и шестерых, и сто, и тысячу, и миллионы и сжигает старое, гнилое общество. Сегодня должны мы расширить протест чеховских героев, сделать слышимым внутренний бунт его персонажей, мы должны почувствовать биение пульса мысли и сердца этих пленников своего общества. Мы должны увидеть в Чехове и его лучших героях тех, кто делает первый шаг к социалистической идее¹.

Последняя мысль этого высказывания, разумеется, не соответствует истинному социальному звучанию пьесы Чехова, уничтожает необходимую дистанцию между мировоззрением героев Чехова и писателей социалистического реализма. Но стремление подчеркнуть оптимистическое приятие мира будущего, веру в него, исторически верно, и именно оно определяет режиссерскую концепцию, положенную в основу всей работы художественного коллектива.

Рассказывая о начальных этапах подготовки спектакля, Иоганнес Курт подчеркивает, что в окончательном оформлении его мыслей о характере будущего спектакля немалую роль сыграла статья М. Строевой «Работа В. И. Немировича-Данченко над драмой «Три сестры»: «Многое, что мы только угадывали, предчувствовали, стало нам вдруг совершенно ясным, расширилось наше знание предмета, там и тут укрепились наше мнение...»²

Интерес к русскому и особенно советскому чеховедению в ГДР чрезвычайно велик. Не только театральные деятели, но и литературоведы постоянно обращаются к работам режиссеров Московского Художественного Театра (особенно Станиславского), к высказываниям Л. Толстого и М. Горького. Из последних советских исследований, посвященных Чехову, особенно большим уважением пользуется монография В. Ермилова «А. П. Чехов» (она переведена на немецкий язык И. Тинцманом и еще в 1951 году из-

¹ Johannes Curth. Arbeit und Freude an Tschschows Werk. „Tägliche Rundschau“, 21.XII.1954.

² Там же.

дана в Берлине)¹. А. М. Ульман, высоко оценивая ее научные достоинства, считает своим долгом выразить В. Ермилову признательность от имени тех немецких друзей великого русского писателя, которые не придерживались порочных взглядов сторонников «чеховской легенды», но достигли «ясного понимания жизни и творчества Антона Чехова» благодаря большой монографии, созданной выдающимся советским историком литературы².

К числу этих «немецких друзей великого русского писателя» Ульман причисляет и себя. На работы Ермилова ссылаются Гудрун и Вольф Дювель, авторы подробного предисловия к хрестоматии «Чехов. Книга для чтения»³, а также другие немецкие литературоведы⁴. Таким образом, в том, что чеховедение Германской Демократической Республики поднялось на новую ступень, известная заслуга принадлежит и советскому литературоведению.

* * *

Помимо разоблачения «чеховской легенды», новой глубоко положительной тенденцией современного чеховедения Германской Демократической Республики является стремление раскрыть эволюцию великого русского писателя в тесной связи с той социально-исторической обстановкой, в которой он жил и творил. Нами уже отмечалось наличие этой тенденции в книге А. М. Ульмана. Но особенно полно она проявилась в работах Надежды Людвиг⁵ и в статье

¹ W. Ermilow. Tschechow. Aus d. Russ. v. I. Tinzmann. Berlin, Nenschel u. Sohn, 1951.

² A. M. Uhlmann. Anton Tschechow. Sein Leben in Bildern, S. 8.

³ Tschechow. Ein Lesebuch für unsere Zeit. Herausgegeben von Gudrun und Wolf Düwel, Thüringer Volksoerlag, Weimar, 1954.

⁴ Кстати, не только в ГДР, но и в Федеративной Республике Германии эта работа среди руссисов пользуется широкой известностью, о чем свидетельствует, например, исследование Г. Аудингер «Die Point bei Cechov» (Kempten-Allgäu, 1956), в феврале 1956 года принятое в качестве диссертации философским факультетом Мюнхенского университета. Однако, крайне спорная эклектическая концепция, лежащая в основе диссертации Аудингер, не имеет ничего общего со взглядами советского литературоведа.

⁵ Помимо упоминавшегося выше доклада, изданного Культурбундом, Надежде Людвиг принадлежит статья «Мастер русского критического реализма», напечатанная в центральном органе СЕПГ «Нойес Дойчланд» от 15/VII-54 г.

известного немецкого писателя-реалиста Томаса Манна, который хотя и не мог по некоторым обстоятельствам жить в ГДР, но неразрывно был связан с культурой немецкого демократического государства¹.

Проницательность, с которой Томас Манн сумел увидеть корни своей творческой близости к Чехову в сходстве окружающей их исторической обстановки и в общей для них позиции осуждения мира, обреченного на гибель, уже была высоко оценена А. Л. Григорьевым в статье «Чехов и прогрессивная зарубежная литература»². Надежда Людвиг дает подробную характеристику социально-политической ситуации, сложившейся в России в последней трети XIX — начале XX вв., с тем, чтобы вслед за этим определить отношение А. П. Чехова ко всем основным общественно-политическим явлениям того времени и проследить воздействие их на его мировоззрение и художественное творчество. В своей оценке социально-политической ситуации исследовательница опирается на работы В. И. Ленина, посвященные этому вопросу. Выводы, к которым она приходит, анализируя позиции Чехова, близки тем взглядам, которые по этому поводу высказываются советскими литературоведами.

«В семидесятые годы, когда еще были живы традиции революционных демократов и народники занимали прогрессивную позицию, Чехов был слишком молод, чтобы принимать участие в их деятельности, к тому же в силу своего мелкобуржуазного происхождения он был чересчур далек от этих течений (русской общественной жизни. — Н. К.). Последнее обстоятельство помешало также и его участию в революционном рабочем движении в последующие годы»³, — пишет Н. Людвиг. Поэтому, как справедливо отмечает она в главе «Политический путь Чехова», писатель в начале своей творческой деятельности мог увидеть только страшную политическую реакцию да жалкую возню либералов и народников, которые — что было совершенно очевидно для А. П. Чехова — и не могли и не хотели коренным образом изменить жизнь тогдашней

¹ Статья Томаса Манна «Чехов» переведена на русский язык и напечатана в № 1 журнала «Новый мир» за 1955 год.

² См. Ученые записки Ленинградского Педагогического института им. А. И. Герцена, т. 121, 1955, стр. 22—23.

³ Nadeschda Ludwig, Anton Pawlowitsch Tschschow, S. 7.

России. Презрение к либералам и народникам породило у Чехова недоверие к политической жизни в целом, что было дополнительным препятствием к сближению писателя с подлинными революционерами.

Вместе с тем Н. Людвиг справедливо подчеркивает, что общественно-политические взгляды А. П. Чехова не оставались неизменными. В конце 90-х годов — в начале нового столетия, когда революционное направление активизировалось во всех областях русской жизни, Чехов проявлял живейший интерес к политическим событиям, что сразу же привело к появлению новых мотивов в его произведениях, и только ранняя смерть прервала развитие их в мировоззрении писателя.

Оригинальная по замыслу, но спорная в отдельных своих положениях статья Эбергарда Вольфграма «Чехов и немцы», напечатанная в журнале «Нойес дойче литература»¹, не ставит себе целью рассмотреть мировоззрение А. П. Чехова в его целостности, но и в ней при анализе отношения писателя к интересующим автора статьи проблемам упор делается на обусловленность этого отношения конкретными социально-историческими причинами. То же можно сказать и о небольшом этюде Пауля Денерта «Литература как документ» в журнале «Ди нойе гезельшафт»².

* * *

Большое место в современных немецких работах о Чехове уделяется вопросам творческого метода и стиля. Целый ряд буржуазных литературоведов прошлого склонен был «сближать» Чехова с декадентской литературой «конца века». С попытками такого рода мы сталкиваемся и сейчас³. В условиях, когда чрезвычайно усилилась борьба реакционного литературоведения и ревизионистов всех мастей против реализма, отрадно отметить, что литературоведы ГДР ценят А. П. Чехова прежде всего за реалистический характер его произведений.

¹ Eberhard Wolfgramm. Tschschow und die Deutschen. „Neue Deutsche Literatur“, 1954, N. 7.

² Paul Dehnert. Literatur als Dokument. Eine Tschschow—studie. „Die neue Gesellschaft“, 1949, N. 10.

³ Например, в упоминавшейся уже работе Г. Ауцингер Чехов характеризуется как импрессионист.

Надежда Людвиг считает, что в деятельности Чехова: «русский критический реализм как художественный метод нашел свое высочайшее завершение»¹, и стремится проследить, как шло развитие и обогащение этого метода в процессе творческого роста писателя. А. М. Ульман склонен видеть в А. П. Чехове «значительнейшего последователя великого критического реализма в русской литературе 19-го столетия»². Сабина Брандт³ восхищается остротой чеховского взгляда, способностью его, подобно хорошему врачу-диагносту, определить болезненные явления в общественном организме и дать их исчерпывающую характеристику.

Пауль Денерт, отмечая, что в литературе прошлого «только наиболее мужественные осмеливались срывать маску с действительности и... изображать людей и обстоятельства без общественных уступок и романтического обмана»⁴, к числу таких писателей относит А. П. Чехова. Творения Чехова представляются ему не только выдающимися достижениями художественного гения, но и «документами времени, знание которых безусловно полезно для диалектического толкования событий и которые должны быть изучены каждым, кто хочет судить об историческом пути, проделанном русскими людьми, из крепостных превратившихся в свободных советских граждан»⁵. Свой этюд Пауль Денерт посвящает раскрытию классической ясности и высочайшей художественности, с которой русский художник изображает общественные противоречия даже в таком маленьком своем рассказе, как «Анюта».

Рецензент «Берзенблат фюр ден дойтшен буххандель» в небольшой статье, посвященной 90-летию со дня рождения писателя⁶, особенно подчеркивает противоположность между методом А. П. Чехова и натурализмом. «Чехов — ре-

¹ Nadeshda Ludwig. Anton Pawlowitsch Tschechow, S. 4.

² A. M. Uhlmann. Anton Tschechow. Sein Leben in Bildern, S. 31.

³ Sabina Brandt. Er stellte seiner Zeit die Diagnose. Gedenktag der weltfriedenbewegung: Tschechows 50. Todestag. „Berliner Zeitung“, 15.VII.1954.

⁴ Paul Dehnert. Literatur als Dokument. Eine Tschechow-studie. „Die Neue Gesellschaft“, 1949, N. 10, S. 760.

⁵ Там же.

⁶ Dichter des Volkes—Kritiker der Gesellschaft. Zum 90. Geburtstag Anton Tschechows. „Börsenblatt für den deutschen Buchhandel“, 28 Januar 1950, N. 4, S. 36.

лист, — говорится в статье. — Он пылко выступал против буржуазного натурализма, который подражает одним только внешним жизненным явлениям, в то время как Чехов... видел и обобщал общественные связи»¹.

Немецкие литературоведы восхищаются тем, насколько широко чеховское творчество, особенно зрелого периода, охватывало русскую жизнь его эпохи². Они подчеркивают проявившуюся уже в юности способность писателя в отдельном явлении увидеть общие, типические пороки мрачной, реакционной поры, которой дал свое имя Победоносцев³.

Статьи о Чехове совершенно справедливо выделяют такие особенности стиля его рассказов, как предельная сжатость, точность и насыщенность, сознательно деловой и внешне даже как бы бесстрастный тон, подчеркивающий обычность, повседневность, жизненность изображаемого и в то же время заставляющий читателя особенно остро почувствовать чужое страдание. В некоторых случаях делаются попытки раскрыть многообразие функций юмора и иронии как в отдельных произведениях, так и в творчестве писателя в целом. На основании своих наблюдений над стилем ряда рассказов Н. Людвиг и А. М. Ульман делают выводы о новаторском характере не только содержания, но и формы его выражения в прозе А. П. Чехова.

Томас Манн, подробно разбирающий идейные и художественные достоинства таких рассказов, как «Палата № 6», «Мужики», «Скучная история» (произведение, которым он дорожит больше всего⁴), подчеркивает, что пора-

¹ Dichter des Volkeskritiker der Gesellschaft. Zum 90. Geburtstag Anton Tschechows. „Börsenblatt für den deutschen Buchhandel“, 28 Januar 1950, N. 4, S. 36.

² «В рассказах и пьесах девяностых годов и первых лет нового столетия отразились почти все стороны тогдашней русской жизни, — пишет Н. Людвиг, — за исключением революционного движения, воздействие которого было заметно только в более светлом и оптимистическом настроении» (N. Ludwig. Anton Pawlowitsch Tschechow, S. 19).

³ Проблема типического у Чехова, пожалуй, наиболее интересно раскрыта А. М. Ульманом в главе «Одна из знаменитейших фигур сатирической литературы мира» ранее упоминавшейся книги, хотя самый термин «типический» здесь не употребляется.

⁴ «Это совершенно необыкновенная, чарующая вещь, во всей литературе не сыскать ничего похожего на нее», — пишет Т. Манн о «Скучной истории» (Т. Манн. Чехов. «Новый мир», 1955, № 1, стр. 218).

зительное мастерство А. Чехова заставило его понять преимущества «малой формы» перед монументальным повествованием, почувствовать, «какую внутреннюю меру, в силу гениальности, могут приобрести краткость и лаконичность, с какой сжатостью, вызывающей, быть может, самое большое восхищение, эти маленькие вещи вбирают в себя полноту жизни, достигая эпического величия. По своей художественной интенсивности они превосходят великие творения большого объема, которые порой неизбежно теряют темп и становятся почтительно-скучными»¹.

Вопросы стиля чеховских пьес в современном немецком литературоведении затронуты в меньшей степени, хотя и здесь можно найти отдельные интересные наблюдения как в литературоведческих статьях, так и в некоторых рецензиях на спектакли русского драматурга².

* * *

Современное немецкое литературоведение всемерно подчеркивает неувядаемую молодость чеховского творчества. «Половина столетия прошла со дня смерти Чехова, — писал Эбергард Вольфграмм в связи с юбилеем писателя в 1954 году. — И при богатстве содержания этих десятилетий поражает, насколько живым остался Антон Павлович Чехов в своих произведениях»³.

Надо думать, что столетие со дня рождения А. П. Чехова, которое немецкие литературоведы готовятся широко отметить, вызовет к жизни новые интересные работы о творчестве великого русского писателя, что будет еще одним доказательством растущего мирового значения А. П. Чехова.

¹ Т. Манн. Чехов. «Новый мир», 1955, № 1, стр. 212.

² См., например, уже упоминавшуюся рецензию в «Зонитар» № 45 за 1954 год.

³ Eberhard Wolfram. Tschchow und die Deutschen. „Neue Deutsche Literatur“, 1954, N. 7, S. 114.

О. Д. ТЕПЛИНСКАЯ

АНГЛИЙСКАЯ ПРЕССА О ЧЕХОВСКИХ СПЕКТАКЛЯХ В ПОСТАНОВКЕ МХАТ

(Гастроли МХАТ в Лондоне. Май, 1958 г.)

Творчество А. П. Чехова давно уже завоевало всемирное признание. Во многих странах знают и ценят замечательные произведения великого русского писателя. Достаточно показательно в этом отношении все возрастающее число переводов книг Чехова.

«По неполным данным ЮНЕСКО за 1948 — 1955 гг. в различных странах мира было осуществлено 305 переводов произведений знаменитого русского писателя...»

Рассказывая об изданиях переводной литературы, журнал «Курьер ЮНЕСКО» писал:

«...Наибольший успех в послевоенный период выпал, видимо, на долю Чехова: он занял первое место по числу вновь переведенных произведений»¹.

Особенно популярна драматургия Чехова. «Чехов написал немного пьес, но они вошли в золотой фонд не только отечественной, но и мировой литературы. Вот уже десятки лет его пьесы не сходят со сцен многих театров мира. Достаточно сказать, что, по далеко не полным данным, за последние несколько лет пьеса «Три сестры» была поставлена в 20 странах, «Дядя Ваня» — в 16, «Вишневый сад» — в 15, «Чайка» — в 14 странах»².

¹ Н. Михайлов. Хранить и развивать славные традиции. «Известия», 1958, 11 мая.

² Там же.

Взросший интерес к Чехову не мог не найти отклика и в Англии.

Английский писатель Альфред Копнард, приветствуя Второй съезд советских писателей, заявил: «Вот уже сорок лет рассказы и пьесы Чехова оказывают влияние на английский роман и новеллу, глубоко воздействуют на английский театр»¹.

Интерес к творчеству Чехова в Англии возрастает с каждым годом. Это находит отражение прежде всего в той полемике, которая ведется сейчас в английском литературоведении вокруг так называемой «чеховской легенды», согласно которой Чехов представляется художником, равнодушным к общественной борьбе своего времени, воссоздающим неясные, смутные настроения безвольных людей и т. д.

За последнее время в Англии появилось несколько книг, свидетельствующих о стремлении прогрессивных английских исследователей по-новому подойти к оценке произведений Чехова².

Интересно, что книга Рональда Хингли о Чехове, вышедшая в 1950 г. в Лондоне, прямо начинается со следующего полемического утверждения:

«Почти каждый, кто пишет сейчас о Чехове, должен начать с протеста против укоренившегося мнения, которое можно выразить такими фразами: «кроткая страдающая душа», «мудрый наблюдатель с тоскующей улыбкой и больной душой».

Чехов, если поверить его исследователям, был равнодушным пессимистом, измученным, кроме всего прочего, сознанием тщетности жизни»³.

Однако с традициями «чеховской легенды» бороться оказалось не так-то просто. И при постановке чеховских спектаклей на Западе чаще всего стремились «создать впечатление мрачной подавленности», как писал театральный обозреватель газеты «Таймс»⁴.

¹ «Литературная газета», 1954, 16 декабря.

² См. рецензии: А. Наркевич. Опровержение легенды. О Чехове в Англии. «Литературная газета», 1954, 15 июля и Б. Гиленсон. Новые английские работы о Чехове. «Вопросы литературы», 1958, № 7.

³ Ronald Hingley. Chekhov. A biographical and critical study. London, 1950.

⁴ Оссия Трианинг. МХАТ или «волшебники, создающие правду». «В защиту мира», июнь, № 85, стр. 69. См. также статью А. Альтшуллера. А. П. Чехов на зарубежной сцене. «Театр», 1954, № 7.

Ошибочность этой традиции стала для многих англичан особенно ясной после гастролей Московского Художественного академического театра в Лондоне.

Как известно, МХАТ принадлежит большая заслуга не только в популяризации чеховской драматургии, но и в установлении правильной трактовки пьес великого русского писателя. Вот почему с таким интересом было встречено в Англии известие о готовящемся весной 1958 г. приезде МХАТ в Лондон. Интерес этот был вызван тем, что в гастрольном репертуаре театра из четырех пьес три принадлежали Чехову. Это были «Три сестры», «Дядя Ваня», «Вишневый сад». На страницах английских газет все чаще замечалось слово «Чехов».

Чехов — современный писатель в Англии, и одна из причин постоянно растущего интереса англичан к Чехову была хорошо вскрыта Л. Никулиным, который в одной из недавних статей («Спор о Чехове») писал:

«Летом 1958 года мне довелось быть в Англии и мои недавние собеседники рассказывали, что сейчас у них в стране происходит нечто подобное тому, что они видели на сцене, в пьесе «Вишневый сад». Пустеют усадьбы, парки, сады, которые охраняла строгая надпись „private“ (частное), усадьбы, переходившие из рода в род. Их покупают богатые американцы или компании, которые содержат отели для туристов».

В этой же статье Л. Никулин замечает: «Споры о Чехове с особой силой разгорелись после гастролей Московского Художественного театра в Лондоне»¹.

Споры начались еще до гастролей.

«Задолго до нашего приезда, — пишет директор МХАТ А. Солодовников, — в прессе велась полемика по поводу закономерности нашей, советской трактовки Чехова, раскрывающей жизнеутверждающий характер творчества писателя и его оптимистический взгляд на будущее России. Западный же театр воспринял и до сих пор культивировал одностороннее, а потому неверное суждение о Чехове. Его представляли писателем сентиментальным, безвольным, сумрачным, певцом тоски по уходящему миру. Сценические портреты чеховских героев являли на Западе смесь благородства и эксцентричности. Душевный излом и истеричность были их неизменными качествами, и сами они

¹ «Иностранная литература», 1959, № 2, стр. 213.

считались, по признанию газеты «Обсервер», «уродами, загнанными в трагический тупик»¹.

Как же проходили гастролы МХАТ в Лондоне?

Чрезвычайно теплый прием, который встретил МХАТ в Англии, объясняется прежде всего огромным интересом к нашей стране и ее культуре среди самых широких слоев англичан.

Нельзя, впрочем, сказать, что к нашим артистам было проявлено во всех случаях внимательное отношение со стороны некоторых официальных лиц. Это выразилось, в частности, в том, что самолет, на котором прибыли советские артисты, не был принят на Центральном аэродроме в Лондоне. Коммунистическая газета «Дейли уоркер» по этому поводу писала:

«К вечному стыду Британии надо сказать, что, когда ТУ-104 приземлился на Эссекском аэродроме, в лесной глуши, его не встретил никто из представителей кабинета министров, а правительство консерваторов притворилось, что оно не осведомлено о существовании МХАТ.

Эти действия подтверждают, что нынешнее правительство нашей страны не желает знакомиться ни с чем хорошим, что идет из Советского Союза.

Они бы даже закрыли глаза на существование последнего спутника, если бы они смогли это сделать»².

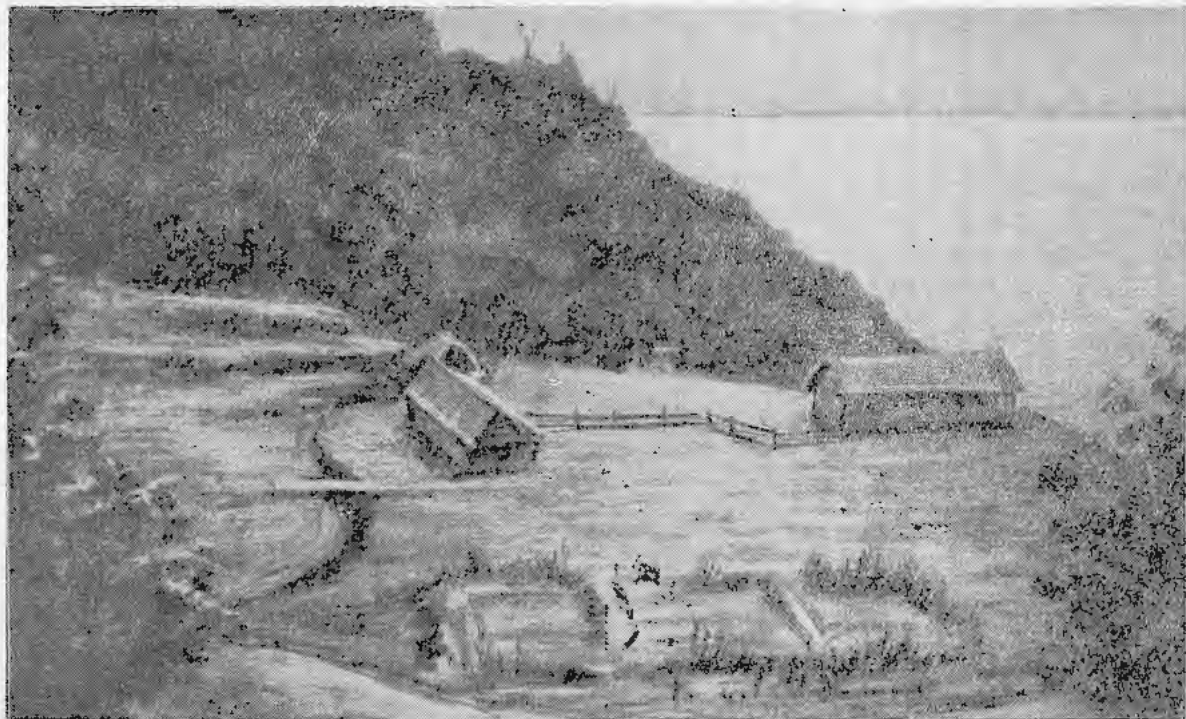
Но отношение официальных кругов никак не соответствовало, разумеется, тому восторженному приему, который оказали английские зрители советскому театру. Случилось то, чего, собственно говоря, и боялись защитники «холодной войны». Гастролы советского театра в Лондоне наглядно свидетельствовали о насущной необходимости смягчения международной обстановки. Об этом с достаточной определенностью писала даже такая буржуазная газета, как «Дейли телеграф»:

«Такие события, как спутник, так и приезд Московского Художественного театра, заставляют нас думать, что коммунизм — это не просто варварство, заставляют нас думать опять об основных спорных вопросах между двумя частями мира»³.

¹ А. Солодовников. Победа реалистического искусства. «Правда», 1958, 1 августа.

² «Daily Worker», 1958, 19 may.

³ «Daily Telegraph», 1958, 12 may.

Сахалин. Восподская падь. Остатки фундамента Воеводской тюрьмы. Рис. С. М. Чехова.

Какова же была оценка английской печати чеховских спектаклей в постановке МХАТ? Что особенно бросалось в глаза английским критикам? Что они выделяли на первый план?

Подчеркнутый оптимизм чеховских спектаклей, что было полной противоположностью традиционным английским постановкам пьес великого русского драматурга.

Мхатовские спектакли дали возможность прогрессивным критикам говорить о превосходстве чеховской драматургии, характеризваемой верой в человека, по сравнению с некоторыми английскими пьесами, исполненными бесконечного разочарования и пессимизма. Сем Рассел в газете «Дейли уоркер» писал:

«Чехов намного оптимистичнее многих современных британских драматургов... Я видел пьесы Джона Осборна «Развлечение», «Цветущая вишня» и «Дом у озера». Все эти пьесы пессимистичны, и пессимизм выражается в том, что силы судьбы определяют погибшую жизнь.

Ничего подобного нет у Чехова. В «Трех сестрах», например, Тузенбах умирает, а Ирина идет работать, в «Вишневом саду» Раневская теряет все, а ее дочь в конце пьесы прощается со старой жизнью и приветствует новую»¹.

Автор другой статьи в «Дейли уоркер» — Майк Мисон — вспоминает слова В. И. Немировича-Данченко о том, что Чехов вовсе не является певцом печали. «Если вы думаете обратное из-за традиционной английской трактовки, — пишет Мисон, — идите и посмотрите «Вишневый сад», и ваше представление полностью рассеется»².

Нельзя сказать, что исполнение пьес Чехова советским театром было безоговорочно принято всеми органами английской прессы. Так, например, консервативная газета «Таймс» была явно недовольна тем новым пониманием чеховской драматургии, которую предложил МХАТ.

Любопытно отметить, что автор статьи в газете «Таймс» (статья называлась «Их Чехов и наш. Уроки Московского Художественного театра») в противоположность большинству английских критиков придерживается той точки зрения, что традиционные английские постановки Чехова вовсе не являются ошибочными или неверными:

¹ „Daily Worker“, 1958, 28 а.

² „Daily Worker“, 1958, 17 may.

«Московские постановщики трех главных чеховских пьес авторитетно утверждают, что эти пьесы являются работой могучего реалистического поэта, пишущего для недалекого будущего с уверенной надеждой, которая оказалась пророческой.

Это русское понимание драматургии, которую мы никогда не считали простой для восприятия, естественно, представляет для нас большой интерес. Но прежде, чем принимать это толкование на веру, нам нужно убедиться в том, что нового Чехова, предложенного его соотечественниками, следует предпочесть тому, которого мы пытались создать для себя. Наши режиссеры рассматривали этого драматурга как объективного художника, для которого жизнь есть просто жизнь — бесконечно сложная, трогательная и забавная, повод для удивления, слез, вздохов и смеха, но не для нравоучительных суждений.

Предположение, что это отношение к Чехову вызывается английской сентиментальностью, едва ли обосновано: наши самые удачные постановки унаследованы от Федора Коммиссаржевского, который, в свою очередь, заимствовал свои идеи от современного ему Московского Художественного театра...

Мы старались представить действующих лиц чеховских пьес как мужчин и женщин, для которых их мечты о невообразимо прекрасном будущем являются иллюзиями. Эти иллюзии, лишённые силы действительных стремлений, облегчают для них пребывание в трагикомическом состоянии ничегонеделанья. Достигнутые впечатления покоятся на поэтическом смешении нежного и эксцентричного.

И именно потому, что стремления действующих лиц неопределенны и, возможно, неопределимы, мы испытываем беспомощное сочувствие по отношению к ним. Мы смеем думать, что наша собственная жизнь по сравнению с их жизнью деятельна и целенаправленна, но все же мы не можем не узнать в эмоциональной жизни, которую Чехов делает для нас понятной, необычайно убедительного воплощения наших собственных скрытых стремлений, ищущих опоры и выражения.

И сила желания действующих лиц поднимает их страдания до поэтической напряженности, а они всегда стремятся к недостижимому.

Кое-кто почувствует, что даже обаяние чеховских пьес, особенно «Вишневого сада», прекрасно поставленных, что-

бы соответствовать советской интерпретации Чехова, представленного в качестве выразителя предвзятых идей, полностью не примиряет зрителей с утратой привычной чеховской атмосферы. Зритель не может не заметить, что некая мадам Раневская, не обладающая ни беспомощностью, ни привлекательностью, чтобы оправдать ее бездействие в то время, как через ее голову продается ее имение, может показаться глупой матроной; что некий Лопухин, который вполне вытеснил из своей натуры раба, поставлен в невыгодное положение в сцене его пьяного торжества в качестве нового владельца вишневого сада; и что некий Трофимов, подчищенный, чтобы выразить самоуверенные надежды молодого поколения, спотыкается на трудностях, поставленных на его пути драматургом всякий раз, как он пытается осуществить свою «миссию».

Конечно, чеховские пьесы могут быть истолкованы по-разному, и мы с большой пользой для себя можем изучать те изменения, которые внесены Московским Художественным театром без необходимости радикального пересмотра нашего отношения к его драматургии¹.

Но если консервативная газета «Таймс», тоскуя о «привычной чеховской атмосфере», не дает определенного ответа на вопрос о том, кто прав в споре о Чехове, то другие газеты выступили более решительно, признавая превосходство мхатовской трактовки «Вишневого сада», трактовки, учитывавшей всю сложность психики и поведения действующих лиц в полном соответствии с замыслом Чехова и обновляющей традиционное в Англии понимание чеховской драматургии. Так, обозреватель газеты «Обсервер» Кенаф Тинал в статье, остроумно названной им «Московский веник», пишет:

«Самое важное в отношении постановки Московским Художественным театром «Вишневого сада» это то, что он снимает паутину с пьесы. А кто ее натянул?»²

Нечто подобное писал и Роберт Райт в газете «Стар»:

«Ясно, что русские понимают Чехова отлично от нас. Для них он не является поборником апатии и печали, а является писателем проникающего юмора, который преподносится с особым талантом и энергией»³.

¹ „The Times“, 1958, 30 may.

² „The Observer“, 1958, 18 may.

³ „Star“, 1958, 16 may.

Почти все критики отмечали более глубокое, оригинальное и вместе с тем исторически правдивое истолкование пьес Чехова советскими артистами.

Только после мхатовских спектаклей нам стал ясен подлинный Чехов, стал ясен жизнеутверждающий характер его творчества — таков общий вывод из многих критических статей, опубликованных в английской печати во время пребывания МХАТ в Лондоне.

«МХАТ ставит Чехова с глубоким пониманием игры эмоций и значения реальности, чего никогда не было достигнуто в наших театрах», — пишет Молли Хобман¹.

«Чехов ни сентиментален, ни сделан средством пропаганды, — делает вывод из мхатовских спектаклей Петер Робертс. — Впервые он представлен таким, каким он есть на самом деле, без ловких приемов для возбуждения глупцов»².

Такие же мысли высказывал и Гарольд Конвей:

«Чехов изобразил конец праздной социальной эры на повороте истории его страны. Москвичи расследовали сущность этой картины. Они дали нам комедию без карикатуры, немного печальную, без сентиментальности»³.

Подобных отзывов можно было бы привести значительно больше.

В известной степени итоги критических отзывов о чеховских спектаклях во время лондонских гастролей МХАТ подвел английский публицист Ральф Паркер в статье, опубликованной в московском журнале «Советская женщина» (издание на английском языке⁴):

«Спектакли «Вишневый сад» и «Три сестры» привели к переосмыслению Чехова. И так как Чехов многое мог сделать для понимания русского характера, то создавшееся у англичан установившееся представление о русском национальном характере неизбежно должно было также измениться.

Мы, англичане, всегда очень любили Чехова, но после представления «Вишневого сада» наши самые проница-

¹ „Oxford Mail“, 1958, 17 may.

² „Plays and players“, 1958, June.

³ „Daily Sketch“, 1958, 16 may.

⁴ „Soviet Woman“, 1958, № 7. В издании журнала «Советская женщина» на русском языке статья Паркера отсутствует.

тельные критики должны были допустить, что мы переделали чеховские пьесы в своем представлении так же сильно, как немцы переделали «Гамлета». Так, например, Кеннеф Тинап писал в газете «Обсервер», что наш «Вишневый сад» является жалкой патетической симфонией, которая исполняется в духе элегии. Мы вкладываем в нее тоску по родине, которая проходила как раз через нашу культуру, но является чуждой чеховским пьесам. По мнению этого критика, семья мадам Раневской не является старорежимной, обреченной на угасание с трогательной шуткой на губах. «Это реальная семья, непостоянная, вероятно, и безответственная, но по существу нормальная, не обреченная на гибель»... А что сказать о Трофимове, вечном студенте, с его мечтами о преобразовании России? Английская традиция делала его длинноволосым глупцом, которого никто, вероятно, не мог принимать серьезно. Но даже царский цензор, как напоминают наши критики, принял Трофимова достаточно серьезно, чтобы вычеркнуть несколько самых критических фраз из его роли. И в Трофимове, которого мы видели в исполнении М. Губанова, зрители узнали молодого человека, который в реальной жизни, вероятно, принимал участие революции 1917 года.

Один из наиболее важных уроков «Вишневого сада», который извлекает сейчас Лондон, является правильное понимание причин популярности Чехова в Советском Союзе. Эта популярность не является приметой какого-то глубоко укоренившегося желания ориентироваться на прошлое у современных советских людей, как нам намекали некоторые предубежденные критики. Подобное неправильное представление основано на абсолютно неверной идее, что московские постановки чеховских пьес похожи на традиционные английские спектакли. Харольд Хобсон, известный критик «Санди таймс», очень удачно выразил эту мысль:

«...Британские постановки — в стране, красота которой разрушается промышленной революцией — опечалены мыслью о бесполезных вишневых деревьях, которые вырубают ради доходных дач; русский же спектакль передает радость. Британские постановки оплакивают исчезновение старого порядка в образе мадам Раневской; русский спектакль радуется приходу нового в лице Лопухина. В Англии Чехов ассоциируется со старым, бесполезным, уходящим в

прошлое; в России — с молодым, оптимистичным, побеждающим»¹.

Для суждений о росте мирового значения Чехова большой интерес представляют не только высказывания английских театральных критиков, но и письма простых зрителей, полученные театром во время его лондонских гастролей. Именно в этих письмах и выражена мысль, что чеховские пьесы, поставленные МХАТ в Англии, есть не только великое культурное, но и политическое дело.

Вот отрывки из писем, полученных театром:

«Как вы хорошо знаете, мы в Англии очень любим вашего (позвольте мне сказать — вашего) Чехова. И для меня был удивительный опыт — видеть эти замечательные пьесы так хорошо сделанными».

«Спасибо за все, что ваша труппа делает для международного согласия. Надеемся, что мир будет. Об этом после «Вишневого сада» мы говорили с кучером автобуса и двумя другими зрителями»².

Такие письма — лучшая оценка и Чехова и его замечательного истолкователя — Московского Художественного театра.

И для нас чрезвычайно важно, что великий русский писатель и драматург Антон Павлович Чехов и сегодня своими гениальными произведениями участвует в великой борьбе за свободу, счастье и мир.

¹ The Moscow Art Theatre in London. By Ralph Parker. „Soviet Woman“. 1958, N. 7, P. 4.

² А. Солодовников. Победа реалистического искусства. «Правда», 1958, 1 августа.

А. П. ЧЕХОВ НА САХАЛИНЕ

И. Г. ЭРЕНБУРГ

САХАЛИНСКАЯ СТРАНИЦА

В конце 1889 года Чехов решил совершить чрезвычайно трудное в те времена путешествие на Сахалин. Некоторые друзья его отговаривали. Антон Павлович в письмах не мог (или не хотел) объяснить, чем вызвано его решение; он отшучивался, говорил, что хочет преодолеть свою лень, иногда напоминал, что он — врач и в долгу перед медициной.

Чехов побывал на Сахалине, вернулся, а критики продолжали строить догадки: одни уверяли, что писатель, слышавший среди либеральной интеллигенции «беспринципным», устыдился и решил пойти по правильному пути, другие язвительно утверждали, что автор веселых рассказов «ищет нездоровой популярности».

Со времени поездки Чехова на Сахалин прошло семьдесят лет, и вот до сих пор литературоведы по-разному толкуют мотивы, побудившие Антона Павловича отправиться на остров каторги. Некоторые считают, что это путешествие было связано с кризисом в литературной работе: незадолго до поездки Чехов писал друзьям, что он недоволен своими рассказами и повестями. Другие, называя поездку на Сахалин подвигом, говорят, что Антон Павлович терзался от ощущения своей общественной бездеятельности.

Мне кажется, что поездка на Сахалин не расходится с жизнью Антона Павловича, она входит в его биографию, в его творчество. Может быть, и «Остров Сахалин», и то, чего Чехов не написал о своей поездке, лучше многого

другого объясняют нам как душевную природу Антона Павловича, так и его отношение к искусству.

Слово «гуманист», как и многие другие слова, подверглось инфляции: его так часто произносили, что оно потеряло свою ценность. Действительно, если всю русскую литературу XIX века в любой статье определяют как гуманистическую, то вряд ли читателя удивит, что я назову Чехова писателем-гуманистом. Между тем это определение куда более подходит к нему, чем ко многим великим писателям прошлого столетия. Для Антона Павловича литература была прежде всего защитой человека и защитой в человеке человеческого. В 1898 году, споря с Сувориным по поводу дела Дрейфуса, он говорил: «...Дело писателя не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание... Обвинителей, прокуроров, жандармов и без них много, и во всяком случае роль Павла им больше к лицу, чем Савла». Именно такое понимание роли писателя продиктовало Чехову поездку на Сахалин.

Конечно, Чехов менялся, духовно рос; но мне кажутся искусственными попытки некоторых биографов разделить облик писателя на различные периоды — до и после письма Григоровича (1886 год); до и после поездки на Сахалин. Одна из самых потрясающих повестей Чехова «Скучная история» написана до сахалинской поездки, в 1889 году. Одно это опровергает рассуждения о том, что 1889 год был годом кризиса, сомнений, неудач. Правда, в 1889 году Чехов говорил о себе: «...ни одной строчки, которая в моих глазах имела бы серьезное литературное значение». Но такие же признания можно найти в письмах Чехова и до 1889 года, и после поездки на Сахалин: они говорят о скромности Антона Павловича, о его постоянной неудовлетворенности собой. Что касается «перелома» в творчестве Чехова, связанного с поездкой на Сахалин, то и он мне представляется условным.

«Рассказ неизвестного человека» Антон Павлович начал писать до поездки на Сахалин — в 1887 г. — и не дописал, бросил; он вернулся к нему в 1891 году. «Рассказ неизвестного человека» как бы продлевает «Скучную историю»: Зинаида Федоровна ищет правды, смысла жизни, «общей идеи», а неудачливый террорист, как и старый профессор, не знает, что ответить на поставленные прямо вопросы.

Иные критики уверяли, что Сахалин раскрыл глаза Чехову на несправедливость общественного строя, на пороки царской России. Конечно, Чехов увидел на Сахалине многое из того, что он знал только по книгам или о чем догадывался; но «перелома» здесь не было. Обычно, обличая, Антон Павлович снисходителен (даже к «человеку в футляре»). Пожалуй, из всех его рассказов, показывающих социальные противоречия, наибольшей резкостью отличаются «Враги» и «Княгиня», оба они написаны до Сахалина — первый в 1886 году, второй — в 1888.

Рассказывая Суворину о своем намерении поехать на Сахалин, Антон Павлович говорил: «Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников, и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это неинтересно». Совершенно ясно, что не зрелище каторги разбудило совесть Антона Павловича, а что взыскательная совесть привела его на Сахалин.

Над книгой о Сахалине Чехов работал долго — с начала 1891 года по середину 1893; одновременно он написал много значительных произведений: «Дуэль», «Бабы», «Гусев», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека» и другие. Антон Павлович говорил, что работа над книгой о Сахалине была для него трудной: «Я долго писал и долго чувствовал, что иду не по той дороге, пока, наконец, не уловил фальши. Фальшь была именно в том, что я как будто кого-то хочу своим «Сахалином» научить и вместе с тем что-то скрываю и сдерживаю себя. Но как только я стал изображать, каким чудачком я чувствовал себя на Сахалине и какие там свиньи, то мне стало легко, и работа закипела...»

Больше всего Чехов боялся фальши, аффектации, проповеди. Его книга «Остров Сахалин» скорее труд медика, нежели очерки художника. Он выбросил из нее все, что казалось ему театральным, исключительным. Он встретил некоторых каторжников, героев громких судебных процессов из верхов петербургского общества, судьба которых интересовала современников, но ничего про них не написал.

Он рассказал просто, порой сухо, с цифрами, о том, что увидел, о бесчеловечности тюремщиков, о наказании плетьюми, о трагической судьбе детей каторжников, о медленной смерти ссыльных. В книге есть глава «Рассказ Егора», которая могла бы стать новеллой, но и здесь Чехов сознательно ограничивал себя: боялся художественным раскрытием героя поставить под сомнение документальный характер «Острова Сахалина».

Когда говорят о художественных произведениях Чехова и о значении для него поездки на Сахалин, обычно припоминают страшную ночь в Дуэ, горькие мысли каторжника Якова Иваныча, который глядит на «бледные огни парохода» и «видит темноту, дикость, бессердечие и тупое, суровое, скотское равнодушие людей» («Убийство»); вспоминают чудесный рассказ «В ссылке», милого и доброго каторжника-татарина, похожего на мальчика, его горячие слова: «Бог создал человека, чтоб живой был, чтоб и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, значит, ты не живой, а камень, глина!». Да, но это двенадцать страниц из двенадцати томов... Неужели этим ограничивается роль Сахалина в творчестве Чехова?

Антон Павлович многое увидел на острове каторги. Книга «Остров Сахалин» сыграла ту роль, которую ей предназначал автор: свидетельство врача, журналиста, гражданина; она произвела огромное впечатление на просвещенные круги России. Царское правительство вынуждено было направить на Сахалин несколько специалистов, пошло на некоторые изменения в положении каторжан и ссыльных. Никто не скажет, что «Остров Сахалин» написан «лучше» или «ярче», чем художественные произведения Чехова, и если названная книга привела к хотя бы небольшим, но реальным переменам в жизни тысяч людей, тогда как никто не может определить конкретных, зримых перемен в русском обществе конца XIX века благодаря «Скучной истории» или «Палате № 6» и повести «В овраге», то это объясняется разностью воздействия публицистики и искусства.

Публицистика посвящена действиям людей, социальным порядкам, явлениям общественной жизни, она указывает на недостатки, которые могут быть исправлены. Искусство раскрывает внутренний мир людей; его воздействие куда глубже, но четкому учету это воздействие не под-

Селеніе п. Александровск

Дворъ № 4 перевода через р. Александрову

Званіе ссылаторный

Имя, отчество, фамилія, отношенія къ хозяину:

Василий Игнатьевич
(Красивый)

Лѣта 65

Въ роисповѣданіи православ.

Гдѣ родился

Съ какого года на Сахалинѣ —

Главное занятіе перевозчикъ

Грамотенъ. неграмотенъ, образованъ

Женатъ на родинѣ, на Сахалинѣ, вдовѣ, холостъ

одинока

Получаетъ ли пособіе отъ казны? Да, нѣтъ.

Чѣмъ болѣнъ.

Одна из карточек, заполненных А. П. Чеховым во время предпринятой им переписи населения Сахалина. О встрече с ссыльно-каторжным Василием Игнатьевым (по прозвищу «Красивый») Чехов подробно рассказывает в своей книге «Остров Сахалин» (X, 45—47).

дается, ибо искусство меняет не порядки, а людей, устанавливающих порядки.

О том, что Чехов увидел на Сахалине, мы можем судить по его документальной книге; о том, что он пережил во время своего путешествия, мы можем только догадываться. Он писал Суворину через десять дней после своего возвращения в Москву: «До поездки «Крейцерово соната» была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой. Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошел...» Один из друзей Антона Павловича, литератор Щеглов, рассказывал, что характер Чехова после поездки изменился, стал мягче, серьезней. Когда Щеглов об этом сказал Антону Павловичу, тот ответил: «Да, много чего я там насмотрелся... много чего передумал!»

Щепкина-Куперник вспоминала, что Антон Павлович часто видел во сне страшные картины каторги, наказание плетьюми, и в ужасе просыпался. Понятно, что Сахалин вошел в мир Чехова, и человека, не задумавшегося над подходом Антона Павловича к искусству, может поразить, почему писатель не оставил нам ряда повестей и рассказов, основанных на том, что он увидел во время своей поездки.

Есть немало писателей, которые ездят, как они говорят, «за материалом»; появился даже неологизм «творческая командировка». Я не собираюсь осуждать тот или иной подход писателя к литературной работе: читатель судит не по методу, а по результатам. Я хочу только пояснить, что понятие «творческой командировки» или «творческих путешествий» не входило в душевный мир Чехова-художника. Он написал о Сахалине книгу, лишенную элементов беллетристики: каторгу увидел честный врач и человек, обладающий обостренной совестью.

Для того, чтобы еще яснее подчеркнуть отношение Антона Павловича к его писательской работе, я сравню его не с одним из анонимных обладателей творческих командировок, а с большим французским писателем, современником Чехова, Эмилем Золя.

Антон Павлович, восхищаясь общественной деятельностью Золя во время процесса Дрейфуса, не любил его как писателя, хотя и признавал его талант. Золя бесспорно оказал большое влияние на развитие социального современного романа. Если говорить о содержании предприя-

той и осуществленной им серии романов, то прежде всего следует признать, что он первый показал в художественной литературе рабочих и борьбу пролетариата. Он читал с увлечением Карла Маркса, беседовал с вождем французской рабочей партии Гедом. Если коснуться формы его романов, то Золя был подлинным новатором: он переносил действие из одного места в другое, сменял массовые сцены крупными планами, предвосхищая монтаж кино. Для своей работы он прибегал к иным методам, нежели Чехов. Золя решал, что напишет роман на такую-то тему, казавшуюся ему важной, и тотчас приступал к сбору документации.

Решив написать роман о великосветской проститутке Нана, Золя (человек, в своей частной жизни отличавшийся почти пуританским целомудрием) посещал притоны, публичные дома и, вызывая насмешки присутствовавших, записывал в книжечку детали незнакомого ему быта.

В феврале 1884 года Золя приступает к работе над «Жерминалем». Он направляется на север Франции, в угольный район, наблюдает забастовку горняков в Денен, спускается в шахты; материал собран, и он садится писать.

Весной 1891 года Золя едет в Седан — он решил написать «Разгром». В течение девяти дней он беседует со старожилами, обходит поля сражений и возвращается к рабочему столу с необходимой документацией.

Во время работы над романом «Земля» он проводит шесть дней в Бос, потом едет в Шартр и нанимает коляску: записная книжка, короткие остановки в трактирах; остальное он найдет в газетах и журналах, посвященных проблемам, интересующим крестьян...

Можно ли отрицать, что для Золя именно такой подход к роману был логичен? Но Чехов не довольствовался беглыми наблюдениями, он писал только о том, что знал в совершенстве; его интересовали не внешние явления, не подслушанные меткие словечки, а внутренний мир героев — он описывал незримое другим. Книга «Остров Сахалин» относится к общественной деятельности Чехова, ее можно сопоставить с защитой Эмилем Золя невинного Дрейфуса. Но если бы Золя отправился в Кайену, в этот французский Сахалин, он наверно написал бы еще один роман. Мир Золя шире мира Чехова и заселен более разношерст-

ными людьми, мир этот шире, но показан поверхностней; и никого не удивит, если я скажу, что даже во Франции влияние Чехова теперь глубже, нежели влияние Золя.

Воздействие жизни, пережитого автором, на творчество трудно проследить; и может показаться парадоксальным мое предположение, что Сахалин отразился на многих художественных произведениях Чехова, где место действия — центральная Россия, Москва, усадьбы, села, кавказское побережье и герои которых не прикованы к тачкам и не волочат кандалов.

Вскоре после возвращения с Сахалина Чехов написал повесть «Дуэль». Это история столкновения между умным, но бесчеловечным зоологом фон Кореном и расхлябанным малодушным Лаевским. Фон Корен любит прогресс и, разумеется, никак не похож на тюремных смотрителей Сахалина, в нем скорее можно увидеть предшественника будущих комендантов Освенцима или Равенсбрука. Лаевский говорит о фон Корене: «Он хлопочет об улучшении человеческой породы, и в этом отношении мы для него только рабы, мясо для пушек, выючные животные; одних бы он уничтожил или законопатил на каторгу, других скрутил бы дисциплиной, заставил бы, как Аракчеев, вставать и ложиться по барабану, поставил бы евнухов, чтобы стеречь наше целомудрие и нравственность, велел бы стрелять во всякого, кто выходит за круг нашей узкой, консервативной морали, и все это во имя улучшения человеческой породы».

Чехов считал, что автор никогда не должен показываться на сцену, протестовал, когда ему приписывали мысли и слова героев; все же чувствуется, что Антон Павлович подсказал Лаевскому столь суровую оценку фон Корена, и было это от беспокойства за судьбу человека, от ощущения всей важности внутренней душевной свободы. Может быть, после Сахалина Чехову стало особенно ясно, что такое лицемерная или же вполне искренняя попытка улучшить человеческую природу, прибегая при этом к бесчеловечным поступкам? Может быть, пережитое Чеховым на Сахалине помогло ему вскоре после зрелища каторги написать «Палату № 6»? Когда я читаю, как больничный сторож Никита бьет доктора Рагина, которого он еще недавно именовал «высокоблагородием» и который для него теперь рядовой сумасшедший, я всякий раз думаю о поездке Чехова на Сахалин.

Рассказы, повести, пьесы Чехова живы, хотя давно исчез описанный им быт — живы люди, с их радостями и терзаниями, с их тоской и надеждой. Тем и велико искусство, что чувства — не моды, и что оно куда долговечнее сменяющихся форм общества.

А книга «Остров Сахалин» представляет теперь интерес исторический. Вероятно, Антон Павлович очень удивился бы, если бы ему сказали, что через семьдесят лет после его путешествия, на Сахалине будут жить такие же люди, как в Москве, в Сумах или в Таганроге, что на острове будет издательство, которое выпустит сборник, посвященный Антону Павловичу.

Книга о Сахалине устарела, но сахалинская рана в сердце Чехова жива. Есть много мест, о которых с благоговением думают советские читатели: и дом в Таганроге, где вырос Чехов, и памятная доска на воротах в Воскресенске (Истре), где был дом, сожженный фашистами, и зеленое Мелихово, и домик в Ялте, с деревьями, посаженными Антоном Павловичем. Есть и Сахалин... Все там изменилось, но связан для нас этот остров с большими душевными муками, с возмущенной совестью Чехова, дорог нам этот далекий край не только своей новой большой жизнью, но и той школой человеческого горя, которую прошел близкий нам, дорогой нам писатель.

М. П. ЧЕХОВА

ПОЕЗДКА А. П. ЧЕХОВА НА САХАЛИН

Я могла бы написать целую книгу об общественной деятельности моего покойного брата Антона Павловича Чехова, так как я была при нем и мы вместе работали, но по необходимости должна ограничиться предоставленными мне размерами и сообщить только о его поездке на Сахалин. Это было еще в 1890 году, он был тогда молод, но горел желанием быть полезным общественным деятелем и всегда до болезни боялся, как бы кто-нибудь не узнал о том, что им

¹ Воспоминания М. П. Чеховой «Поездка А. П. Чехова на Сахалин» были написаны в конце 1920-х годов. Значение этой статьи заключается в совершенно правильном стремлении подчеркнуть активную общественную деятельность писателя и в этой связи рассматривать его известное сахалинское путешествие. Правда, в заключительной части воспоминаний М. П. Чехова несколько преувеличивает значение книги Чехова «Остров Сахалин», говоря, что благодаря писателю «ссылка на Сахалин была отменена и положение сахалинских мучеников изменилось к лучшему». В целом же статья «Поездка А. П. Чехова на Сахалин» дает совершенно правильное освещение как причин далекого путешествия писателя, так и целого ряда драгоценных для нас подробностей, связанных с подготовкой к путешествию, сборами в дорогу, поездкой через Сибирь, работой Чехова на Сахалине и т. д.

Машинописный текст статьи М. П. Чеховой с ее подписью-автографом хранится в настоящее время в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (фонд 331, к. 80, ед. хр. 40). Впервые она была опубликована в журнале «Красная панорама» (1929, № 28, стр. 10—11) с некоторыми исключениями и незначительной редакционной правкой.

В нашем сборнике статья М. П. Чеховой публикуется полностью по машинописному тексту, хранящемуся в библиотеке им. В. И. Ленина.

было сделано в этом отношении. Так он держал себя до самой смерти, а когда умер, то выяснилось, при каких ужасных условиях старого режима он строил школы, почтовые отделения, хлопотал о проведении шоссе, об устройстве народных домов, заведовал санитарным участком, вел борьбу с голодом и холерой и т. д. Только теперь стали оценивать общественную деятельность писателя, а тогда только и слышал он со всех сторон: «Пессимист вы, Антон Павлович!» А этот пессимист принимал у себя в усадьбе ежегодно свыше тысячи человек больных крестьян, совершенно бесплатно, да еще снабжал каждого из них лекарствами. Я неизменно исполняла при нем роль фельдшерицы и перевязывала раны.

Итак, весной 1890 г. он собрался на Дальний Восток. Тогда ходили слухи о тяжком положении ссыльно-каторжных на острове Сахалине. Возмущались, роптали, но тем и ограничивались, и никто не предпринимал никаких мер. О правительстве нечего было и говорить. Молодой и пылкий, Антон Павлович не мог сидеть и спать спокойно в то время, когда знал, что в ссылке мучаются люди. Он сразу решил ехать. Как сейчас помню, как загорелись глаза у всех членов нашей семьи и как все были горды тем, что Антоша затеял такую серьезную работу. Одна покойница мать скорбела, но старалась не показывать своей печали и весело участвовала в сборах. Закипела работа, все стали помогать будущему путешественнику, кто чем мог. Мне назначена была работа ходить в тогдашнюю Румянцевскую библиотеку и списывать там из разных источников статьи, касавшиеся о. Сахалина и ссыльных. Много и терпеливо я писала, пришлось даже привлечь к этому делу подруг. Отец и братья тоже не сидели сложа руки, а исполняли то те, то другие поручения писателя.

Подготовительная работа, продолжавшаяся несколько месяцев, наконец, окончилась. Были куплены: кожан, револьвер, финский нож и разные другие, быть может, и вовсе ненужные вещи. Брат Миша купил ему чемодан, оказавшийся в дороге непрактичным, благодаря своей громоздкости, и замененный Антоном Павловичем, кажется, в Иркутске, плоской, кожаной «стервой», на которой в тарантасе можно было спать. Чемодан же Антон Павлович «сослал на поселение в Сибирь», т. е. навсегда оставил в Иркутске (см. его письма того времени).

Сахалин. Камень Чехова близ селения Палево. По преданию А. П. Чехов отдыхал на этом камне.
Рис. С. С. Чехова.

В сущности говоря, это было отчаянное и весьма рискованное путешествие. Железной дороги через всю Сибирь тогда еще не было и надо было ехать на лошадях. Ввиду отсутствия там транспортных средств, Антону Павловичу пришлось купить свой собственный тарантас и затем продать его за бесценок где-то уже на Амуре. Выехал он из Москвы 20-го апреля. Начиналась весна. Чтобы увидеть Волгу, он отправился с Ярославского вокзала, куда собрались провожать его все родственники и знакомые. Позже всех приехал на вокзал д-р Д. П. Кувшинников, который привез с собой дорожную фляжку коньяку и повесил ее Антону Павловичу через плечо с приказанием выпить коньяк только на берегу Великого океана, что писателем и было выполнено в точности. Печальных лиц не было, все сочувствовали великому делу, предпринятому путешественником и приветствовали его. Когда отошел поезд, то я нежно обняла мать и только тут мы обе поняли, что расстались с нашим дорогим и приветливым Антошей очень надолго, и обе загрустили. Только его чудесные письма с дороги давали нам бодрость и надежду на его благополучное возвращение обратно.

По дороге в Сибирь Антон Павлович застал еще зиму, а затем наступили распутица и половодье. Он не догадался переменить валенки на сапоги, промочил ноги и простудился до кровохарканья. Вероятно, уже тогда у него был процесс в легких, но это нисколько не помешало ему продолжать путешествие и добраться до самого Сахалина. Не буду касаться его дорожных впечатлений, так как они прекрасно описаны им самим в письмах к семье. Скажу только два слова о его необыкновенно энергичной работе. За три месяца пребывания на Сахалине он прошел его весь с севера на юг и сделал поголовную перепись всему каторжному населению, для чего, без малейшей посторонней помощи, им было составлено десять тысяч карточек. Не было таких рудников, такой казармы, тюрьмы или избы, в которой он не побывал бы. С величайшим вниманием и сочувствием он знакомился с жизнью ссыльных и их нуждами. Кажется, он первый обратил внимание на положение детей ссыльно-поселенцев, которое поистине было тяжкое до ужаса. Впоследствии он любил нам рассказывать о девочке, взятой отцом с собою на каторгу и все время державшейся ручонками за его кандалы и спавшей вместе с

ним в тачке, к которой он был прикован. Все очень хорошо относились к Чехову на острове Сахалине, и он даже получал от ссыльных подарки. Так, медный колокольчик, работы одного из каторжных, до сих пор стоит на камине в кабинете писателя в Ялтинском доме и молчаливо свидетельствует о путешествии Чехова на Сахалин.

Ну, вот, материал собран, теперь надо возвращаться домой, но ехать обратно тою же дорогой Антону Павловичу не хотелось. Его тянуло в Японию, в Индию — и он сел на пароход Добровольного флота «Петербург», переименованный впоследствии в «Березань», и отправился в далекое морское путешествие. Япония не приняла его по случаю холеры, и он ограничился только Сингапуром и островом Цейлоном. Цейлон порастил его своими красотами природы. Отсюда он привез в Москву двух зверьков мангусов, походивших ухватками на обезьян: они натворили столько разных проказ в нашей квартире, что волей-неволей Антону Павловичу пришлось пожертвовать их Московскому зоологическому саду, который был очень благодарен писателю за эти редкие и ценные экземпляры.

Путешествие обратно было вполне благополучно для писателя, если не считать кровохарканья. Пароход довез его до Одессы, а оттуда он приехал в Москву, где его радостно приняла в свои объятия семья. Теперь предстояли огромные труды по разборке привезенных материалов, их группировке и счетной обработке и по писанию статей в газеты и журналы. Он с честью их выполнил. Результаты его поездки на Сахалин были огромны. После долгих пререканий с правительством, ему удалось доказать полную непригодность острова Сахалина для колонизации. И, действительно, благодаря его статьям, появившимся в «Русской Мысли» и других органах, ссылка на Сахалин была отменена, и положение сахалинских мучеников изменилось к лучшему. Кроме двух томов под названием «Остров Сахалин», поездка Чехова на Дальний Восток обогатила русскую литературу еще и такими прекрасными рассказами, как «Убийство» и «Гусев», не считая его удивительных писем с дороги. Только необыкновенная смелость молодого, энергичного, но до крайности скромного писателя могла побудить его совершить такое путешествие, на которое решился бы далеко не всякий и которое повлекло за собою такие важные последствия.

Вл. ЛИДИН

«ОСТРОВ САХАЛИН»

Много лет назад на одном из московских книжных развалов нашел я истерзанную, без переплета, с загнутыми углами страниц книжку. Это был «Остров Сахалин» Чехова с его дарственной надписью прозектору Московского университета Н. В. Алтухову. Я бережно принес книжку домой, отдал ее старому хорошему переплетчику, который принял близко к сердцу судьбу книжки Чехова с его надписью, и теперь в отличном виде стоит она у меня на полке в ряду других книг Чехова, многие из которых тоже с его автографами.

Но «Остров Сахалин» я всегда беру в руки с особым чувством: через эту книгу с необыкновенной силой прошло все то, что трогает и пленяет в творчестве Чехова и в его личности. Перечитывая «Остров Сахалин», я неизменно думаю о тех элементах, которые легли в основу этой книги: потребности писателя-гражданина сделать что-либо, глубоко необходимое для своего народа; потребности все увидеть и узнать путем непосредственного общения с жизнью; и, наконец, потребности осудить зло и призвать к милосердию и лучшим целям совершенствования.

Больной и слабый, Чехов проделал путь на лошадах, от одной почтовой станции до другой, по бездорожью, в непогоду, распутицы, в пору весенних разливов рек. С величайшей самоотверженностью принял он затем участие в переписи населения на Сахалине, некогда острове отчаяния, трагических судеб, безысходной тоски, каторги не

только физической, но и в огромной степени моральной. Это был писательский подвиг, но, вместе с тем, думая об источниках творчества, питающих писателя, поражаешься, как Чехов безошибочно нашел эти источники. Не было бы этой поездки, не было бы и удивительных рассказов Чехова «В ссылке» или «Гусев», или «Убийство», и наша литература была бы бедней, и будущие поколения читателей были бы бедней.

Чехов с силой великого художника не только приблизил остров Сахалин, но и, подобно тому, как это сделали Достоевский в «Записках из мертвого дома» или Лев Толстой в «Воскресении», таким могучим голосом заявил о невозможности поправки личности человека, что многое должно было измениться в общественной жизни России даже в те глухие времена.

Для меня «Остров Сахалин» никогда не стоял особняком в его творчестве. Чехов с присущими ему скромностью и добросовестностью считал этот труд лишь очерком о своей поездке, далеким от художественных задач. Но каждая страница «Острова Сахалина» написана именно художником, и даже позади цифр статистики ощущаем мы душу Чехова с ее гуманизмом и призывом к человечности.

Вместе с Чеховым проделываем мы долгий и утомительный путь, памятуя в то же время, что это путь познания, путь к народу в самом трагическом и несправном его бытии. Вместе с Чеховым вглядываемся мы и в лица почтовых ямщиков, и в лица смотрителей заезжих дворов, и в лица бродяг, бредущих по дорогам Сибири, и всего того люда, к которому скорбно, зорко и сострадательно присматривался Чехов... Но даже самые горькие свои рассказы Чехов осветил верой в совершенствование жизни, и приход этой лучшей жизни возвестил не в одной из своих книг. Как хорошо, что этот широкий свет разлился ныне и над некогда проклятым жизнью и судьбой островом Сахалином, название которого для нового поколения звучит как название любой части нашей страны.

Доставая с книжной полки найденный мной когда-то на развале «Остров Сахалин» Чехова, я всегда как бы заново перечитываю биографию великого, взыскательного к себе художника, завещающего последующим поколениям писателей никогда не жалеть сил, если дело касается блага и судьбы родного народа.

М. В. ТЕПЛИНСКИЙ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О САХАЛИНСКОМ ПУТЕШЕСТВИИ А. П. ЧЕХОВА

I

САХАЛИНСКИЕ ЗНАКОМЫЕ А. П. ЧЕХОВА

Многие вопросы, связанные с путешествием А. П. Чехова на Сахалин в 1890 г., все еще остаются недостаточно изученными. По существу, в руках исследователей, желающих изучить подробности пребывания Чехова на острове, находится лишь сама книга «Остров Сахалин». Других документов очень мало. В сохранившихся письмах Чехова о пребывании на Сахалине говорится чрезвычайно скупо.

Между тем, известно, что связи писателя с островом не прерывались и после его возвращения на родину. Об этом

¹ Ссылки на произведения и письма Чехова даются по его «Полному собранию сочинений и писем» (М., 1944 — 1951) в самом тексте статьи сокращенно — римская цифра означает том, арабская — страницу. В самом тексте даются сокращенные ссылки на архив писателя, хранящийся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (г. Москва). Буквы ЛБ означают место хранения рукописей, № фонда (331) опускается, далее указывается шифр рукописи.

Другие сокращения:

Гитович — Н. И. Гитович. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., 1955.

Сенченко — И. А. Сенченко. Очерки истории Сахалина. Южно-Сахалинск, 1957.

«Чехов на Сахалине» — М. В. Теплинский и Б. Н. Бурятов. А. П. Чехов на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1957.

свидетельствуют многие письма сахалинцев, сохранившиеся в архиве писателя.

Когда работаешь в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, где сосредоточена значительная часть архива Чехова, невольно поражаешься тому исключительному порядку, в котором сам Антон Павлович сохранял все письма, когда-либо им полученные. Ни одного из них, даже самого незначительного, он не уничтожал.

К сожалению, далеко не все корреспонденты Чехова так же бережно относились к письмам. Поэтому многие письма Чехова до нас не дошли. Так, не дошло до нас ни одно письмо из числа посланных великим писателем его знакомым на Сахалин. (Лишь совсем недавно найдено несколько его деловых сообщений и телеграмм, связанных с отправкой на остров книг для школьных библиотек).

Несомненно, что в письмах к своим сахалинским знакомым Чехов не мог не вспоминать о подробностях своего пребывания на Сахалине. Поэтому особое значение приобретают сохранившиеся ответы сахалинцев, появлявшиеся до сих пор в печати лишь в незначительных отрывках.

Значение этих ответов велико. Благодаря им мы можем хотя бы приблизительно судить о содержании писем самого Чехова на Сахалин, о живом интересе писателя к делам и людям на далеком острове.

Письма сахалинцев к Чехову позволяют, в частности, по-новому подойти к вопросу об отношении писателя к политическим ссыльным на Сахалине. Известно, что Чехову было категорически запрещено встречаться с ними во время пребывания на острове и что начальник острова направил специальное предписание начальникам округов с приказанием следить, «чтобы г. Чехов не имел никаких сношений с ссыльно-каторжными, сосланными за государственные преступления и административно-ссыльными, состоящими под надзором полиции»¹.

До сих пор считалось, что в силу этих причин Чехову не удалось встречаться на острове с политическими ссыльными. Во всяком случае, в книге «Остров Сахалин» писатель лишь в одном случае сообщает (не называя фамилии) о «привилегированном ссыльном», человеке «заме-

¹ «Чехов на Сахалине», стр. 23.

чательно трудолюбивым и добром», который неофициально заведовал метеорологической станцией в с. Рыковском (X, 125). Это был И. П. Ювачев (Миролюбов), впоследствии написавший книгу «Восемь лет на Сахалине»¹.

Однако можно предположить, что Чехов на Сахалине встречался не с одним Миролюбовым. Среди материалов переписки, которую проводил Чехов на острове, есть карточки на Домбровского и Томашевского, членов польской революционной партии «Пролетариат»².

Можно допустить, конечно, что Чехов записывал сведения о них со слов домохозяина, но где уверенность, что он не встречался и с ними?

Во всяком случае, несомненно то, что Чехов живо интересовался жизнью политических ссыльных на Сахалине, знал многое об их конфликтах с администрацией и продолжал интересоваться ими и после возвращения на родину. Письма Д. А. Булгаревича дают весьма ценный материал в этом отношении. Так, 5 июня 1891 г. он пишет Чехову: «О Канцере Вы, конечно, знаете. (Выделено мною. М. Н. Канцер — один из политических ссыльных. — М. Т.). Теперь он живет в Рыковском и вместе с другими своими товарищами занимается хозяйством...»

Из писем Булгаревича мы узнаем и о личном участии Чехова в судьбе одного из политических заключенных. В феврале 1889 г. П. Домбровский «без всякого повода был оскорблен публично помощником смотрителя александров-

¹ В книге Чехова имеется упоминание о том, что на острове есть и административные ссыльные (X, 196). Следует также отметить, что двух политических ссыльных Чехов видел в Александровской тюрьме: «Прямо в тупике коридора тоже дверь, ведущая в небольшую каморку: здесь два политических, в расстегнутых жилетках и в чирках на босу ногу, торопливо мнут перину, набитую соломой, на подоконнике книжка и кусок черного хлеба. Сопровождающий меня начальник округа объясняет мне, что этим двум арестантам было разрешено жить вне тюрьмы, но они, не желая отличаться от других каторжных, не воспользовались этим разрешением» (X, 53).

Наконец, весьма показательно то, что Чехов связывает относительный порядок в Рыковской тюрьме с работой там «привилегированных» ссыльных: «Оттого, что для работ внутри тюрьмы, в качестве заведующих, распорядителей и проч., привлечены привилегированные ссыльные, которые отвечают за количество и качество арестантской пищи, я думаю, стали невозможны такие безобразные явления, как вонючие щипки хлеба с глиной» (X, 124).

² Центральный государственный архив литературы и искусства (г. Москва). Ф. 549, ед. хр. 23, № 65 и 66.

ской тюрьмы Патриным¹. Трудно описать, что делалось с бедным Петром Домбровским в злополучные дни после оскорбления... Оскорбитель его, Патрин, опасаясь последствий за свой безнаказанный поступок, не погнушался подкупить двух негодяев, при посредстве которых он обвинил Домбровского в намерении покуситься на его жизнь... Эта история не обошлась дешево и остальным политическим ссыльным на острове. Немедленно после прискорбного инцидента начались общие репрессии, как будто виновниками всего были ссыльные, а не администрация. Политических каторжан стали гонять на командировки, употреблять их на самые унижительные работы; издевательства стали ежедневным приемом. Административно сосланных разместили по таким углам, в сравнении с которыми древние скифские логовища могли считаться обитателями цивилизации... Полтора года томился Домбровский под следствием, год пробыл в Дуэ, и только летом 1890 г. обвинение было снято с него по требованию прокурора, но оскорбитель его остался безнаказанным»².

Как теперь выяснилось, Чехов, бывший как раз летом 1890 г. на Сахалине, не прошел мимо этой возмутительной истории: он говорил о судьбе Домбровского с начальником острова В. О. Кононовичем. Можно бы было поставить вопрос — не содействовал ли этот разговор в какой-то степени облегчению участи Домбровского? К сожалению, у нас нет никаких других материалов, кроме письма Булгаревича, который писал Чехову 21 января 1892 г.: «Упомянув в этом письме о Патрине, я забыл сообщить Вам о его жертве. Помните скандал, о котором Вы разговаривали с Владимиром Осиповичем³. Жертва Патрина застрелилась

¹ В. Дорошевич, посетивший Сахалин в 1897 г., писал: «Патрин, смотритель тюрьмы, был в то время ужасом всей каторги. Недавно он убит арестантами». (В. Дорошевич. Сахалин, т. II, стр. 49).

² А. Я. Штернберг. П. К. Домбровский. М., 1928, стр. 9—10.

³ В. О. Кононович — генерал-майор, начальник о-ва Сахалина. Чехов неоднократно упоминает о нем в своей книге.

В 1891 г. Кононович на длительное время уехал в Петербург. О нем писал Чехову лейтенант Шишмарев, плывший с Кононовичем на одном пароходе: «Мания величия и мелочность поразительные. А в общем (на словах) прейнтереснейший человек. Жаль, что только слово с делом не вяжутся» (ЛБ, к. 63, ед. 32).

Что касается причины длительного пребывания Кононовича в Петербурге, то здесь, очевидно, был прав врач А. Щербак (хорошо знакомый с сахалинскими событиями), писавший Чехову: «Так как Вы

в ноябре месяце после почти тождественной с прошедшей историей».

Действительно, 21 ноября 1891 г. «после того, как один из политических каторжан был жестоко оскорблен начальником округа Шелькиным», П. Домбровский покончил жизнь самоубийством¹.

23 апреля 1892 г. Булгаревич сообщает Чехову последние новости из жизни политических, которых начальство постаралось разослать по самым отдаленным уголкам острова: «Административных на кордоне нет, одни из них в настоящее время в Рыковском, а другие в Александровске. Начальство в конце концов таки созналось, что понапрасну сердилось, и обратило свой гнев на милость, перевел их в центры...»

Очевидно, все эти новости Булгаревич сообщал по просьбе Чехова.

Как видно, письма Булгаревича позволяют нам хоть в некоторой степени расширить представление о круге интересов великого русского писателя во время его пребывания на острове.

Кроме того, письма сахалинцев к Чехову могут иметь немаловажное значение для историка и потому, что в них содержится откровенно нарисованная картина сахалинских порядков: жестокость, пьянство, воровство, всеобщее разложение, дикий произвол и зверство каторжного начальства.

Наконец, публикация писем сахалинских корреспондентов Чехова, может быть, поспособствует розыску тех пропавших писем великого писателя, которые были им некогда отправлены на Сахалин.

теперь пишете о Сахалине, то сообщу Вам слухи более или менее достоверные, о которых мне сообщили сегодня — Кононович вызван Г [главным] тюремным управлением... для объяснений в громадном недочете, свыше 400 000 руб...» (АБ, к. 64, ед. 3). Именно это сообщение имел в виду Чехов, когда писал Суворину 18 августа 1891 г.: «Нам пишут: ген. Кононович вызван в Петербург для объяснений по поводу недочета в 400 тысяч» (XV, 235).

Как бы то ни было, но на Сахалин Кононович более не вернулся. 5 июня 1893 г. он был «уволен по болезни от службы с производством в генерал-лейтенанты» («Тюремный вестник», 1893, № 7, стр. 250).

Когда Кононович уехал, его в должности начальника острова заменил сначала начальник Александровского округа Таскин, а затем исполнил эту должность подполковник Дмитриев.

¹ Л. Я. Штернберг. П. К. Домбровский, М., 1928, стр. 41:

В настоящей статье мы не публикуем писем ссыльно-каторжных к писателю. Правда, письма эти интересны тем, что из них мы узнаем о внимательном и сердечном отношении Чехова к страданиям простых людей, о его посильной материальной и — главное — моральной помощи им¹.

Но естественно, что в этих письмах не могло быть никаких подробностей сахалинской жизни — как потому, что писали их в большинстве случаев малограмотные люди, так и потому, что все письма ссыльных проходили строгую цензуру в местных канцеляриях².

Более разнообразны по тематике письма сахалинских чиновников к Чехову: цензура на них не распространялась, и они в письмах к Чехову (знакомством с которым, конечно, гордились) старались блеснуть своим свободомысли-

¹ «Чехов на Сахалине», стр. 74 — 75.

² Лишь в одном случае удалось обойти местную цензуру. Во время пребывания в Корсакове Чехов получил от ссыльно-каторжного Михаила Дмитриева большое письмо, начало которого писатель процитировал в книге «Остров Сахалин»: «Конфиденциально. Кое-что из нашего захолустья. Великодушному и благосклонному литератору господину Ч., ослатившему посещением недостойный о-в Сахалин, пост Корсаковский, в лето 1890 в сентябре месяце» (X, 166).

В письме Дмитриева есть меткие наблюдения, вскрывающие некоторые махинации сахалинской администрации. «Пища и одежда, — писал Дмитриев, — хотя и полагаются каторжным, но первая только варится тогда хорошая, так сказать, сносная, когда ожидают посетителей или суда, а все остальное время совершенно невозможна», одежда «выдается полностью, но недостает до полного срока за работою в тайгах при таске бревен и проведении дорог. Надзиратели — это вечный тормоз ссылки и первые мошенники. Провиант, продукты и провизия расхищаются надзирателями и старостами ссыльных».

«Эксплуататоры ссыльных, — продолжает Дмитриев, — это мелочные торговцы вольноприезжие... Розги и плети в полном ходу.

Гражданское начальство с военным живет не мирно, а частенько в ссоре.

Почтительнейше прошу не показывать это бумагомарание нашим господам чиновникам...» (Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 549, № 290).

Интересно отметить, что Дмитриев передал Чехову вместе с письмом 8 стихотворений, очень слабых, но интересных своей критической направленностью. Он описывает в своих стихах телесные наказания, издевательства над ссыльными. Поэт-каторжник написал даже сатирическое стихотворение о приезде в Корсаков приамурского генерал-губернатора Корфа.

Чехов в своей книге воспользовался некоторыми материалами Дмитриева.

О Дмитриеве см.: «Чехов на Сахалине», стр. 28 и 90 — 91.

ем и либерализмом, разоблачая многие тайны сахалинской администрации, весьма откровенно рисуя быт и нравы местного общества.

Разумеется, чеховские корреспонденты в каком-то отношении отличались от общего уровня пьяных, невежественных, жестоких сахалинских чиновников (а таких на Сахалине было подавляющее большинство). Может быть, в глубине души некоторые и понимали несправедливость — если и не всей тогдашней жизни, то хотя бы сахалинской каторги. Но характерно, что ни один из них не отказался от своей профессии тюремщика, профессии, которая заставляла (несмотря на все благие намерения) быть жестоким, несправедливым и злым.

Сам Чехов не доверял распространенным среди сахалинских чиновников мнимому либерализму, словам об отвращении к телесным наказаниям и т. д.

«В новой истории Сахалина, — писал Чехов, — играют заметную роль представители позднейшей формации, смесь Держиморды и Яго, — господа, которые в обращении с низшими не признают ничего, кроме кулаков, розог и извозчичьей брани, а высших умиляют своею интеллигентностью и даже либерализмом» (X, 284)¹.

Разумеется, эта характеристика Чехова не может распространяться на всех его сахалинских знакомых. Он упоминает о встречах на острове и с другими — «разумными, добрыми и благородными людьми» (X, 284).

Во всяком случае, несомненно, что сахалинские знако-

¹ Желание представить свою деятельность на Сахалине как образец «гуманности и великодушия» было свойственно и самым жестоким тюремщикам, типа Ливина, с именем которого мы еще встретимся ниже. Любопытную в этом отношении историю рассказывает В. Дорошевич:

«Когда А. П. Чехов издавал свой «Остров Сахалин», — в «Полтавских губернских ведомостях» появилось опровержение некоего Ливина, бывшего сахалинского служащего.

В этом опровержении г. Ливин протестовал против обвинения в жестокости и зверском обращении с арестантами и писал, что он добровольно оставил службу на Сахалине потому, что он враг телесных наказаний, человек гуманный и по мягкости натуры не в силах был выносить ужасов, творящихся на каторге.

На Сахалине это письмо о гуманности г. Ливина привело всех в веселое настроение и, в мою бытность на этом острове... гг. служащие иначе не вспоминали о письме г. Ливина, как со смехом». («Одесский листок», 1897, 4 дек., № 294, стр. 3).

мые Чехова в своих письмах к нему стремились как-то «отвести душу» (одни — искренне, другие — желая предстать в лучшем свете перед писателем). Поэтому письма сахалинцев к Чехову объективно рисуют правдивую картину всех ужасов острова каторги. Пусть в отдельных случаях они противоречат друг другу. Это неважно. Важно то, что в общей сложности мы получаем достаточно отчетливое представление о том, что творилось на Сахалине в конце XIX века, о всех «мерзостях сахалинского темного царства» (как сказано в одном из писем Булгаревича).

В 1902 г. Чехов получил письмо от Ивана Сергеевича Вологодина, бывшего в 1890 г. правителем канцелярии начальника острова и переписывавшегося затем с Чеховым по поводу отправки писателем книг на Сахалин. Вологдин давно уже покинул Сахалин, он служил в Благовещенске, но о сахалинских порядках он вспоминал с ужасом. Он решил «поведать» Чехову «о моем прошлом со времени посещения Вами о. Сахалина, столь памятного для нас. После отъезда Кононовича в управлении о-вом начались ужасные вакханалии. Воровство и жестокости над ссыльными не имели своих пределов. В этом принимали участие не только тюремные чиновники, но и врачи, как Давыдов (крещеный еврей, ныне помощ. Забайкальск. обл. врача), Тропин, Сцепенский, выписывавшие шампанское для общественных вечеров за счет лазаретного кредита, фальшиво заменяя на него счета другими предметами...

В оргии обирательства ссыльного человека видную роль играли Таскин (ныне вице-губернатор Амурской области), Шелькинг, Меркушев, Патрин и друг. Шелькинг, вызванный его другом Дмитриевым в п. Александровский управлять округом, всегда был пьян и всегда искал «мордобития какого-нибудь ссыльного, чтобы удовлетворить свой зуд»¹. (ЛБ, к. 39, ед. 22).

Далее Вологдин описывает свою жизнь после отъезда

¹ «В октябре (1891 г.), — вспоминал А. Я. Штернберг, — временно переменялся состав администрации в посту Александровском. Исправляющим должность начальника острова был назначен кутила и развратник подполковник Дмитриев, а начальником округа, т. е. ближайшим начальником политических — подполковник Шелькинг. Последний привез с собою печальную репутацию изверга из Корсаковского округа. С первого же дня его управления начался режим, от которого застонало все поселение...» (А. Я. Штернберг. П. К. Домбровский, стр. 10).

с Сахалина, что не имеет для нас особого значения. Но приведенный выше его отзыв о сахалинских порядках является неплохим введением к письмам других сахалинских знакомых Чехова.

ПИСЬМА Д. А. БУЛГАРЕВИЧА К ЧЕХОВУ

Среди всех сахалинских знакомых Чехова Даниил Александрович Булгаревич представляет для нас наибольший интерес. Судя по всему, именно с ним Чехов был наиболее близок и откровенен во время пребывания на Сахалине. Достаточно сказать, что почти сразу же после приезда в Александровск Чехов поселился у Булгаревича, «молодого чиновника, очень хорошего человека», как сказано в книге «Остров Сахалин» (X, 65).

Во время пребывания Чехова на острове Булгаревич занимал должность заведующего школами Александровского и Тымовского округов. Так как Чехов был на Сахалине летом, когда занятий в школах не было, он во многом воспользовался помощью Булгаревича, который познакомил его со всем убожеством существовавших тогда на острове нескольких школ¹.

Чехов писал в своей книге: «Заведует ими (школами) один из чиновников канцелярии начальника острова, образованный молодой человек, но это король, который царствует, но не управляет, так как, в сущности, школами заведуют начальники округов и смотрители тюрем, от которых зависит выбор и назначение учителей» (X, 271).

К сожалению, биография Булгаревича нам почти совершенно неизвестна. Однако можно говорить о том, что из всех сахалинских знакомых Чехова он был наиболее свободомыслящим. Интересно отметить, что один из его братьев сам сидел в крепости, а затем был сослан. Булгаревич по собственной инициативе решил уделить часть книг (из числа посланных Чеховым на Сахалин) детям «государственных» (т. е. сосланных за «государственные» преступления). Булгаревич не боялся принимать у себя политических ссыльных, с которыми находил, очевидно, общий

¹ М. В. Теплинский. Материалы о помощи А. П. Чехова сахалинским школам. В сборн. «Статьи о литературе» (Ученые записки Южно-Сахалинского педагогического института, т. II), 1959, стр. 189 — 192.

язык, иначе они бы его не посещали. Известен донос начальника Александровского округа С. Таскина о том, что административные ссыльные В. Бражников и Л. Штернберг часто бывали у Булгаревича¹.

Может быть, в связи с этим в одном из публикуемых далее писем к Чехову Булгаревич высказывал предположение, что начальство боится ставить его ближе к ссыльным.

В своих письмах Булгаревич сообщал Чехову некоторые подробности о жизни на Сахалине политических ссыльных. Характерно, что он рассказывает о большом впечатлении, которое на него произвело нелегально изданное в Женеве открытое письмо М. Цебриковой Александру III. Кстати, можно поставить вопрос: не Чехов ли привез это письмо на Сахалин и познакомил с ним Булгаревича?

Булгаревич же сообщил Чехову подробности о печально знаменитом «онорском деле» (см. о нем ниже), вскрывшем особенно наглядно вопиющие безобразия и беззакония сахалинских порядков. Показательно, наконец, и то, что именно Булгаревичу Чехов пишет наиболее часто, давая ему такие серьезные поручения, как, например, запись рассказа Егора, вошедшего затем в книгу «Остров Сахалин». Можно предположить, что до нас не дошло 4—5, а то и больше писем Чехова к нему.

Почему прервалась столь оживленная переписка Чехова и Булгаревича — неизвестно. Неизвестна и дальнейшая судьба Булгаревича. Во всяком случае, его намерение поступить в Томский университет не осуществилось. В 1901 году он все еще продолжал служить на Сахалине².

* * *

Письма Булгаревича печатаются по подлинникам, хранящимся в ЛБ (шифр к. 37, ед. 53).

Первое письмо Булгаревича послано в Корсаков, куда Чехов переехал после пребывания в Александровском округе. Так как вся корреспонденция на имя Чехова получалась в Александровск, то писатель просил Булгаревича

¹ Сенченко. стр. 64.

² «22 июня 1901 г. для пользы службы исполняющий должность помощника начальника Корсаковского округа губернский секретарь Булгаревич переводится на ту же должность по Александровскому округу» («Тюремный вестник», 1901, № 6, стр. 259).

отвечать на телеграммы родных. Кроме того, Булгаревич отчитывался в выполнении других просьб Чехова.

1.

Многоуважаемый Антон Павлович.

Воспользовавшись отходом парохода «Нансен» в Корсаковский пост, я посылаю Вам все, что мною получено для Вас с последней почтой. Телеграмму, по Вашему приказанию, я распечатал и хотел было ответить на нее «по существу», но потом раздумал, — побоялся, чтобы не наделять Вашим переполоха. Я думаю, что, если Вы на нее ответите и из Владивостока, то не будет поздно.

Статуэтка «Наказание» Северовым¹ уже принесена и запакована в отдельный ящик, выложенный ватой. Оказии Егора² я списал с его слов, вышло по-моему довольно плохо, не было подходящего времени и расположения. После Вашего отъезда мне предложили убраться с той квартиры в какую-то вонючую, паршивую одну комнату, где я обитаю и поныне. Переноски, перетасовки, возня, скученность зверя и человека — все это было весьма неблагоприятно для настроения Егора. Северову я заплатил по 4 р. за каждую фигуру. Материала осталось на маленькую фигуру «Майдан», который он мне обещал сделать к приходу Добровольца³. Посылаю Вам последние приказы⁴ и 4 газеты «Новостей», в которых излагается паршивый суд над фоанцузами-анархистами. Все основное я приготовил к отходу Добровольца, о котором у нас еще сведений не имеется.

Новостей в Александровске никаких нет. Говорят только, что мадам Таскина серьезно собирается в путь. Радуюсь за Вас и поздравляю с хорошей компанией.

До свидания. Приезжайте же прямо ко мне, когда «Питер» зайдет раньше в Корсаковский. Жму Вашу благородную руку.

Сахалин

Булгаревич.

22
18 $\frac{22}{IX}$ 90

Р. С. О. Ираклию⁵ передайте мой поклон.

¹ Северов — местный скульптор (из каторжных). В архиве Чехова есть письма Северова к Булгаревичу, из которых видно, что Чехову

было послано несколько небольших скульптур: «Майдан», «Прикованный», «Наказание» и др. (ЛБ, к. 26, ед. 3-е (10)).

М. П. Чехов вспоминал: «Брат Антон привез с собой из Сахалина гипсовые группы, исполненные местным каторжником-скульптором и изображавшие сцены из повседневного сахалинского быта: телесное наказание, приковывание провинившегося к тачке и т. п.; к сожалению, эти группы были сделаны из простого материала и скоро рассыпались сами собой» (М. П. Чехов. Вокруг Чехова. М.-Л., 1933, стр. 204).

² Егор Ефремов — каторжный, прислуживавший иногда Булгаревичу. По просьбе Чехова Булгаревич записал рассказ Егора о его жизни, который был использован писателем в книге «Остров Сахалин» (глава VI).

³ Пароход Добровольного флота.

⁴ Печатные приказы начальника острова Сахалина были, по словам Чехова, «местной ежедневной газетой» (X, 71). Приказы посылались Чехову долгое время и после его возвращения на родину.

⁵ Иеромонах Иракий — священник на Сахалине. Он ехал вместе с Чеховым с Сахалина до Москвы. Сохранились его письма к Чехову от 17 февраля 1891 г., где, между прочим, говорится: «Истинно и искренно приношу Вам мою благодаю за Вашу простую и добрую любовь, оказанную мне от Сахалина до Москвы и здесь» (ЛБ, к. 46, ед. 34.). В книге «Остров Сахалин» имя о. Иракия упоминается неоднократно. «Пон мне, — писал Чехов, — еще на Сахалине находился иеромонах Иракий, одом бурят, без бороды и усов, из Посольского монастыря, что в Забайкалье: он пробыл на Сахалине 8 лет и в последние годы был священником в Рыковском приходе» (X, 267).

2.

[Конец сентября 1890 г.]

Посылаю Вам, добрейший Антон Павлович, через Николая Ивановича² все, что мною было собрано для Вас за это время. Сундука с горностаями я не посылаю, так как думаю, что удобнее будет прямо сдать на Добровольец. Отчет в деньгах пришлю также с Добровольцем.

Относительно порядка зачисления и свидетельства «благородных сахалинских проституток» я ничего не мог добиться. Заносятся они в списки г. Полицеймейстером по доносам полицейских и затем сгоняются в больницу для свидетельства. Вот и все, что мне сообщили.

По приезде Белого, я решил ответить Вашим на телеграммы. Копии моих ответов я списал на телеграммы. Не знаю, так ли только ответил? Мне страшно будет неловко, если мои ответы вы найдете совсем неуместными.

Все, что Вы получите теперь, я хотел послать на «Нансене», да он, окающийся, не пошел, так вот я и остался до

первой оказии. Сделаны Вам Северовым 3 статуэтки: Прикованный, Кобыла и Майдан. Все они уложены, по-видимому, весьма аккуратно и только ожидают прихода «Петербург».

Ну, пока до свидания, Антон Павлович. Спешу заделать эту посылочку, чтобы отдать Белому.

Ваш покорный слуга Булгаревич.

¹ Датируется по связи с предыдущим письмом.

² Н. И. Белый — начальник Корсаковского округа, бывший студент-юрист. Чехов неоднократно упоминает о нем в книге «Остров Сахалин».

Интересно отметить оценку, которую дал этому чиновнику И. С. Вологдин, писавший Чехову (в 1902 г.) о том, что в 1896 г. на Сахалин после некоторого отсутствия «опять приехал Белый, тот самый Белый, который изнасиловал в Такое девочку 14 лет и сумел выдать ее за надзирателя Пизова, тот самый Белый, который торговал спиртом в Корсаковском округе и продавал вместе с Надежиницким из тюремных складов экономии хлеба, мяса и проч.» (ЛБ, к. 39, ед. 22).

3.

П. Александровский.
8 октября 1890 г.

Только что прочел письмо Цебриковой¹ и нахожу, что там масса горьких истин. Но замечательно, между прочим, как я охолопствовался! Мне даже как-то жутко и страшно становится, когда я прочитываю некоторые места письма, в которых особенно ярко выступают все безобразия обывденной жизни. Подумаешь, всего год на службе, как много из того истрчено, что я чувствовал раньше в себе и за что я уважал себя. А все это «по существу», да «исходя из того положения», черт побери, наделано. Что бы, спрашивается, было, если бы я остался служить здесь годов на 10-ть? Полный холоп, да и только вышел бы! Однако я не теряю надежды — «Бог не попустит, свинья не съест» — выберусь как-нибудь из этого омута; не попасть бы только в другой?

После Вашего отъезда все у нас идет по старому: генерал занят высшими вопросами по «существу». Сережа² занят улаживаниями своих личных дел, давая только иногда материал для решения генералу вопросов, мы, т. е. канцелярия, заняты с утра и до позднего вечера самым низмен-

ным бумажным рукоблудием, вечно свободная публика вечно винтит и сплетничает, — словом, все по-прежнему обстоит, — благополучно. Бывает, конечно, и у нас проявляются желания гражданской доблести, что не ведет само собой ни к какой неблагонадежности, а так себе желания от скуки: тощенькие, бессмысленные и легко испаримые, что без сомнения составляет особенное их достоинство. Вот, напр., на днях как-то. Получаю приглашение от самозванного какого-то библиотекаря, ах, виноват, что я говорю какого-то — я и забыл, что внизу приглашения было довольно отчетливо написано: «Начальник Александровского Округа»; так вот, получаю приглашение от Начальн. Ал. Ок. (он же, только не Мыльников, библиотекарь), явиться в Полицию, не для освидетельствования «в состоянии здоровья» «на предмет» получения плетей — нет; избави бог; ведь я же свободный (слабодного состояния) гражданин о. Сахалина и как же меня розгами или плетью тем более... Бывают, случан, что, не разобравши, по ошибке выдерут и свободного (Овчинников в Дербинском), или же выдерут примерно беременную женщину (в Корсаковском посту Ярцев³), но это по ошибке. Кто их разберет здесь, кто свободный, а кто несвободный, на лбу ведь не написано, а люди не боги, ошибка всегда возможна.

Явиться в полицию просят на совещание, что выписать на 1891-й год для воображаемой библиотеки. Прихожу. Публики собралось не особенно много, однако было человек 7—8, все господа почтенные: досточтимый Пейзер аудитор, каламбурист и остряк Менадра Попов, лихой Ландсберг [?], всезнающий Ноитаки [?] и проч. и проч. Вот собрались. Сели. Пошутили, а затем явился и сам г. инициатор, Начальник Александровского Округа, Сережа. Посмотрел он на публику, подумал глазами чего-то (Вы помните, конечно, его способность думать глазами, вставя их в какой-нибудь предмет), да и отправился наверх к Игнатьеву отдохнуть от проведенного в заботах по Округу дня. Я сейчас же ушел, а за мною последовала и остальная братия. На следующий только день я слышал, что Сережа, выпавшись у Игнатьева, являлся еще в Полицию и объявил своему секретарю, что по всему он видит, что подписка не состоится. Так вот какие у нас иногда бывают желания. Бывают и хуже, да уже все их не вспомнишь и не напишешь про них. Вижу, что я Вам страшно

надоел своей болтовней и Вы, перебегая глазами строки, с серьезным видом ищете красной строки, с которой должно было начаться дело. Ну, хорошо. Так теперь про дело.

С чего бы здесь начать? Начну разве с того, какие расходы я сделал из Ваших денег. Этим начну, напишу про себя, какой я паннька, что исполнил, кажется, все Ваши поручения, а затем прямо, как следует, и подойду к своим просьбам.

Получил я 26 руб., и затем 10 р. из Корсаковского поста, — всего 36 руб. Израсходовал: на покупку 3-х фунтов ваты 1 р. 20 к., на покупку 3-х коробок табаку Астахова 2 р. 10 к., уплатил свободному художнику Северову за 3 фигуры 12 р., за ящик для фигур 1 р. 50 к., дал Егору по Вашему приказанию 1 р., Корсаковскому писцу 1 р., за телеграмму уплачено 1 р. 65 к., оставил у себя на посылку телеграмм Вашим, когда уйдет «Петербург» из Александровска, 2 р. — всего расх. — 22 р. 45 к.; в остатке получается 13 р. 55 к., которые я при этом и прилагаю.

В сундучке, ключ от которого я вложил в конверт вместе с письмом, Вы, милый Антон Павлович, найдете следующее: 12 соболей, батькин подрясник, порттабак серебрянный, 2 шкатулки, колокольчик⁴, два отчета Фрикена⁵, фотографические снимки и прочую дребедень. Все это Вы рассортируйте и, рассортировавши, дайте всему свое место. Отчет один печатный я посылаю для Вас, а другой пошлите вместе с другими вещами батьке. Письма не откажите также сдать, только одно во Владивостоке, а другие в Одессе. Заказные в Одессу лучше было бы сдать во Владивостоке, точно также необходимо сдать во Владивостоке письма, идущие в Сибирь. Карточку, которая лежит в отчете, будьте добры, отправьте батьке. Удостоверение на все вещи, прописанные Вами в письме, мне дали. Но кто их просил писать так, как они написали? Если чего не хватает в удостоверении, то вы возьмите от Корсаковского Полицейского Управления добавочное удостоверение. Прилагаемая маленькая записочка представляет из себя образец любовного письма каторжного к каторжной⁶. Она отобрана в прошлом году от какой-то дульцинен, фамилии не помню.

С сундучком поступите, Антон Павлович, так, как Вы найдете лучше. По моему, можно будет так сделать: довести его до Москвы и затем уже оттуда отправить его бать-

ке. Адрес такой: в м. Кричев Могилевской губернии, Священнику Александру Булгаревичу. Что будет стоить его отправка, Вы мне, быть может, сообразоволяете сообщить, и я немедленно вышлю деньги.

Затем следуют просьбы.

1. Закажите в Москве мне платье, штаны, жилет и пиджак и отправьте наложенным платежом в Одессу агенту Добровольного Флота для отправки его на Сахалин. Размер платья такой. [Далее следует описание размера].

2. Купите альбом для столярных работ.

3. Пришлите свои сочинения.

4. Купите Кистяновского⁷ и вообще все, что касается учения о наказании и тюремоведения.

5. Пришлите, или правильнее, присылайте все, что Вы будете находить особенно интересным из вышедшего в последнее время.

Кстати, Антон Павлович, голубчик, простите ради самого создателя меня за то, что я не выслал Вашей книжки Фойницкого⁸. Право, я еще на половину виноват, в большем виноват Кононович, который, как увидел его у меня, так и пристал, чтобы я ее Вам не посылал, а уплатил бы деньги по ее стоимости — 3 р. 50 к. Кононович просил Вам кланяться от него и извиниться, что не имеет возможности написать Вам. Все знакомые также шлют свои поклоны. Янсона⁹ Вы мне можете не присылать: пусть она идет в зачет Фойницкого.

Ну, до свидания, дорогой Антон Павлович. Хотел бы еще разок Вас видеть, да уж так суждено устроить, что при всем желании, никак невозможно повидаться. Очень жаль, что я не могу ответить на телеграмму Вашего брата, так как адреса его не знаю.

Кланяйтесь матушке России и скажите ей, что без нее жить сильно тошно.

Целую Вас много раз Булгаревич.

Р. С. Жду Ваших писем. Если некоторые письма мало оплачены, то оплатите их, Антон Павлович.

⁷ В 1889 г. в Женеве было опубликовано в Вольной русской типографии открытое письмо М. Цебриковой к Александру III, нелегально распространявшееся в России. В этом письме, действительно, высказано немало «горьких истин» по поводу внутренней политики царского самодержавия. М. Цебрикова обращает, между прочим, внимание и на русские тюрьмы и каторгу, где «каждый тюремный смотритель,

этапный офицер, каждый сторож может безнаказанно грабить, зверски бить и даже истязать арестантов, даже женщин» (стр. 36).

Любопытно отметить, что в том же 1889 г. в Женеве М. Цебрикова опубликовала брошюру «Каторга и ссылка», где раскрывается «весь ужас, все бесчеловечие каторги и ссылки» на многочисленных примерах из жизни политических ссыльных. Надо думать, что Чехов, так интересовавшийся литературой по этому вопросу, читал брошюру Цебриковой. 23 февраля 1890 г., готовясь к поездке на Сахалин, Чехов в письме к Суворину упоминал о какой-то статье Цебриковой (XV, 22).

² С. А. Таскин — начальник Александровского округа.

³ Н. И. Ярцев — смотритель поселений в Корсаковском округе. Чехов писал о нем: «Из всех сахалинских чиновников он наиболее сведущ в агрономии и относится к делу добросовестно и с любовью, но на его образцовой ферме урожан часто бывают хуже, чем у поселенцев, и это вызывает всеобщее недоумение и даже насмешки» (X, 169).

Сохранились две открытки Ярцева, адресованные Чехову. В 1895 г. он находился в петербургской больнице и просил Чехова навестить его. В одной из открыток (18 февраля 1895 г.) он писал: «Здравствуйте, многоуважаемый, чистый сердцем Антон Павлович. Привез Вам гостинец сахалинский — весь отчет за 1893 г.». Чехова в то время в Петербурге не было и поэтому его встреча с Ярцевым не состоялась.

⁴ Хранится в настоящее время в Ялтинском Доме-музее А. П. Чехова.

⁵ Отчеты инспектора сельского хозяйства Сахалина А. А. фон-Фрикена, о котором неоднократно упоминает Чехов в своей книге о Сахалине.

⁶ Письмо хранится в архиве Чехова (ЛБ, к. 26).

⁷ А. Ф. Кистяновский — известный криминалист. Очевидно, речь идет об основном труде Кистяновского — «Элементарный учебник общего уголовного права».

⁸ И. Я. Фойницкий — автор книги «Учение о наказании в связи с тюремным содержанием» (1889), которую Чехов брал с собой на Сахалин и на которую ссылается в своей книге (X, 212).

⁹ Ю. Я. Янсон — автор работы «Теория статистики», на которую Чехов ссылается в своей книге (X, 232).

4.

Сахалин. 10 октября [1890 г.].

Вот еще Вам прибавка, милый Антон Павлович. Почтой на «Петербург» вчера сдал все, да забыл отправить ящик с фигурами. Заодно сегодня посылаю Вам эти письма и фигуры.

Целую Вас много раз

Ваш Булгаревич.

Сахалин. 1891 июня 5 дня.

Милый Антон Павлович!

Сто раз извиняюсь, что до сих пор не поблагодарил Вас за все услуги и внимание, которые Вы мне совершенно незаслуженно оказали.

Когда я вспоминаю про посланную батьке посылку, то я прихожу в ужас, представляя себе всю возню, с какой была сопряжена передача ее. — Но, за все Ваши хлопоты да вознаградит Вас провидение, оставившее наш заклятый Сахалин и вероятно обитающее в тех благодатных странах, в которых Вы теперь обретаетесь. Посланные Вами письма, бандероли, книги, костюм и проч. и проч. я получил и остался премного благодарен. Книги¹ пришли на «Костроме», которая вероятно завтра уйдет. Мы еще не успели их разобрать и разослать по Вашему желанию.

В рассортировке учебников я принимал участие теперь не как заведующий школами, а как частный человек. По получении кредита 4000 р. на содержание школ, наш кокет² нашел более удобным возложить заведывание [школами] на каждого в своем округе начальника. Что получится в результате — не знаю. Ручаться за хороший результат возможно только относительно Рыковской школы, где учителем является бывшая курсистка, жена политического — Александрина³. В других училищах учителя остались те же. Да, что я говорю. В Корсаковской школе ведь та же учительница — мадам Аксенова! Помните, быть может, такая конфетная дама, всегда сопровождавшая Таскину Елену Александровну. Кстати, весело ли Вы доехали до Одессы с Еленой Александровной? Думаю, что она своими причудами изводила Вас страшно?

Из книг, присланных Вами для распределения по моему и Ивана Сергеевича Вологодина⁴ усмотрению, я думаю дать несколько и детям государственных. Надеюсь, что Вы на меня за это не посетуете.

Генерал уехал в Питер и пробудет там год, а может быть и больше. Будет хлопотать о введении новых штатов. Письмо Ваше он увез с собой, оставив нам с него только копию⁴. Теперь остров управляется пока милым Сережей. В сентябре же приедет настоящий Вр. и. должность —

подполковник Дмитриев — чиновник при командующем войсками Амурского Края. С новым начальством нужно ожидать и массу новых решений дел по существу. А уж эти решения!..

Мейер умер и на его место назначен Тарасенко. Тот самый Тарасенко, который наделал столько хлопот своей любезностью сдать Ваши и мои письма. Я очень рад, что моя думка не оправдалась и письма Ваши достались хотя и поздно, но в настоящем виде. Умер от чахотки также молодой Фельдман⁵, первый любовник сахалинской драмы. Говоря о каждом из сахалинцев, я всегда прибавляю то, что [по]может мне же воспроизвести в Вашей памяти милых сахалинцев. Будьте снисходительны и не ставьте мне в упрек эту болтливость.

Климов⁶ по-прежнему вздыхает. Стараются в последнее время быть полным хозяином своего Мало-Климова и по этому поводу разошелся с Канчером⁷, бывшим у него писцом. О Канчере Вы, конечно, знаете. Теперь он живет в Рыковском и вместе с другими своими товарищами занимается хозяйством: пашет, молотит, собирает сено, сажит огороднику и проч.

Егор вышел на поселение и теперь строит дом по Корсаковской дороге. Бабушка⁸ от меня ушла и живет в больнице в качестве няньки. Как тот, так и другой часто ко мне приходят и посвящают во все свои радости и печали. Полушубок я передал Егору, за что он «приказал мне благодарить тебя и пожелать тебе от Бога, чего ты сам и просишь и молишь». Баба всегда каже про Вас, что хороший пан не забув нас.

Представьте, дорогой Антон Павлович, посылая Вам вещи, я и забыл про полушубок. Схватился только тогда, когда ушло судно.

Ну, как? Егор вышел неудачно? Правда? Одно дело видеть и понимать его, а другое дело писать то, что он говорит. Если бы во всем «Егоре» нашлась хотя одна строчка, которая бы Вам напомнила настоящего Егора, то я тогда остался бы доволен.

Костюм мне очень нравится и стоит очень дешево.

Передавая мне посылку, доктор Щербак⁹ передал также и эту прилагаемую записочку, в которой Вы просите Павловского¹⁰ выслать ему некоторые виды. Зная, что Павловский очень тяжел в исполнении разных поручений, я взял-

ся исполнить Ваше желание. Большинство видов я купил у самого Павловского, а один — «Александровская тюрьма» — достал у Сережи Таскина¹¹.

Посылаю Вам 9 штук наклеенных и 10 ненаклеенных видов. Первые стоят согласно прилагаемого письма мадам Павловской (сам г. Павлов[ский] в это время уезжал во Владивосток), 8 руб., а вторые — 5 р., всего заплачено 13 руб. Не согласись я выдать сейчас же деньги, г. г. Павловские, вероятно, не были бы такими рачительными в исполнении моей просьбы. Одно меня сокрушает — будут ли подходящи все посылаемые виды. Вы, милый Антон Павлович, сообщите мне об этом и пришлите оставшиеся у Вас за ненадобностью виды. Я их возвращу обратно Павловскому. За покрытием этого расхода оставшиеся у меня 25 р. я при сем прилагаю.

Жду с нетерпением от Вас посланий. Пишите мне, если, конечно, будет охота обо всем понемногу. А как Ваши сочинения о Сахалине? Можно ли будет надеяться получить их на первых нартах? Я опасаюсь, что виды мои опоздадут.

Статья Щербака, помещенная в «Новом Времени» произвела ужасное уныние на наше милое общество. Генерал страшно злился. Сережа тоже. Я говорю про фельетон¹².

Ну, будьте здоровы и веселы. Скоро, быть может, увидимся.

Жмет Вашу благородную руку,

Ваш преданный Булгаревич.

Все Вам кланяются. Иван Сергеевич, вероятно, напишет Вам письмо. Скука страшная на Сахалине. Кругом дело, а делать ничего нельзя. Службу я себе избрал наиподлейшую. Просить другую службу я не хочу, а начальство не догадывается, что на другом месте можно было бы больше чего сделать. Оно исключительно занято решением дел по существу и ни одного, кстати заметить, оно еще не решило до сих пор особенно по существу. У меня даже появилась такая мысль, не боится ли оно ставить меня ближе к ссыльным. О Василии Васильевиче Овчинникове, о Ливине¹³, о Перлине¹⁴ — живут все во славу божию, производя ребят и все время от времени толстея. Никто не нарушит Вашего спокойствия — ни солдат, ни сумасбродный кокет. Жаль только людей, попавших по воле судьбы в их руки.

До свидания, милый Антон Павлович. Пишите, голубчик.

А что Ираклий?

¹ Речь идет о книгах, которые Чехов с помощью родных и знакомых собирал для школ Сахалина.

² Это распоряжение было сделано начальником острова В. О. Кононовичем. Отсюда следует, что прозвище «кокет» относится к Кононовичу.

³ В Рыковской школе негласно работали политические ссыльные А. И. Александрин и Б. О. Пилсудский. (Г. В. Госткевич. Записки пролетариата. «Каторга и ссылка», 1926, № 6 (27), стр. 147).

⁴ Письма Чехова Кононовичу касаются отправки книг на Сахалин. Копии с этих писем (о которых упоминает Булгаревич) были найдены мною в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока (г. Томск). Неисправно были опубликованы в журнале «Сибирские огни» (1958, № 7). См. М. Теплинский. В погоне за сенсацией. Письмо в редакцию. «Литература и жизнь», 1959, 21 января.

⁵ Подпоручик Сергей Фельдман служил в Дуэ. В архиве Чехова (Центральный государственный архив литературы и искусства) есть карточка, заполненная Чеховым на С. Фельдмана (ф. 549, оп. 1, ед. хр. 23, № 217).

⁶ Д. С. Климов — смотритель Мало-Тымовской тюрьмы. В книге «Остров Сахалин» о нем сказано: «В настоящее время в должности мало-тымовского смотрителя состоит г. К[лимов], интеллигентный и добрейший молодой человек, петербуржец, повидимому, сильно скупающийся по России» (X, 129).

⁷ М. Н. Канчер — политический ссыльный.

⁸ В книге «Остров Сахалин» Чехов писал, что у Булгаревича (в доме которого писатель жил некоторое время) «была только одна прислуга, старуха-хохлушка, каторжная, и изредка, этак раз в день, наведывалась к нему каторжный Егор, дровотаск, который прислугой его не считался, но «из уважения» приносил дров, убирал помой на кухне и вообще исполнял обязанности, которые были не под силу старушке» (X, 65).

⁹ Доктор А. В. Щербак — судебный врач Добровольного флота. В ЛБ хранятся несколько его писем к Чехову. В «Острове Сахалине» есть ссылки на статьи Щербака, которые печатались в «Новом времени». 17 декабря 1890 г. Чехов писал Суворину: «Познакомился с д-ром Щербаком. По-моему, это замечательный человек. Там, где он служит, все его любят, а я с ним почти подружился» (XV, 136).

¹⁰ Павловский — чиновник почтово-телеграфной конторы в Александровске, местный фотограф. Передал Чехову свой путевой дневник (ЛБ, к. 26, ед. 26-п), отчасти использованный писателем в книге «Остров Сахалин» (см. X, 176).

¹¹ Часть этих снимков хранится сейчас в Отделе фондов Государственного литературного музея в Москве.

¹² В газете «Новое время» 20 февраля 1891 г. была помещена статья А. В. Щербака «С ссыльно-каторжными», где, между прочим, об Александровске (тогдашнем центре Сахалина) говорилось следующее: «Тоскливый вид поста отчасти гармонировал и с внутренним бытом его не-каторжных обитателей, которые, судя по рассказам, давно уже перессорились друг с другом и вследствие томящей скуки,

безделья, отсутствия общности интересов и т. п., всецело погрузились в сплетни и интриги, но, конечно, не все, а за некоторым исключением».

В этой же статье упоминается «симпатичный д-р А. П. Ч., окончивший свою любопытную экскурсию на Сахалин».

¹³ Ливин — смотритель Рыковской тюрьмы. В своей книге Чехов отмечает его «сильное пристрастие к розге» (X, 125). См. о нем во вступительной заметке.

¹⁴ Перлин — врач в Александровске. Сразу же после приезда на Сахалин Чехов поселился у Перлина (затем перешел к Булгаревичу). В «Острове Сахалине» Перлин («старик без усов и седыми бакенами, похожий лицом на драматурга Ибсена» — X, 25) упоминается неоднократно. Чехов, в частности, отмечал пристрастие Перлина к доносам и даже воспроизвел «образчик доноса по телеграфу» в своей книге (X, 26).

6.

В начале этого письма Булгаревич просит Чехова посодействовать переводу его отца — священника¹ (который жил в то время с дочерью в Могилевской губернии) в Крым. О сестре Булгаревич пишет:

А сколько-то она выстрадала за каждого из нас: одного, отправляя в Турцию, другого посещая в крепости и провожая затем в ссылку, а меня — на чудный заморский Сахалин. Выписать ее к себе я считаю безрассудным — оставлять батьку и ехать в каторгу.

Вы извините, что я непрошенно посвящаю Вас в семейную хронику, это я собственно для выяснения причин, заставляющих хлопотать о переводе и чтобы не быть заподозренным на мотив питейнического отродья.

Живу я по-прежнему. Рукоблудствую в канцелярии, столярничаю, почитываю кое-какие книжонки, смакую «Вестник Европы», «Русские Ведомости» и больше ничего. Скучновато, зато спокойно. В официальных сахалинских сферах идет суета по поводу разных передвижений каторги на дорогу, на воды и проч., а также по поводу приезда начальства нового, в частном быту царит сплетня и страшное недоброжелательство. Кстати о Сальникове, живет он в Николаевске в крайней бедности, чтобы не сказать в нищете. Пьянствует также и тоскует. Кокет уехал, и у нас страшная апатия, никто никого не слушает, все один другому завидуют, а ловкачи под шумок, зная обделяют делишки. Все же мы собственно состоим под высокой рукой нашего благодетеля Сережи Таскина. 17 августа приехал было в Александровку настоящий и. д. начальника острова подполковник Дмитриев, но сейчас же и

уехал ревизовать Корсаковский округ. Чуть ли не все в Александровске летом перебывали. Яго-Ноитаки уж и при Вас был кощей, а теперь право смахивает на худую гилацкую юколу. А что, и теперь не перестает Вам сниться старик Перлин? Он во Владивостоке городovým врачом. Устроился многосемейно, имеет жену, детей, невестку ту же милую Настасью, — турмана, как Вы метко ее охарактеризовали, которая по-прежнему сожительствоет только с молодым Борей, с старым же разве когда случается только при смешении имен Борей. А помните Вы Дучинского², который добивался на Сахалине литературной славы и имел удивительную рожу и не менее удивительный большой нос. Представьте, он и в изгнании не чужд героических подвигов. Где-то в какой-то сибирской глуши, куда он переведен, какого-то папашу вызвал на дуэль. И за что? За то, что этот самый папаша не признавал его кавалерских достоинств и отказал Дучинскому в любви своей дочери, которая также отказала. Чем кончилась дуэль история умалчивает, только Дучинского за это перевели снова в какой-то курень, где только и есть, что разведенный костер, нары, да телеграфная проволока: стучи дескать, а в разы любви, если не поп, так и не суйся. Я вам пишу только про более выдающихся лиц, перебирать же всех будет для Вас очень тяжело читать, писать же собственно еще и того хуже.

Владимир Осипович уже в Питере. Он и там не забывает нас своими милостями, бомбандируя очень часто телеграммами. Удивительный он человек! Как то пройдут его штаты? Получили ли Вы посланное мною письмо, деньги и фотографии. Как бы я хотел, чтобы все это пришло своевременно. Павловский спрашивал Ваш адрес, чтобы послать снимки. Я ему и протелеграфировал: Феодосия Суворину передаче Чехову. Он же закатил по своему: Москва Феодосии Сувориной с передачей А. П. Чехову. Вот, воображаю, наищутся Феодосии Сувориной!

Ваши знакомые все Вам кланяются. Жду с нетерпением Вашего труда по Сахалину. Сообщите пожалуйста, что у Вас вышло в 1891 г., я заказал Манутину выслать все Ваши сочинения, вышедшие в свет в 1890 и 1891 гг. Не знаю, что пришлют. Получаете ли Вы приказы по острову? Я их посылаю Вам весьма аккуратно. Антон Павлович, голубчик, еще вспомнил просьбу: вышлите наложенным

платежом альбом для столярных работ. Без альбома просто как без рук. Чтобы не остаться в долгу, я ожидаю от Вас тоже поручений, которые я буду исполнять с особым наслаждением.

Затем до свидания, дорогой Антон Павлович. Наболтал я Вам изрядно. Не забывайте же сахалинца, пишите, когда выпадет свободная минута. Я, чай, думаю, что Вы теперь страшно заняты печатанием Вашего труда.

Климов еще не женился, да и надежды, собственно говоря, на оную мало. Невеста по-прежнему издевается над ним, а он вянет день от дня. Осенью будет проситься в отпуск в Европ. Россию.

Желает Вам полного успеха и здоровья искренно уважающий Вас

Д. Булгаревич.

Сахалин.

1891 года. Августа 20 дня.

¹ В архиве Чехова есть письма священника А. Булгаревича. В одном из них (18 декабря 1890 г.) он писал: «Дочь моя просит Вас, если Вы выпустите книгу описания о Сахалина, то не примените выслать ей» (ЛБ, к. 37, ед. 52).

² Э. Дучинский — сахалинский чиновник, поэт, автор обличительного стихотворения «Сахалино». «В длинные зимние ночи он пишет либеральные повести, но при случае любит дать понять, что он коллежский регистратор и занимает должность X класса» (X, 22).

2 декабря 1896 г. Чехов писал Суворину: «На Сахалине я встретил некоего Дучинского, родственника Скальковского, почтового чиновника, который писал стихи и прозу. Он написал «Сахалино» — пародию на «Бородино», всегда таскал в кармане бренок громадный револьвер и сильно зашибал муху. Это был сахалинский Лермонтов» (XVI, 409).

В архиве Чехова есть письмо к нему Дучинского (ЛБ, к. 26, ед. 3-е/4).

7.

Сахалин

1892 г., января 21 дня.

Многоуважаемый Антон Павлович!

Письмо Ваше от 19 августа я получил и сейчас же исполнил все Ваши указы: бабе и Егору дал по рублю, Степе Фельдману¹ сообщил, что Вы просили его поручений в благодарность за оказанное гостеприимство, Малявкину передал о его дочери и проч.

Очень жаль, милый Антон Павлович, что я не угодил Вам высылкой фотографии. Видит сахалинское небо, что я брал, не мудрствуя лукаво, так как мудрствовать то и не было над чем, все, что только было в наличности, придерживаясь Вашего списка. Фотографии я еще не получил, посылка не пришла в Контору, а потому и не мог их возвратить Павловскому.

Книгу Вашу о Сахалине ожидаю с нетерпением. У нас как-то не знаю кем был распушен слух, что будто ее Вам не позволили печатать. Это, конечно, вздор?

Кстати, Вы пишете, что Егор вышел удачно, — сомневаюсь положительно в этом. Егор так же вышел вероятно удачно, как фотография, и если о Егоре получилось положительное, то это только любезность, оказанная Вами списывавшему. Во всяком случае, я сознаюсь, что охотно писал рассказываемую Егором белиберду в надежде, что, быть может, хотя одна фраза, одно слово из егоровских перлов настроит даровитого художника на мотив о беспощадности законов, применяемых понапрасну к массе добродушных Егоров. К тому же я непосредственно получил удовольствие.

Живу я по-прежнему. Осенью, вероятно, если что-либо экстраординарное не помешает, отправлюсь домой. На Сахалине, повидимому, обстоит все благополучно. Гегемония управления в настоящее время принадлежит Шелькингу и Патрину. Вы их, понятно, знаете — первый пийца, а второй бийца. Впрочем, в деле управления те и другие служебные свойства находятся в родственной связи и в достаточном количестве.

А что, как голод? Слышно, что плохо. Впрочем это по «Русским Ведомостям». Судя же по «Новому Времени» ничего особенного нет². Ну, как Вы теперь думаете о переселении? Что причиной шатаний массы народа и его переселений? — Чувство ли привязанности к работе, или же голодное брюхо? Помните наш спор о Хохландии, в которой, благодаря переселениям, Вы отвергали вышеозначенное чувство.

А как Вам нравятся воспоминания Михайловского в «Русской Мысли» за 1891 г.³? Что говорят и чего ожидают от нашего рубля?

Упомянув в этом письме о Патрине, я забыл сообщить Вам о его жертве⁴. Помните скандал, о котором Вы разго-

варивали с Владимиром Осиповичем. Жертва Патрина застрелилась в ноябре месяце после почти тождественной с прошедшей историей.

Много бы чего хотелось переговорить с Вами частью сахалинского, частью нет, да проклятые 10 000 верст мешают. Этим письмо тороплюсь окончить, чтобы завтра отправить с отходящей почтой.

Просьба. Ради Бога забудьте в отношении меня бессрочное обязательство за какое то гостеприимство.

Пишите, Антон Павлович, не забывайте

Вашего покорного слуги Булгаревича.

Еще забыл спросить, как Вы находите стихотворение Полонского, посвященное Вам и находящееся в сборнике его «Вечерний Звон»? Я прочел, что Полонский за этот сборник получил Пушкинскую премию⁵.

Статейный список Ивана Беспалова при сем посылаю⁶.

Ваш Булгаревич.

Получаете ли Вы аккуратно посылаемые приказы?

¹ О С. А. Фельдмане см. вступительную заметку к публикации его писем к Чехову.

² Булгаревич справедливо обратил внимание на то, что реакционное «Новое время» пыталось замалчивать катастрофическое положение, в котором очутились крестьяне ряда губерний в результате неурожая в 1891 году.

³ Имелся в виду работа Д. Михайловского «Литература и жизнь», печатавшаяся в ряде номеров «Русской мысли» за 1891 г.

⁴ Речь идет о П. К. Домбровском (см. вступительную заметку).

⁵ В сборнике Я. П. Полонского «Вечерний звон» было помещено посвященное писателю стихотворение «У двери», которое Чехов считал хорошим (XIV, 48). «Вечерний звон» был удостоен Пушкинской премии.

⁶ Этот статейный список находится сейчас в архиве Чехова (ЛБ, к. 26).

Милый Антон Павлович.

Вместе с этим письмом я отправляю прошение Министру о разрешении мне без предварительных испытаний поступить в Томский университет. Как Вам понравится такой проект? И представьте, если разрешат поступить, хотя я сильно сомневаюсь в этом, придется изучать медицину, о чем я менее всего когда бы то ни было мечтал. Там

один только медицинский факультет и есть, так что выбора фактически мне не представляется. Если мне последнее не удастся, то я непременно поступаю в заграничный Университет.

Вопрос о высшем образовании никогда меня не покидал, теперь же только представляется возможность осуществить что-либо, имея некоторые сбережения.

Живу по-прежнему. Столярничать продолжаю. Сплетен на Сахалине не обобратся, пришлось целый год просидеть безвыходно в квартире. При новых временщиках положение обитателей Сахалина ухудшилось сравнительно. — Кругом поголовное пьянство, воровство, шантажи и ужасное бичевание каторги. Дикий произвол временщиков не имеет вовсе границ. Милое дитяtko Шелькинг, исправлявший должность Таскина, оказался кроме пьяницы и разбойником страшным — нет никому от него ни проезда, ни прохода. Эта зима была крайне тяжела, кто имел не овчинное сердце.

Первый Доброволец еще не приходил, а потому ничего не могу сказать на счет сахалинских чаяний. Вероятно «Петербург» с собой привезет что либо в этом отношении. Весна стоит плохая. Рыбы ловится совсем мало. Гиляки умирают от бескормицы массой. На днях возвратился из Агнево врач Тропин и сообщил, что чуть ли ни целое Агнево вымерло от цынги — готовящихся при нем было 2, умерло же перед этим 12 человек.

В библиотеку Тымовской полиции Климов прислал сборник «Помощь голодающим». Там между прочим помещена и ваша статья «Беглые на Сахалине»¹. Статейка больно уже маленькая, но при всем том крайне интересна и симпатична, если можно так выразиться. Симпатична она, на мой взгляд по своей тенденции — срочность и необезвозвратность на родину каторги, живучесть в ней, несмотря на все мытарства, человечности и пр. Интересна же она по собранному материалу и группировке его. Одно только, что мне показалось, это некоторая бледность изображения сравнительно с другими Вашими произведениями. Затем, мне кажется, Вы сильно доверились нашим срочным сведениям. А ведь их как пишут? Со стены, проклятые, берут. Административных на кордоне нет, одни из них в настоящее время в Рыковском, а другие в Александровке. Начальство в конце концов таки созна-

лось, что понапрасну сердилось и обратило свой гнев на милость, перевев их в центры². Впрочем, Рыковец просился сам, как на Рыковский¹ кордон, так и в Рыковское. Вообще же за статью спасибо. Она отрезвила хоть на некоторое время.

Батюшка, Антон Павлович, ведь я сообщал Вам, что писем, кроме отправленных мною, на Ваше имя больше не поступало. Разве Яго-Ноитаки прикарманил что-либо? — Да нет. У меня там есть вернейший человек, некто немец Корн, который по долгу службы и по личным симпатиям ко мне не мог бы не сообщить, если бы случилось что. Кстати, Яго уезжает в Шанхай. Извелся он, проклятый, на подлостях на нитку, и все-таки пакости не оставляет. Вот уж, скажу Вам, мерзавец, несмотря на всю симпатию к нему Кононовича. Про Климова я уже писал, кажется Вам, — женился таки «влюбчивый» и не нынче, так завтра явится на судне с жинкой и тещей. Жду его с нетерпением. Ящик с фотографиями не получил. Ах, как худо, что не угодил Вам.

Затем, до приятного свидания, дорогой Антон Павлович. Не забывайте сахалинца. Зимой увидимся.

Жму Вашу благородную руку.

Булгаревич.

Р. С. Степа Фельдман едет в Херсон к папэ... Этот юнец худо себя зарекомендовал в последнее время. — Словом, парень по пословице «из молодых, да ранний». Скатертью ему дорога.

Бабушка и Егор кланяются. Егор строит себе избу по Корсаковской дороге, а пока живет в землянке. В день привозит на себе по 4—5 бревен — и все это верст за 7—8. Живет один. «Невозможно, братец ты мой — никак невозможно без обзаведения». Разговлялись мы с ним пасхой вместе. Бабушка дождалась своего Потапа и теперь значительно посмирела на язык. Состоит она на урлоке, а Потап клепит целую нить в клэпало на дворе у Меркушева. Заходит она ко мне часто, так [как] у меня живет ее зять по одному с ней делу — Хведоренко — тоже оригинал изрядный.

А что это вышло с мукой Паухера? Сообщите, если найдете возможность.

Ну, будьте здоровы, пора оканчивать письмо. Да, я и

забыл спросить — не женились ли Вы? Помнится, когда-то говорили, что намереваетесь.

Преданный Вам Д. Булгаревич.

Сахалин.

1892 г. Апреля 23 дня — моя квартира.

¹ Одна из глав книги Чехова «Остров Сахалин» — «Беглые на Сахалине» была опубликована в сборн. «Помощь голодающим» (изд. газеты «Русские ведомости», 1892).

При подготовке этой главы для отдельного издания «Острова Сахалина» Чехов несколько сократил содержащийся там цифровой материал.

² Речь идет о конфликте политических и административных ссыльных с сахалинским начальством, в результате чего часть административных ссыльных была выслана в самые глухие места острова.

9.

[Осень 1892 г.]

Как кажется недавно было, когда Вы были на Сахалине, многоуважаемый Антон Павлович, а между тем сколько воды утекло, сколько перемен на Сахалине, не перечесть право: одни приезжают, другие уезжают, одни умирают, другие нарождаются, одни выходят на поселение, другие зарабатывают новую продолжительную каторгу и проч. Только неподвижно стоит Сахалин один, не соединяясь у мыса Погиби с материком и не удаляясь от него к более благодатным странам Америки. Представьте, что фамилии Фельдман, несмотря на все благословение божие, данное еще в ветхом завете, на острове больше не существует, а это перемена немаловажная! Из потомков этой милой фамилии осталась одна бывшая мадемуазель, слабость-то Сережи Таскина, теперь мадам Чарушина, но и она, нужно думать, если не отправится в Херсон, то не сегодня, так завтра умрет. Из вновь приезжих останавливает на себя внимание нынешний делопроизводитель Канцелярии Кочкин, — окончил курс 1891 г. в Петерб. Университете с дипломом 1-й степени. — Кажется, чего бы лучше для Сахалина — едут служить люди с высшим образованием, а что от них за польза Сахалину, — реальной то пользы — никакой, а вред существенный. Эти бесстыжие господа своими аттестатами только закрепляют и замаскировывают наглый произвол, воровство и зверство в отношении к

жизни здешней братии. Кстати, в лице Кочкина я познакомился с оканчивающими в настоящее время университетские курсы. Боже ты мой, что это за люди! Они черствы, как каторжный хлеб, они глупы, как 133 поповских свиньи. Интересны отзывы профессуры о нынешних студентах. Вместе с Кочкиным приезжал на Сахалин профессор Харьковского университета Краснов². Он говорит про Кочкина, что это глупец новейшей университетской формации. Я уже начинаю собственно сожалеть, Антон Павлович, что я стал хлопотать на счет поступления в Университет. Дело моего поступления еще не выreshилось, но надеюсь, что при известной настойчивости генерала Кононовича, который добровольно взял на себя хлопоты поступления, оно может кончиться благоприятно.

Перемен между Вашими знакомыми особенных не произошло. Климов, как Вам уже известно из моих писем, женился и теперь по-прежнему живет в Мало-Тымове. Выбор подруги жизни оказался очень удачным. Одно только у него горе, что приходится много страдать, как нравственно, так и физически. На него возложено очень интересное следственное дело, всполошившее весь Сахалин. Одни делом интересуются по необходимости, дожда за свою собственную шкуру, другие интересуются им, поддерживая интересы первых, третьи интересуются им, как причиной и способом разоблачения мерзостей сахалинского темного царства.

Содержание этого дела и всех ослож³...

¹ Датируется на основании упоминаний о пребывании на Сахалине проф. Коаснова (лето 1892 г.) и телеграммы Булгаевича от 4 января 1893 г., где сказано, что это письмо было отправлено на последнем (осеннем) рейсе парохода Добровольного флота.

² Проф. А. Н. Коаснов был на Сахалине летом 1892 г. В черновой рукописи своей книги Чехов упоминает статью Коаснова «На острове изгнания» («Книжки Недели», 1893, № 8 и 9) — X, 429.

³ К сожалению, на этом письме перебивается, однако, никаких сомнений нет в том, что речь здесь шла о знаменитом «онорском деле». Об этом деле в печати вневые заговора проф. Коаснов:

«И если каторжник работает не в тыюме, а где-нибудь вдали, на расчистке дорог... — бесправное его положение проявляется не только в моральных, но и в физических страданиях. Не далее, как в нынешнем году при проведении дороги на сел. Онор обнаружены были вопиющие злоупотребления безграмотного надзирателя <Ханова>, которому было поручено ведение дорожных работ как человеку, хорошо знающему дороги... Когда же рабочий, изнуренный истинно каторжным трудом, падал от изнурения, он его просто пристреливал, как со-

баку, и хоронил без медицинского освидетельствования, давая свои собственные определения болезни» («Книжки Недели», 1893, № 8, стр. 161).

После появления в печати статей проф. Краснова и корреспонденций в газете «Владивосток» «администрация встревожилась, — как вспоминал впоследствии Миролюбов. — Казалось бы, надо скорее затушить пожар, то есть исследовать дело на месте, прогнать Ханова, установить новые порядки и обратить особое внимание на избитых; но сделала как раз наоборот: Ханова по-прежнему оставили надзирателем на Оноре, а удалили чуть не со скандалом Д. С. Климова; начатое последним «онорское дело» положили «под сукно», еще с более строгою цензурою отнеслись к письмам ссыльных и стали искать среди них корреспондентов «Владивостока» («Восемь лет на Сахалине», стр. 205. См. там же стр. 182—190 и упоминания об этом деле в книге В. Дорошевича «Сахалин», т. II, стр. 54—60).

Судя по черновой рукописи «Острова Сахалина», Чехов первоначально предполагал написать об этих вопиющих безобразиях:

«В известном Онорском деле окружной начальник писал надзирателю Ханову, оказавшемуся потом главным убийцей: «Пусть дубинка не прогуливается по спинам ссыльных, взамен ее даю тебе право наказывать людей 30-ю ударами розог». И это право так хладнокровно дается надзирателю из ссыльных убийц» (X, 471).

Очевидно, Чехов не включил этих строк в окончательный текст потому, что описываемые события произошли уже после его посещения Сахалина.

Можно предположить, что эти подробности об «онорском деле» были сообщены в не дошедшем до нас окончании письма Булгаревича. Во всяком случае, несомненно, что этому письму Булгаревич придавал особое значение, о чем свидетельствует его телеграмма, посланная Чехову 4 января 1893 г.

10.

Лопасня января 4 дня 1893 года
из Сахалина телеграмма № 123

Лопасня Чехову

Новым годом, получили ли мое письмо последнем добровольном, как понравилось, привет.

Булгаревич.

11.

Лопасня 8 апреля 1893 года
из Москвы телеграмма № 36627

Лопасня Антону Павловичу Чехову

Проездом домой заехал в Москву, пишу сидя [у] брата. сильно желаю видеть Вас, сообщаю Лев Николаевич ждет Вас пятницу, ожидаю ответа, привет¹

Булгаревич.

¹ Весной 1893 г. Булгаревич отправился в отпуск на материк. В начале апреля 1893 г. он посетил М. П. Чехову. Она писала брату: «Сахалинец Булгаревич подарил мне за ласковое обращение двух соболей» (М. П. Чехова. Письма к брату А. П. Чехову. М., 1954, стр. 23). Чехов отвечал ей: «Это очень милый и добрый человек, у которого я жил, когда был на Сахалине» (XVI, 56).

Как раз в начале апреля 1893 г. М. П. Чехова сообщала брату, что Репин и А. Толстой разыскивали его в Москве и что П. А. Сергеевко «пообещался гр. Толстому прийти с тобой к нему в пятницу» (М. П. Чехова. Письма к брату, стр. 22). Возможно, по просьбе М. П. Чеховой Булгаревич снова решил напомнить Чехову день предполагаемой встречи с Толстым.

Однако Чехов не смог приехать тогда из Мелихово в Москву. С А. Толстым он встретился два года спустя — в 1895 г. С Булгаревичем же, судя по всему, Чехов более ни разу не встречался. Опубликованная выше телеграмма — последняя в переписке Чехова и Булгаревича. Других писем Булгаревича в архиве Чехова нет, и имя Булгаревича в переписке Чехова после 1893 г. не встречается.

* * *

ПИСЬМО А. М. БУТАКОВА К ЧЕХОВУ

Арсений Михайлович Бутаков был во времена Чехова начальником Тымовского округа на Сахалине. Чехов причислял его к числу «интеллигентных и интересных людей» (X, 117). Вместе с тем, в книге о Сахалине Чехов счел необходимым заметить, что «даже такой, несомненно заботливый человек, как А. М. Бутаков, начальник Тымовского округа, сажает людей на участки как-нибудь, не соображаясь насчет будущего, и ни в одном округе нет такого множества совладельцев или сверхкомплектных хозяев, как именно у него» (X, 200).

Биография А. М. Бутакова так же неизвестна, как биография и всех остальных сахалинских корреспондентов Чехова. Некоторые сведения о Бутакове сообщает лишь Миролюбов. Так, о смерти Бутакова (1893 г.) он пишет: «Сахалинская молва заподозрела, что его убило нравственное угнетение, которое он испытывал после возникновения дела об онорских происшествиях. Вероятно, это имело свое влияние на его здоровье, но главною причиною его внезапной смерти было воспаление легких» («Восемь лет на Сахалине», стр. 243).

Несомненно, что Бутаков, как начальник Тымовского округа, был во многом повинен в тех чудовищных злодеяниях, которые раскрылись в связи с расследованием обстоятельств постройки онорской дороги.

В публикуемом ниже письме к Чехову Бутаков, ничего

еще не зная, естественно, о близком скандале, подробно рассказывает о сооружении этой ужасной дороги, которая унесла столько человеческих жизней.

Письмо Бутакова печатается по подлиннику, хранящемуся в архиве писателя (ЛБ, к. 37, ед. 58).

Многоуважаемый Антон Павлович!

Наперво позвольте выразить Вам мое русское спасибо за память о нас грешных, живущих на далекой окраине востока. Письмо ваше от 14 января я получил с последнею нашею зимнею почтою, т. е. в конце марта. Так долго не отвечал по той причине, что не знал ничего определенного относительно пари, теперь же можно с уверенностью сказать, что пари проиграно Вами. Д. С. Климов в октябре уехал в отпуск в Россию, а Саша как тогда, так и ныне говорит одно и то же, что за Климова никогда замуж не выйдет. Оказывается, что Вы один из многих, проигравших ей пари, с некоторых Рыковцев она уже получила.

Семен Коротаев¹ искренно благодарит Вас за то, что Вы в таком маленьком человечке, как он, приняли участие; прошение он подал летом, и я со своей стороны дал самую хорошую аттестацию, но чем кончится его дело и когда, неизвестно.

Сердечно буду Вам благодарен, если Вы будете так милы, что пришлете, по выпуске в свет своей работы о Сахалине и мне экземпляр, который будет мне воспоминанием, что на окраине востока пришлось мне встретить такого человека как Вы, к которому душа и сердце сразу были расположены и очарованы, не примите это за лесть, все, что высказываю на бумаге, подсказывает сердце; таких людей, как Вы, на нашем Сахалине можно увидеть только один раз в десять лет, а то и того менее.

Работы наши за лето подвинулись значительно; там, где мы все вместе проходили от Усково к Дербинскому, спотыкаясь на каждом шагу за пенья, коренья и падая в ямы, наполненные водою, теперь можно прокатить на тройке лошадей, запряженной в тарантасе; на Юг к Тарайке от сел. Палево пройдено до 60 верст, и местность эта занята поселениями и разными казенными постройками. На будущее лето рассчитываем провести всю телеграфную линию до п. Корсаковского, а там займемся капитальной отделкой туда дороги.

Как служебная моя деятельность, так и семейная жизнь, стоят в тех же рамках, как и при Вас, да для меня было бы событием выскочить из той колеи, которую пробиваю девятый год на Сахалине. Остается еще два года, молю Бога, чтобы он послал здоровья и сил дотянуть их. По правде сказать, не особенно красна наша жизнь, народ впрягся в это ярмо и свыкнувшись с его тяглом, не особенно ощущаешь боль на своем хребте.

С отъезда Вашего в Округе произошли кое какие перемены, а именно: Начальник Команды капитан Шван² умер, место его занял капитан Кусанов. Врач Сасапарель³ уехал в отпуск и более не возвратится, вместо него временно военный врач В. Я. Сцепенский, мой родственник, вместо Климова молодой Фельдман, старик Фельдман, схоронивши старшего сына, жену, дочь выдав замуж за Чарушина архитектора, осенью уехал в Россию. В. В. Овчинников на той же должности, перешел в свой новый дом, который ныне летом отштукатурил, квартира вышла хорошая, они все посылают Вам поклоны.

Еще большое спасибо за ту часть книг, высланных Вами, которая выпала на долю школ и народа Тымского округа. В Рыковске отстроили новую школу очень большую со всеми удобствами и можно питать надежду, что школы наши с каждым годом будут процветать, в нынешнем году помимо книг высланных Вами, я выписал, на остаток аванса, отпускаемого на содержание школ, на 600 руб. книг и учебных пособий, половина их была получена в октябре, а остальные придут весной.

Что же, больше, кажется, и писать нечего.

В заключение позвольте Вам, многоуважаемый Антон Павлович, засвидетельствовать от себя и детей наше искреннее почтение со всеми хорошими пожеланиями, а в особенности доброго здоровья.

Искренно уважающий Вас

А. Бутаков.

14 декабря 1891 г.
сел. Рыковское
на о-ве Сахалине.

¹ С. Коротаев — ссыльно-каторжный, с которым Чехов познакомился на Сахалине и впоследствии упоминал в своей книге (X, 115). Сохранилось письмо Коротаева к Чехову, где он, обращаясь к писателю с просьбой о помощи, напоминает: «В бытность Вашу в прош-

лом году на о-ве Сахалине Вы осчастливили меня своим разговором относительно моей судьбы, завлекшей меня в каторжные работы» (X, 504). По другим данным фамилия этого ссыльно-каторжного Каратаев.

² Капитан Шван — автор интересной статьи «Занятие южного Сахалина» («Тюремный вестник», 1894, № 8 и 9).

³ О д-ре Сасапареле см. в кн. Миролюбова «Восемь лет на Сахалине», стр. 48.

* * *

ПИСЬМА С. А. ФЕЛЬДМАНА К ЧЕХОВУ

После двухмесячного пребывания на севере Сахалина (в Александровском и Тымовском округах) Чехов переехал на южный Сахалин (Корсаковский округ), где пробыл около месяца. Значительную часть этого времени он провел вместе со Степаном Алексеевичем Фельдманом, служившим тогда в должности секретаря Корсаковского полицейского управления.

На Сахалине во времена Чехова находилось многочисленное семейство Фельдманов, частые упоминания о котором содержатся в письмах к Чехову Булгаревича и Бутакова, опубликованных выше.

Что касается С. А. Фельдмана, то, надо думать, что слова Булгаревича о том, что он в последнее время пребывания на Сахалине «худо себя зарекомендовал» и что это «парень по пословице «из молодых, да ранний» — соответствуют истине. Правда, было высказано мнение о том, что Фельдман вышел в отставку и покинул Сахалин, так сказать, по «благородным соображениям», под влиянием Чехова (X, 504). Нет никаких данных, которые могли бы подтвердить это предположение.

Оставив из-за «недовольства Кононовича» Сахалин и предприняв неудачную попытку устроиться в Петербурге (с этой целью он обратился к Чехову с просьбой о протекции), Фельдман поступает на службу в Херсоне (где, по его же собственным словам, «тот же Сахалин, интриги на каждом шагу»), причем поступает на службу снова в тюремное ведомство. 27 января 1893 г. он был назначен помощником начальника Херсонской тюрьмы¹.

Затем Фельдман сделал неплохую карьеру по этому же ведомству².

Письма Фельдмана печатаются по подлинникам, хранящимся в ЛБ (к. 61, ед. 27).

¹ «Тюремный вестник», 1893, № 3, стр. 126.

² В 1895 г. он был назначен начальником Бугурусланской тюрьмы, в 1899 г. переведен на должность начальника Виленской тюрьмы, в 1901 г. был начальником Полтавского исправительного арестантского отделения, в 1908 г. награжден орденом Станислава 2 степени в качестве начальника Харьковского исправительного арестантского отделения. («Тюремный вестник», 1895, № 3, стр. 115; 1899, № 1, стр. 3; 1901, № 6, стр. 253; 1908, № 1, стр. 5).

1.

12 ноября 1892 г.

Многоуважаемый Антон Павлович!

Вы, может быть, забыли о существовании на свете сахалинского Фельдмана, с которым Вы проводили около месяца в п. Корсаковском. Я, по крайней мере, с удовольствием, если не сказать больше, вспоминаю о Вас и о том времени, когда Вы в нашу дикую жизнь внесли что-то новое, совсем не сахалинское, помню и Владимирку, где мы с Вами ночевали в надзирательской и соблазняли о. Ираклия коньяком.

20 июня я возвратился с Сахалина, причина возвращения—недовольство Кононовича, конечно, через Таскина и его сподвижников, отчасти же мой характер, который не может мириться со всеми чиновничьими интригами и интересами, особенно же сахалинскими. Последнее время я на время отпуска Климова управлял Мало-Тымовской тюрьмой, бывал у Булгаревича, который мне передал поклон от Вас. Я был очень рад и думал писать Вам, но, право, стеснялся и вот недавно был в Одессе, решился написать Вам, отчасти потому, что был в театре исключительно, чтобы видеть Вашего «Медведя», радовался за Вас, успех был полный. Все, что Вы пишете, читаю с наслаждением и хотелось бы еще раз увидаться с Вами. Теперь живу в Херсоне, на Гимназической улице в собственном доме, имею маленькую протекцию в Петербурге и прошусь туда, но все это еще, может быть, только фантазии, трудно нынче достать место, а особенно с такой подготовкой, какую я получил на Сахалине, хотя скажу, не хвастаясь, что большого следа прежняя жизнь не оставила. Если Вас, многоуважаемый Антон Павлович, не затруднит ответить мне, как Вы живете, помните ли меня и смогу ли я посетить Вас, когда буду ехать в Петербург, я буду счастлив. Я был бы еще

больше счастлив, если бы Вы прислали мне что-нибудь написанное Вами из сахалинской жизни, это был бы неоцененный подарок. Позвольте пожелать Вам всего лучшего.

Уважающий Вас С. А. Фельдман.

2.

27 ноября [1892 г.]

Многоуважаемый Антон Павлович!

Письму Вашему был несказанно рад, я не думал, чтобы Вы, постоянно занятый работой, сумели уделить частичку времени, чтобы ответить мне так скоро. Приехал в Херсон я в июле и почти три месяца пробыл в деревне, в Елисаветградском уезде у своего товарища по гимназии, теперь нахожусь в ожидании ответа из Петербурга, куда писал 4-го ноября и просил найти мне небольшую должность, сообразно моей прежней службе, или же какую-нибудь подходящую, между прочим, указывал на службу на железной дороге, но все это может оказаться одной фантазией и потому, если не получу ответа до Рождества, обращусь к Вам и постараюсь оправдать Ваше расположение ко мне. Простите, что, собственно, так бесцеремонно прошу Вас. О Сахалине много мог бы Вам рассказать, но, право, не знаю с чего начать, всего не напишешь.

Белый женился, он же, как мне кажется, помешал моей дальнейшей службе (чему я отчасти благодарен), что же касается Шелькинга, то он ушел, положительно, через него и Вологодина, который всеми мерами старался его выкурить. Шелькинг как деятель ничем не выделялся из общего уровня служащих, но был честен, что на Сахалине весьма редко и если можно назвать кого-нибудь, то едва ли найдется два или три человека, к числу которых можно причислить Ярцева, Климова, Бутакова, а больше, право, затрудняюсь искать. Ярцев, как Вы можете знать из показов, назначен Смотрителем Корсаковской тюрьмы, Кононович, пожалев его семейное положение и в виду скорой выслуги 10 лет, дал ему эту должность, так как пенсия дается сообразно окладу содержания, дальше я думаю Кононович держать его не станет, хотя Ярцев, помимо того, что он интересен в обществе, еще имеет за собой большие знания, а поживши на Сахалине 9 лет, может быть

назван специалистом, и такими людьми, мне кажется, нужно дорожить, это не автомат, что в большинстве случаев представляют из себя сахалинские чиновники. Если Вы видели Сахалин так, как он есть на самом деле, то, вероятно, заключение Ваше о нем не особенно благоприятное, теперь же, когда все распоряжения Кононовича из Петербурга основываются на доносах, переданных ему лично Таскиным, который был (эту) прошлую зиму в Петербурге и на письмах, посылаемых ему Вологдиным, все идет по системе кулачной расправы. Ливин исполняет должность начальника Корсаковского Округа, Патрин смотрителем Александровской тюрьмы. Из писем сестры, оставшейся там (она замужем за архитектором Чарушиным), видно, что для Александровской тюрьмы теперь не хватает одного палача Комлева, а бывают случаи, когда для наказания артели в 300 человек (дровотасков) вызывают из Дуэ палача Николку Толстых. В общем, невообразимый хаос, хаос уже потому, что все крестьяне, можно сказать, поголовно удрали с острова, продав за бесценок доставшееся с таким трудом скромное хозяйство. То же самое произошло и с поселенцами. Последним продавать имущество было воспрещено, а потому поневоле они передали свои хозяйства за ничто, по большей части каторжным и также выехали во Владивосток для работы на железной дороге, начальству же сахалинскому осталось одно — показывать по отчетам, что все идет по-прежнему, т. е. прекрасно. Полковник Дмитриев, исправлявший должность Начальника острова — прекрасный человек, но управлял островом не в духе Кононовича, главное неудовольствие, которое вызвало протест со стороны Кононовича — это близкое знакомство Дмитриева с делами Колонизационного фонда и тем, что заведующий фондом Милевич, которого Кононович боготворит и довел это темное дело бесконтрольно, подвергся преследованию за продажу поселенцам волки на 12^о ниже показываемых на интимной отчетности. За это и прочие дела его оттуда по настоянию Кононовича убрали и назначили Белого, который по имеющимся до сих пор данным в отнятом из произведенного им следствия над Смотрителем Корсаковской тюрьмы Тимченко-Яреценко о воровстве по Корсаковскому округу, потворствовал ему, довел округ до нищеты и никогда ничего поядочного не делал (1888 год). Оглядываясь назад и беспристрастно да-

вая оценку каждому из служащих в настоящее время на острове, где каждый самый маленький начальник, даже такой, как надзиратель Савельев, представляет из себя большую персону, вчуже становится грустно. Протоиерей Тимошенко, как только услышал, что Белый едет управлять островом, телеграфировал Гурию, который, зная их отношения, перевел его в какую-то деревушку около Благовещенска. На этот раз оканчиваю описание сахалинских неурядиц, не подумайте, что я пишу в озлоблении против кого-нибудь, с Вами и там был откровенен и письма мои считайте такими же беспристрастными. Плаксин, насколько могу припомнить, приговорен к бессрочной каторге и наказанию 40 ударами плетей, раньше осужден за убийство на 10 лет. Убийство его носит аналогичный характер с прежним, он также завернул голову своей жертвы в тряпки. Затем, если помните, жил в 1-й Пади поселенец Доброрядов — огородник, тщедушный, изможденный (он как специалист огородничества упоминается в записке Фрикена), его убил сосед Кузнецов. Судьба Гараниной¹, убившей на Владимировке мужа вместе с сообщниками Платоновым и казаком, фамилию которого не помню, Вам вероятно, также известна. В ту же зиму был вызван в Александровск проститься с умиравшим братом, отсюда начинаются мои перипетии по службе, результаты которых Вы знаете. Я все таки не могу позабыть Вашего пребывания в Корсакове, которое нас всех заставило очнуться от той безобразной, бесцельной жизни, свидетелем которой Вы были сами. Где можно сделать много, там обыкновенно ничего не делают. Отец посылает Вам искренний привет, жалеет, что у него нет таких же приятных воспоминаний, как у меня. Желаю Вам всего хорошего, уважающий Вас,

Ваш Ф е л ь д м а н.

Окуло-Кулака² последний раз видел проездом через Большое Такое, он лежал у себя на диване и смотрел в одну точку в совершенно бессознательном состоянии, в это время бабы мыли пол и просили меня его перенести на кровать, но я не решился нарушить его торжественного состояния.

¹ Гаранина упоминается в книге Чехова: «В тюрьме содержалась... женщина свободного состояния Гаранина, подозреваемая в убийстве мужа; она... сидела в темном карцере и получала горячую пищу через

два дня в третий. Когда один чиновник допоскивал ее при мне, то она заявила, что она давно уже больна и что ее не хотят почему-то показать доктору. Когда чиновник спросил у надзирателя, приставленного к карцерам, почему до сих пор не позаботились насчет доктора, то он ответил буквально так:

— Я докладывал господину смотрителю, но они сказали: пусть издыхает» (X, 293—294).

² В. Дорошевич в книге «Как я попал на Сахалин» (М., 1903, стр. 55) упоминает о помощнике смотрителя тюрьмы с двойной фамилией — Акула-Кулак.

3.

20 декабря [1892 г.]

Многоуважаемый Антон Павлович!

Не знаю, получили ли Вы мое письмо, которое послал на другой день по получении Вашего, заказным не приняли, а простое могло пропасть. Из Петербурга ни ответа, ни привета, жду со дня на день письма, но думаю, что все это одни фантазии. Недавно был в Одессе, предлагают службу в Интендантстве, но эта служба мне не по душе, да и перспективы почти никакой, канцелярская работа, особенно там, страшная. Мне, право, как-то неловко обращаться к Вам с просьбой и затруднять Вас. Я знаю, как трудно это сделать, но при Вашем большом знакомстве в Петербурге, я думаю, можно будет дать мне какую-нибудь должность. В генеральские протекции верить трудно, обещаний можно ждать по три года, а мне, признаюсь Вам, так надоело ничего не делать. На всякий случай посылаю Вам выписку из моего аттестата о прохождении службы. [Выписка не приводится].

9-го приехала с Сахалина сестра, на том же пароходе получил письма, Бутаков жалеет и ругает меня, что я уехал, он говорит, что наверно бы назначили Смотр. Рыковск. тюрьмы. Сознаюсь, Антон Павлович, что я несколько не жалею. Я рад, что имел приятный предлог уехать оттуда, иначе пропал бы там. Еще раз обращаюсь к Вам с той же просьбой помочь мне, службу по Вашему усмотрению выберите, если есть выбор, мне хотелось бы только в Питер, там народ свежее, лучше, тут тот же Сахалин, интриги на каждом шагу.

До свидания, желаю Вам всего хорошего,

Уважающий Вас, Ваш Фельдман.

Отец шлет Вам искренний, низкий поклон.

СУДЕБНАЯ ПОВЕСТКА

В архиве Чехова есть еще один документ, где упоминается фамилия Фельдмана. Это «Повестка» на имя А. П. Чехова следующего содержания:

«Судебный следователь по Ялтинскому уезду... призывает Вас 17 октября 1898 г. в 1 час дня в камеру свою для допроса в качестве свидетеля по делу судебного следствия 3 участка г. Одессы о Кононовиче и Фельдмане [Сахалинские порядки]» (ЛБ, к. 64, ед. 59).

Можно предположить, что Фельдман опубликовал в какой-то газете статью под названием «Сахалинские порядки», где нелестно отозвался о Кононовиче. Кононович возбуждал дело об оскорблении в печати, и по просьбе какой-то стороны (Фельдмана или Кононовича) Чехов был вызван в качестве свидетеля. Так как писатель проживал в то время в Ялте, то допросить его было поручено ялтинскому следователю.

Все это только предположения, ибо никаких следов этого дела до сих пор ни в печати, ни в архиве не обнаружено.

Неизвестно, какой именно Фельдман судился с Кононовичем. Из писем С. А. Фельдмана к Чехову известно, что в Херсоне проживал его отец, также служивший на Сахалине и, как мы увидим далее, не чуждый печати.

В этой связи есть смысл рассказать о другом деле, по которому Чехова также хотели привлечь в качестве свидетеля. Речь идет о нашумевшем в свое время процессе Фельдмана и Дорошевича. Быть может, когда-нибудь это второе дело поможет разрешить загадку первого.

В 1897 г. на средства газеты «Одесский листок» известный тогдашний журналист В. М. Дорошевич предпринял поездку на Сахалин. В том же году на страницах «Одесского листка» он начал печатать свои сахалинские очерки. Несколько раз в этих очерках упоминалась фамилия Фельдмана (старшего). Его самого на Сахалине Дорошевич уже не застал, но рассказов о нем слышал много. Судя по этим рассказам, даже через несколько лет после отъезда Фельдмана его имя вспоминалось с ужасом, как чрезвычайно жестокого, хитрого и злого тюремщика¹.

А. С. Фельдман, который, выйдя в отставку, жил неда-

¹ См. «Одесский листок», 1897, 9 окт., № 239, стр. 1; 6 ноября, № 266, стр. 1.

леко от Одессы (в Херсоне), желая реабилитировать себя, написал письмо в редакцию газеты «Новороссийский телеграф», где возмущался статьями Дорошевича о Сахалине. Он обещал «рассказать правду» о сахалинской жизни в будущих своих статьях и одновременно сообщал: «Я отправил донесение в Главное тюремное управление, кроме того, мною подана жалоба на г. Дорошевича г. прокурору одесского окружного суда»¹.

В «донесении» же Фельдман пытался опровергнуть несомненные факты, о которых рассказал не только Дорошевич, но еще ранее и Чехов.

Дорошевич в ответной статье доказывал свою правоту между прочим и ссылками на статьи самого Фельдмана, которые тот еще в 1893 г. опубликовал на страницах «Одесского листка»².

Между тем, жалоба прокурору была подана, и Дорошевичу было предъявлено обвинение в клевете. Дело это длилось несколько лет. Для нас представляет особый интерес то, что Дорошевич хотел однажды привлечь к этому процессу в качестве свидетеля А. П. Чехова. 29 апреля 1900 г. он телеграфировал в Ялту:

«Десятого мая мое дело в Одессе все сроки вызова свидетелей пропустил должен вызывать сам очень прошу если можно приехать свидетелем телеграфируйте ответ...

Дорошевич» (ЛБ, к. 42, ед. 436).

Чехов приехать в Одессу не смог, и это, собственно, было к лучшему, ибо, как сообщалось в «Одесском листке» 11 мая 1900 г., назначенное к слушанию дело было отложено. Однако Чехов не оставил без ответа телеграмму Доро-

¹ «Новороссийский телеграф», 1897, 2 дек., № 7321.

² «Одесский листок», 1897, 4 дек., № 294, стр. 3 — 4. В своих статьях 1893 г. Фельдман не мог не указать на ряд неустroйств сахалинской каторги. Но общая картина, нарисованная им, весьма радужная. Он утверждал, что на Сахалине «если не во всяком селе, то в более или менее значительных селах есть народные школы» («Одесский листок», 1893, 24 авг.), что «сахалинские дети, в особенности учащиеся, прекрасно одеты, никогда в свободной деревне нельзя встретить детей в таких славных, дубленых полушубках, теплых шапках, валенках и пр., как в деревне на острове» (там же, 25 окт.), и что, наконец, Сахалин — «лучший пункт для ссылки каторжных, что каторжный труд выйдет победителем в борьбе с природою этого пока еще далекого острова» (там же, 27 сент.).

шевича. Ответ Чехова, неизвестный до сих пор исследователям, был процитирован уже после смерти писателя в газете «Русь»:

«Приехать не могу. Рассчитывайте на оправдательный приговор. Он будет и должен быть...»¹

Эта телеграмма (которую можно приблизительно датировать 30 апреля 1900 г.) свидетельствует не только о постоянной отзывчивости Чехова, но и о том, что в судебном процессе Дорошевича и Фельдмана все симпатии писателя были на стороне первого.

Как же протекал этот процесс?

В конце 1900 г. в Одессе слушалось дело Дорошевича и Фельдмана. Суд вынес Дорошевичу оправдательный приговор. Однако Сенат направил дело на новое рассмотрение, которое состоялось в конце 1904 г.

На новом судебном заседании наиболее отчетливо всплыли наружу все сахалинские ужасы, в которых принимал участие и Фельдман и которые ему очень хотелось скрыть.

«До рассмотрения дела по существу, — сообщала газета «Русь», — Фельдман просит судебную палату приобщить к делу книгу «Восемь лет на Сахалине», автором которой является Миролюбов, сосланный за государственное преступление и ныне работающий в «Историческом вестнике». Миролюбов называет Фельдмана в своей книге «добродушным стариком». В свою очередь, защитник Дорошевича, петербургский присяжный поверенный М. А. Гольдштейн, ходатайствует о приобщении двух книг: «Каторга и поселение на Сахалине» д-ра Лобоса, 7 лет заведовавшего медицинской частью на Сахалине, и «Каторга, ссылка на Сахалине и Приамурском крае» д-ра Дриля, командированного министерством юстиции для ревизии сахалинских тюрем за десять лет. Авторы этих книг далеко не лестно отзываются о деятельности Фельдмана в бытность его смотрителем Александровской, Воеводской и Дуйской тюрем...

Защитник Дорошевича, прис. повер. М. А. Гольдштейн, мрачными красками нарисовал неприглядную картину жизни ссыльных в дореформенном Сахалине, когда он находился в ведении министерства внутренних дел, а не юстиции. Ссылаясь на товарища прокурора Курочкина, ген.

¹ Дело В. М. Дорошевича. «Русь», 1904, № 341.

Кононовича¹, защитник указывал, что ссыльных кормили сырым хлебом, вонючей рыбой, на которой ползали черви; пороли без разбора хороших и дурных, ленивых и прилежных... Дриль не злободневный фельетонист, а ревизор по поручению министерства, и что же он говорит в своей книге о деятельности Фельдмана? Воеводская, Дуйская и Александровская тюрьмы были самыми страшными, туда посылались все государственные преступники и каторжники. Почему это все делалось? Не из кротости же Фельдмана. Судебная палата не могла допросить ни одного свидетеля по ссылке Дорошевича, так как против допроса каждого из них Фельдман спорил. Телеграмма Чехова, в которой покойный писатель сообщал: «Приехать не могу. Рассчитывайте на оправдательный приговор. Он будет и должен быть»... также оглашена не была ввиду спора Фельдмана...

Одесская судебная палата, как сообщают «Одесские новости», утвердила оправдательный приговор суда².

Однако за несколько месяцев до этого судебного заседания Фельдман сделал попытку как-то снизить значение телеграммы А. П. Чехова. Он решил, воспользовавшись смертью Чехова, опубликовать воспоминания, которые послужили бы свидетельством о его чуть ли не дружбе с покойным писателем.

Речь идет о статье «Чехов на Сахалине», опубликованной в херсонской газете «Юг» (1904 г., № 1817). Эта статья приведена (в выдержках) в книге Н. И. Гитович «Летопись жизни и творчества А. П. Чехова» (стр. 274 — 275).

Воспоминания записаны корреспондентом газеты со слов «одного из чинов Сахалинской администрации, ныне проживающего в Херсоне».

Прежде всего возникает вопрос: кто это «один из чинов сахалинской администрации, ныне проживающий в Херсоне»? Можно было бы предположить, что это С. А. Фельдман, письма которого к Чехову были опубликованы выше.

Но С. А. Фельдман сопровождал Чехова во время его путешествия по Корсаковскому округу Сахалина. Между

¹ Г. Курочкин давал показания в судебном заседании, которое состоялось в конце 1900 г. Показания В. О. Кононовича были даны в ходе предварительного следствия («Одесский листок», 1900, № 307).

² Дело В. М. Дорошевича. «Русь», 1904, № 341.

тем, судя по тексту воспоминаний, речь идет о пребывании писателя в Александровском округе, где С. А. Фельдмана в то время не было, а был его отец — А. С. Фельдман. Именно в Александровске Чехов жил одно время на квартире у доктора Перлина, в Александровском округе (в Дуэ) встречался с каторжным Блохой (X, 318), там же присутствовал при наказании плетьюми. Показательно, что Н. И. Гитович в «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова» помещает отрывки из этих воспоминаний в разделе, посвященном пребыванию писателя в Александровском округе (стр. 274—275).

Кроме того, судя по тексту воспоминаний, они исходят от чиновника, бывшего смотрителем тюрьмы. С. А. Фельдман был во время знакомства с Чеховым секретарем Корсаковского полицейского управления. Отец же его, А. С. Фельдман, действительно был смотрителем тюрьмы.

Анализ воспоминаний приводит к выводу, что они в значительной части восходят к книге самого Чехова «Остров Сахалин». Игра сахалинских детей в «бродяги», наказание каторжного — все это достаточно подробно описано в «Острове Сахалине», и поэтому вызывают удивление слова о том, что сахалинские очерки Чехова, где описаны игры детей и сцена наказания, не изданы по «независящим обстоятельствам».

Сомнения в достоверности отдельных мест этих воспоминаний возникают еще и потому, что А. С. Фельдман (который, как мы считаем, дал материал для статьи в херсонской газете) по каким-то причинам с Чеховым на Сахалине не встречался. Незадолго до приезда писателя на остров А. С. Фельдман был назначен смотрителем Дуйской тюрьмы, однако в этой должности Чехов застал другое лицо¹.

Показательны и слова С. А. Фельдмана в письме к Чехову: «Отец посылает Вам искренний привет, жалеет, что у него нет таких же приятных воспоминаний, как у меня».

Очевидно, в дни, когда вся Россия была потрясена известием о смерти Чехова, А. С. Фельдман, готовясь к новому судебному процессу с Дорошевичем, захотел похвастать своим знакомством с покойным писателем. Кое-что

¹ Во время переписи сахалинского населения Чехов завел карточку и на «канцелярского служителя Станислава Осиповича Казарского, смотрителя Дуйской тюрьмы» (Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 549, оп. 1, ед. 20, № 215).

он помнил по рассказам сослуживцев, кое-что, может быть, придумал. Все это сотрудник газеты «Юг»¹ обработал, прибавив сведения из самой книги Чехова «Остров Сахалин», — и получились воспоминания «одного из чинов сахалинской администрации».

Следовательно, эти воспоминания не могут быть признаны достоверными. Об этом следует сказать со всей определенностью потому, что статья из херсонской газеты «Чехов на Сахалине» привлекает в последнее время внимание исследователей, характеризующих ее как «интересную запись А. С. Фельдмана, встречавшегося с Антоном Павловичем на Сахалине»².

* * *

Общезвестно то огромное значение, которое имела поездка на Сахалин для жизни и творчества А. П. Чехова. Пребывание на острове оставило в сознании писателя неизгладимые впечатления, отразилось в ряде его рассказов. Замечательная книга Чехова «Остров Сахалин», насыщенная точными фактами, правдивая, как бывает правдив документ, произвела огромное впечатление в России и за границей. Она приковала к Сахалину внимание русской общественности и явилась своего рода обвинительным актом, предъявленным писателем самодержавию.

Поэтому тема «Чехов на Сахалине» имеет не только узкий краеведческий характер, она представляет и более широкий, принципиальный интерес, ибо напоминает о патристическом подвиге Чехова, свидетельствует о высоком понимании им общественного долга писателя.

Вот почему для нас сегодня дороги все подробности, связанные с сахалинским путешествием Чехова, с его пребыванием на острове и дальнейшими его связями с сахалинцами.

¹ Его псевдоним — де Линь — раскрыть не удалось.

² См., напр., статью Л. Никулина «Художник жизни» («Октябрь», 1959, № 6, стр. 223).

Е. Н. КОНШИНА

ЧЕРНОВАЯ РУКОПИСЬ КНИГИ А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»

Среди рукописного наследия А. П. Чехова одним из наиболее ценных автографов писателя является черновая рукопись его крупнейшего публицистического труда «Остров Сахалин».

Готовясь к задуманной в конце 1889 года поездке на «каторжный» остров, Чехов тщательно изучал историю его открытия, географические исследования, посвященные ему, и в письме к Суворину от 4 марта 1890 года за полтора месяца до выезда из Москвы сообщал: «Я начал уже писать про Сахалин. Написал страниц 5 «истории исследования». Вышло ничего себе, как будто по умному и авторитетно. Начал и географию с градусами и мысами. Тоже ничего себе»¹.

Однако эта первоначальная рукопись до нас не дошла. Те сведения, о которых сообщено в письме, в сохранившейся рукописи отодвинуты с первых страниц и занимают иное место: «история исследования» — с конца страницы 5-й до половины страницы 9-й, а «География с градусами и мысами» — на страницах 12-й и начале 13-й, естественно сливаясь с рассказом о событиях путешествия и личных впечатлениях автора с момента прибытия в город Николаевск в устье Амура.

¹ Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова, М., ГИХЛ, 1944 — 1951, т. XV, стр. 25. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

Правда, почему-то описываемая рукопись начинается не точным указанием дня прибытия в этот город, как мы читаем теперь в книге, не «5 июля 1890 г.», а «N-го июля». Однако ряд подробностей, введенных в первые же фразы, свидетельствует, что данная рукопись была начата не до поездки на Сахалин, а после: таковы во второй фразе — определение низовья Амура как «место величественное и красивое», упоминание о «рассказах спутников о лютой зиме...» и о впечатлении от Николаевска, выраженном словами: «и самый вид заброшенного, вымирающего города...»

Поскольку вся рукопись написана на одинаковой бумаге, одинаковыми чернилами, за исключением небольших двух-трех мест в середине, следует считать, что она писалась Чеховым уже по возвращении в спокойной обстановке своего рабочего кабинета, хотя работа и растянулась на очень продолжительное время — с 1891 по 1893, а, может быть, и 1894 год.

Об усидчивой работе над книгой летом 1891 года в Богимове много говорится в письмах Чехова того времени к разным лицам: брату Александру Павловичу, М. В. Киселевой и др. Уже 27 мая он пишет Суворину: «...продолжать теперь повесть [«Дуэль»] некогда — Сахалин на шее. Сел бы писать мелочи и пробовал уже, но мысль, что к осени я должен [курсив автора] отделаться от Сахалина, парализует всякую способность» (XV, 208).

Но, впрочем, мысль о таком быстром окончании работы была вскоре оставлена.

В конце августа он сообщал тому же адресату: «Сахалин подвигается. Временами бывает, что мне хочется сидеть над ним 3 — 5 лет и работать над ним неистово...» (XV, 238).

Второе предположение о сроке оказалось более соответствующим действительности. «Остров Сахалин» начал печататься только в октябре 1893 г. в журнале «Русская мысль», а закончился в июле 1894 года в объеме 19 глав. В 1892 году была напечатана одна глава «Беглые на Сахалине» в сборнике «Помощь голодающим» (изд. газ. «Русские ведомости», М., 1892), позднее она была сделана главой XXII. Полный текст 23 глав был напечатан отдельным изданием только в 1895 году, выпущенным редакцией журнала «Русская мысль». Для этого издания Чехов подготовлял более поздние беловые рукописи, но и описываемая

нами черновая рукопись содержит в себе упоминание о книге, вышедшей в 1893 г.

В белой рукописи и в печатных изданиях первоначальный текст «Остров Сахалин» претерпел немало изменений, — главным образом, сокращений. Чтобы представить себе количество сокращенного текста в окончательной редакции по сравнению с черновой рукописью, можно указать на X том полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова в 20 томах издания 1944—1951 годов. Здесь основной текст книги занимает стр. 7 — 335, а текст сокращенных мест черновой рукописи с 379 по 425 и с 428 по 473, т. е. на 327 страниц текста сокращено 93 страницы, значительно больше четверти. Надо еще иметь в виду, что в черновой рукописи отсутствует текст всей XXII главы о беглых и большая часть главы XX — «Свободное население. Нижние чины местных воинских команд. Надзиратели». В черновую рукопись входит только последний пункт XX главы «Интеллигенция».

Черновая рукопись состоит из 67 двойных листов большого формата, никак не скрепленных и не сложенных в тетради, как это часто бывает в рукописях больших произведений. Для Чехова это было невозможно, так как он заполнял текстом страницы двойных листов в своеобразной, лишь ему присущей последовательности: он начинал писать, как обычно принято, на лицевой стороне л. 1; заполнив страницу, переворачивал двойной лист и свою вторую страницу писал на обороте л. 2, затем разворачивал двойной лист, складывал снова вдвое и писал третью страницу по лицевой стороне л. 2, затем снова переворачивал и на обороте л. 1 писал четвертую страницу. Таким образом 1-ые и 3-ьи страницы приходятся на нормальных обычных местах, 2-ые и 4-ые переменены местами. Это была обычная манера Чехова, появившаяся у него довольно рано, — почти все уцелевшие черновые рукописи написаны с соблюдением данной особенности. Сложить их и читать, перелистывая в естественном порядке, невозможно. С каждым листом приходится проделывать описанный выше процесс. Это повлекло за собою еще одну характерную для черновых рукописей Чехова внешнюю особенность: они всегда пронумерованы самим автором обычно на середине каждой страницы крупной цифрой, начертанной цветным (синим, зеленым, красным) карандашом. Конечно, эта особен-

ность никак не влияет на содержание, не имеет никакого значения, кроме несколько своеобразной манеры. Чехов никого не позволяет себе затруднять подобной манерой и, переписывая рукописи для издательств, аккуратно пишет на одной стороне отдельных листов и в письмах пользуется бумагой в обычно принятой последовательности. Но обойти молчанием эту специфическую особенность Чехова, описывая его крупнейшую рукопись, не хотелось бы.

Возвращаясь к содержанию рукописи «Остров Сахалин» и внешнему виду ее текста, рассказывающим о творческом процессе писателя и раскрывающим его творческую лабораторию.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на рукопись, это огромный кропотливый труд писателя над своим произведением. Здесь сравнительно немного добавлений, вставок по существу, композиционных перестроек. Часто можно встретить сокращения, о чем уже говорилось выше и будет сказано еще несколько позже. Нередки переносы из основного текста в сноски и примечания. Читая черновую рукопись, выносишь впечатление, что Чехов обдумал и логически скомпоновал произведение до того, как он взялся его писать. В творческом наследии Чехова совсем нет черновых планов размышлений о композиции его произведений. Вероятнее всего, он не заносил таких размышлений на бумагу, или же тщательно уничтожал все, что имело подобный характер. Это можно сказать обо всех его произведениях, как художественных, так и публицистических.

Лабиринты его черновиков всегда обнаруживают его безграничную требовательность к изобразительности своего повествования, к выразительности своего языка, причем то и другое достигается им не дополнением подробностей, не нагромождением мелочных черт, а разгрузкой того и другого, упрощением. В частности, Чехов заменяет слова с иностранными корнями — русскими, напр., вместо «конкурируя», он пишет «соперничая», вместо «индифферентизм» — «равнодушие». Уже на одной из первых страниц черновой рукописи сахалинского очерка можно наблюдать эту работу над языком.

Стремление рассказывать обо всем как можно компактнее, собраннее, избегать повторений, хотя бы и в очень ярких примерах, заставляло Чехова вычеркивать в черновике большие куски текста. Не ограничиваясь этими сокраще-

ниями, Чехов, переписывая текст в беловую рукопись, опускает много мест и не зачеркнутых в черновике, а в печатном тексте производит снова сокращения. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в комментарий к рукописи «Остров Сахалин» в X томе полного 20-томного собрания сочинений и писем Чехова, где приведены эти зачеркнутые и опущенные места.

В этой авторской чистке текста обращает на себя внимание старательное изъятие всего, что имеет личный или временный характер, напр., описывая наступление вечера в Корсаковке на берегу речки Дуйки, Чехов опускает в печатном тексте сравнение наблюдаемой им картины с пейзажами художника Волкова, данное им в черновой рукописи (стр. 61 рукописи, 73 в т. X).

В рукописи «Остров Сахалин» имеется очень много статистических данных. В черновой рукописи их значительно больше, чем в печатном тексте. Отказ от многих цифр в окончательной редакции был вызван все тем же желанием Чехова сделать свою книгу не отчетом о поездке и виденных фактах, но литературным произведением, публицистически насыщенным, воздействующим не только на рассудок читателя, которому предоставляются точные цифры и справки, но и на его воображение и чувства, для которых нужны живые образы.

Черновая рукопись «Острова Сахалина» является в этом отношении богатейшим материалом для наблюдения, как Чехов-писатель заставляет оживать мертвую и сухую статистику, как он без жалких слов и сентиментальных указок умеет вызывать незабываемые по силе впечатления от ужаса каторжных условий человеческой жизни на фоне природы, имеющей и там свою красоту, величие или скромную лирику.

Черновая рукопись «Острова Сахалина» хранится в двух архивохранилищах: лист первый (первые 4 страницы) хранится в Центральном Государственном архиве литературы и искусства; остальные 66 листов (стр. 5 — 266) входят в состав фонда А. П. Чехова, хранящегося в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, куда эта рукопись поступила от Марии Павловны Чеховой в начале 1920-х годов.

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы творчества

Ф. И. Кулешов. Литературно-художественные взгляды А. П. Чехова	3
Л. Никулин. Чехов о народной жизни	61
Е. П. Охременко. А. П. Чехов в оценке дореволюцион- ной марксистской критики	65
Вс. Н. Иванов. О Чехове	97
Ф. И. Кулешов. Неопубликованные письма А. И. Куп- рина к А. П. Чехову	100

А. П. Чехов за рубежом

У Цюань-то. Китайский народ горячо любит А. П. Чехова	127
Н. В. Ключник. Чехов в ГДР	139
О. Д. Теплинская. Английская пресса о чеховских спектаклях в постановке МХАТ	153

А. П. Чехов на Сахалине

И. Г. Эренбург. Сахалинская страница	164
М. П. Чехова. Поездка А. П. Чехова на Сахалин	173
Вл. Лидин. «Остров Сахалин»	178
М. В. Теплинский. Новые материалы о сахалинском путешествии А. П. Чехова	180
✓ Е. Н. Коншина. Черновая рукопись книги А. П. Че- хова «Остров Сахалин»	226
